ISSN 2782-1668 (печатный)
ISSN 2712-8857 (электронный)

ЖУРНАЛ
EUROPEAN AND ASIAN LAW REVIEW

2026

Том 9. Выпуск 2

Основан в марте 2018 года. Выходит 4 раза в год.

Учредитель, издатель и распространитель:
Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева

В журнале рассматриваются актуальные проблемы юридической науки и практики государств-членов Евразийского экономического союза, БРИКС+ и Шанхайской организации сотрудничества с элементами сравнительно-правовых исследований. Специальный выпуск научного издания подготовлен к XIX сессии Европейско-Азиатского правового конгресса, проводимой 4–5 июня 2026 г. На страницах журнала публикуются научные статьи, аналитические материалы, комментарии экспертов и обзоры, подготовленные профессиональными юристами – учеными и практиками из государств-членов Евразийского экономического союза, БРИКС+ и Шанхайской организации сотрудничества, а также политиков, представителей органов государственной власти, бизнеса и общественности.

Главный редактор журнала:

Юлия Валерьевна Иванчина – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Заместители главного редактора:

Елена Александровна Истомина – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Фёдор Викторович Фетюков – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-72531 от 20.03.2018.

Адрес редакции: 620066, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, оф. 114.
Телефон: +7 (343) 375-06-70;
e-mail: ealawreview@uslu.su;
https://ealawreview.usla.ru/.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

© European and Asian Law Review, 2026

ISSN 2782-1668 (print)
ISSN 2712-8857 (online)

**JOURNAL
EUROPEAN AND ASIAN
LAW REVIEW**

2026
Volume 9. Issue 2

Journal was founded in 2018. Issued 4 times a year

Founder, publisher and distributor:
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Actual problems of the legal science and practice of the member states of the Eurasian Economic Union, BRICS+ and the Shanghai Cooperation Organization are considered in the journal with elements of comparative legal research. A special issue of the scientific publication has been prepared for the XIX session of the Euro-Asian Law Congress, held on June 4–5, 2026. The journal publishes scientific articles, analytical materials, expert comments and reviews prepared by professional lawyers – scientists and practitioners from the member states of the Eurasian Economic Union, BRICS+ and the Shanghai Cooperation Organization, as well as politicians, government officials, business and the public.

Editor-in-Chief:

Yulia V. Ivanchina – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Labor Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Deputy Editors-in-Chief:

Yelena A. Istomina – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Labor Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Fyodor V. Fetyukov – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

State registration Certificate PI No. FS 77-72531 dated 20 March 2018.

Editorial office address: 21 Komsomolskaya Str., office 114, Yekaterinburg, Russia 620066
Phone: +7 (343) 375-06-70, e-mail: ealawreview@uslu.su
https://ealawreview.usla.ru/.

The views expressed in this issue are those of the authors and do not reflect the views of the editorial staff.

© European and Asian Law Review, 2026

Редакционная коллегия

Юрий Сергеевич Безбородов – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Владимир Сергеевич Белых – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права, директор Института права и предпринимательства Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права (Екатеринбург, Россия).

Людмила Николаевна Берг – доктор юридических наук, профессор, заместитель министра международных и внешнеэкономических связей Свердловской области (Екатеринбург, Россия).

Сергей Александрович Боголюбов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Владимир Александрович Бублик – доктор юридических наук, профессор, ректор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Данил Владимирович Винницкий – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, директор Института права БРИКС Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Отабек Турсунпулатович Ганиев – кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции 3-й степени, доцент кафедры криминалистики и судебной экспертизы Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан).

Александр Константинович Голиченков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой экологического и земельного права, декан юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Светлана Юрьевна Головина – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Бронислав Мичиславович Гонгало – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, директор Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, член Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (Екатеринбург, Россия).

Сергей Артурович Калинин – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

Иван Яковлевич Козаченко – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

Игорь Александрович Кравец – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия).

Фархад Калбаевич Кутлымуратов – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Каракалпакского государственного университета им. Бердаха (Нукус, Узбекистан).

Лев Александрович Лазутин – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, заслуженный юрист Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

Алексей Алексеевич Ливеровский – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).

Андрей Михайлович Лушников – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Ярославль, Россия).

Зинаида Александровна Незнамова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права им. М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Виктор Сергеевич Плетников – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Владислав Евгеньевич Понаморенко – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (Москва, Россия).

Олег Александрович Пучков – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Роза Наильевна Салиева – доктор юридических наук, профессор, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Марат Сабирьянович Саликов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Ирина Владимировна Шестерякова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, декан юридического факультета, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

Владимир Владимирович Ярков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, приглашенный профессор Университета «Париж Запад Нантерр ля Дефанс» (Екатеринбург, Россия).

Редакционный совет

Нозимахон Эльдаровна Гафурова – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета (Узбекистан).

Адди Мацц – профессор финансового права, директор образовательной программы «Финансовое право» Республиканского университета (Уругвай).

Аммон Винсент Мбелле – профессор Университета Дар-эс-Салама, представитель Танзании в Комиссии Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (Танзания).

Владимир Александрович Бублик – доктор юридических наук, профессор, ректор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия).

Крейг Уэст – ассоциированный профессор, руководитель департамента финансов и налогообложения Университета Кейптауна (ЮАР).

Емил Асенов Мингов – профессор Софийского университета им. Св. Климента Охридского (Болгария).

Марат Алдангорович Сарсембаев – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева и член Научно-консультативного совета при Конституционном Совете Республики Казахстан (Казахстан).

На Ли – эксперт Восточно-Китайского университета политических наук и права, сотрудник Сетевого института права БРИКС (Китай).

Никола Тупанчески – доктор юридических наук, профессор Университета Св. Кирилла и Мефодия (Македония).

Паскуале Пистоне – доктор юридических наук, профессор, директор по академическим вопросам Международного бюро фискальной документации, профессор Венского университета экономики, ассоциированный профессор Университета Салерно, почетный профессор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Нидерланды).

Дикшит Прасад Сенгупта – доктор юридических наук, профессор, главный советник Национального института публичных финансов и политики (Индия).

Толеш Ерденович Каудыров – доктор юридических наук, профессор, ректор Академии правосудия Верховного Суда Республики Казахстан (Казахстан).

Сергей Александрович Трахимёнок – доктор юридических наук, профессор Института национальной безопасности Республики Беларусь (Беларусь).

Александр Трунк – доктор права, профессор, директор Института стран Восточной Европы Университета им. Христиана Альбрехта, почетный профессор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Германия).

Леонид Борисович Хван – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета (Узбекистан).

Владимир Владимирович Ярков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, приглашенный профессор Университета «Париж Запад Нантерр ля Дефанс» (Россия).

Ярмо Койстинен – кандидат юридических наук, доктор права, доцент Университета Восточной Финляндии (Финляндия).

Editorial Board

Yuri S. Bezborodov – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Vladimir S. Belykh – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Entrepreneurial Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Eurasian Research Center for Comparative and International Business Law (Yekaterinburg, Russia).

Lyudmila N. Berg – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Minister of the Ministry of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg, Russia).

Sergey A. Bogolyubov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Environmental and Agrarian Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Vladimir A. Bublik – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Acting Rector of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Danil V. Vinnitskiy – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Financial Law Department, Director of the Institute of Law BRICS of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Otabek T. Ganiev – Candidate of Juridical Sciences, Associate of the 3rd degree, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Forensic Examination of the Tashkent State Law University (Tashkent, Uzbekistan).

Alexander K. Golichenkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Environmental and Land Law Department, Dean of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Svetlana Yu. Golovina – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Labor Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Bronislav M. Gongalo – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Civil Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Director of the Ural Branch of the Private Law Research Center named after S. S. Alexeyev under the President of the Russian Federation, member of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation (Yekaterinburg, Russia).

Sergei A. Kalinin – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean for Scientific and Educational Activities of the Faculty of Law of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Ivan Ya. Kozachenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Igor A. Kravets – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law of Novosibirsk National Research University (Novosibirsk, Russia).

Farhad K. Kutlymuratov – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of Karakalpak State University named after Berdakh (Nukus, Uzbekistan).

Lev A. Lazutin – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of International Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Honored Lawyer of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia).

Alexey A. Liverovsky – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the St. Petersburg Branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russia).

Andrei M. Lushnikov – Doctor of Juridical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and Finance Law of P. G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

Zinaida A. Neznamova – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Viktor S. Pletnikov – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Vladislav E. Ponamorenko – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Law of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation» (Moscow, Russia).

Oleg A. Puchkov – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Roza N. Salieva – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Legal Problems of Subsoil Use, Ecology and Fuel and Energy Complex of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia).

Marat S. Salikov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Constitutional Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Irina V. Shesteryakova – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Labor Law Department of the Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Andrei V. Shidlovskii – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Vladimir V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Civil Procedure Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Member of the Scientific Advisory Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Visiting Professor at the Paris Nanterre University (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Council

Nozimakhon E. Gafurova – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law and Human Rights of the Tashkent State Law University (Republic of Uzbekistan).

Addy Mazz – Professor of Financial Law, Director of the Specialization Program in Financial Law of the Republican University (Republic of Uruguay).

Ammon Vincent Mbelle – Professor of the Dares-Salaam University, Representative of Tanzania to the United Nations Commission on Trade and Development (UNCTAD) (United Republic of Tanzania).

Vladimir A. Bublik – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Acting Rector of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia).

Craig West – Associate Professor, Head of Department of Finance and Tax of University of Cape Town (South Africa).

Emil Asenov Mingov – Professor of the Sofia University St. Kliment Ohridski (Bulgaria).

Marat A. Sarsembayev – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor of the International Law Department of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, the Member of the Scientific and Advisory Board of the Constitutional Council of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan).

Na Li – Post-doc Research Fellow at East China University of Political Science and Law, Staff Member of the BRICS Network University (China).

Nikola Tupanceska – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Ss. Cyril and Methodius University's (Macedonia).

Pistone Pasquale – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor, Director for Academic Affairs of the International Bureau of Fiscal Documents, Professor of the Vienna University of Economics, Associate Professor of the University of Salerno, Honorary Professor of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Kingdom of the Netherlands).

Dikshit Prasad Sengupta – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor, Senior Adviser of National Institute of Public Finance and Policy (Republic of India).

Tolesh Erdenovich Kaudyrov – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor, Rector of the Academy of Justice of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan).

Sergei A. Trakhimyonok – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the National Security Institute of the Republic of Belarus (Republic of Belarus).

Alexander Trunk – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor, Director of the Eastern European Law Institute of the University of Christian-Albrecht, Honorary Professor of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Germany).

Leonid B. Khvan – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Administrative and Financial Law Department of Tashkent State Institute of Law (Uzbekistan).

Vladimir V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Member of the Scientific Advisory Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Visiting Professor at the Paris Nanterre University (Russia).

Jarmo T. Koistinen – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor of the University of Eastern Finland (Finland).

Содержание

Научные статьи

Гулемин А. Н. Формирование целостного правового поля автономных транспортных систем: стратегия технологического суверенитета России 10
Нечкин А. В. Публичная власть в условиях широкого внедрения современных технологий в России 19
Бояринцева О. А. Цифровой профиль: доктринальные подходы и проблемы правового регулирования 27
Качалова О. В. Цифровые инструменты обеспечения прав участников уголовного судопроизводства 35
Азарёнок Н. В., Курченко В. Н. Искусственный интеллект как помощник судьи при избрании меры пресечения: разработка алгоритма обучения искусственного интеллекта составлению проектов постановлений суда об избрании мер пресечения и их проверке 47
Зуев С. В. Законность в электронном уголовном процессе: новые правила и прежняя строгость 59
Ермакова О. В., Кукасов М. В. Специальные составы должностных преступлений: сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства стран СНГ 69
Васиян Р. И. Вопросы государственного нормативно-правового регулирования правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта в современных условиях развития цифровой экономики 83
Бажина М. А. Интеллектуальные транспортные системы: правовые вызовы 94
Волков Ю. В. Искусственный интеллект как предмет регулирования 103
Ренц И. Г., Ярков В. В. Защита экономических интересов российских лиц в условиях национализации юрисдикции 113
Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Трансформация трудового правоотношения и социально-обеспечительных правоотношений в условиях формирования шестого технологического уклада 123

Contents

Research Articles

Gulemin, A. N. Formation of a Comprehensive Legal Field for Autonomous Transport Systems: a Strategy for Russia's Technological Sovereignty 10
Nechkin, A. V. Public Authority in the Context of Widespread Implementation of Modern Technologies in Russia 19
Boyarintseva, O. A. Digital Profile: Doctrinal Approaches and Problems of Legal Regulation 27
Kachalova, O. V. Digital Tools for Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings 35
Azarenok, N. V. & Kurchenko, V. N. Artificial Intelligence as a Judge's Assistant in Selecting Preventive Measures: Developing an Algorithm to Train AI to Draft and Check Court Rulings 47
Zuev, S. V. Legality in Electronic Criminal Proceedings: New Rules and the Same Strickness 59
Ermakova, O. V. & Kukasov, M. V. Special Elements of Official Crimes: a Comparative Legal Study of Criminal Legislation of CIS Countries 69
Vasiyan, R. I. Issues of State Legal Regulation of the Legal Personality of Robotics and Artificial Intelligence Systems in the Current Conditions of the Digital Economy Development 83
Bazhina, M. A. Intelligent Transportation Systems: Legal Challenges 94
Volkov, Yu. V. Artifical Intellegence as a Subject of Regulation 103
Renz, I. G. & Yarkov, V. V. Protecting the Economic Interests of Russian Individuals in the Context of Nationalization of Jurisdiction 113
Vasilyeva, Yu. V. & Shuraleva, S. V. Transformation of Labor Relations and Social Security Relations in the Context of the Formation of the Sixth Technological Order 123

Для цитирования:
Гулемин А. Н. Формирование целостного правового поля автономных транспортных систем: стратегия технологического суверенитета России // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 10–18. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_10.

Information for citation:
Gulemin, A. N. (2026) Formirovanie tselostnogo pravovogo polya avtonomnykh transportnykh sistem: strategiya tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii [Formation of a Comprehensive Legal Field for Autonomous Transport Systems: a Strategy for Russia's Technological Sovereignty]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 10–18. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_10.

УДК 34.096
BISAC: 099000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_10
Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОГО ПРАВОВОГО ПОЛЯ АВТОНОМНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ: СТРАТЕГИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

А. Н. Гулемин
Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-0876-3849

В статье исследуется проблематика формирования целостного правового регулирования автономных транспортных систем (АТС) как инфраструктурное условие обеспечения технологического лидерства России. На основе системно-структурного анализа законодательства и стратегических поручений Президента РФ обосновывается необходимость закрепления термина «автономная транспортная система» на уровне единого нормативного акта. Такой подход позволит устранить фрагментацию отраслевого регулирования, преодолеть коллизии юрисдикций и обеспечить эффективную межведомственную координацию. Особое внимание уделяется переходу от разрешительной модели допуска к сертификационной, основанной на измеримых стандартах безопасности, а также введению обязательного страхования ответственности операторов АТС. Детально анализируется режим данных, создаваемых АТС. Предлагаются механизмы их интеграции в единую систему мониторинга на базе «ЭРА-ГЛОНАСС», локализации, криптографической защиты и разграничения прав на коммерческое использование. Доказана целесообразность опережающей трансформации системы подготовки юридических кадров через внедрение междисциплинарных программ и специализированных модулей по правовому сопровождению технологий искусственного интеллекта. Сформулированные предложения соответствуют повестке круглого стола XIX сессии Европейско-Азиатского правового конгресса и представляют научно-практическую основу для комплексной регламентации массового внедрения беспилотных решений в логистике, городском хозяйстве и промышленности.

Ключевые слова: *автономные транспортные системы, правовое регулирование, технологический суверенитет, режим данных, сертификация, подготовка юридических кадров*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

FORMATION OF A COMPREHENSIVE LEGAL FIELD FOR AUTONOMOUS TRANSPORT SYSTEMS: A STRATEGY FOR RUSSIA'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Artem N. Gulemin
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0003-0876-3849

This article examines the challenges of establishing a comprehensive legal framework for autonomous transport systems (ATS) as an infrastructural prerequisite for ensuring Russia's technological leadership. Based on a systematic structural analysis of current legislation and strategic directives of the President of the Russian Federation the study substantiates the necessity of statutorily enshrining the term 'autonomous transport system' within a single unified regulatory act. Such an approach will eliminate the fragmentation of sectoral regulation, resolve jurisdictional conflicts and ensure effective interagency coordination. Special attention is devoted to transitioning from a permit-based authorization model to a certification-based regime grounded in measurable safety standards, as well as to introducing mandatory liability insurance for ATS operators. The legal regime of data generated by ATS is analyzed in detail with proposed mechanisms for its integration into a unified monitoring system based on ERA-GLONASS, data localization, cryptographic protection and the delineation of commercial usage rights. The study demonstrates the necessity of a forward-looking transformation of legal education through the introduction of interdisciplinary programs and specialized modules focused on the legal support of artificial intelligence technologies. The proposals formulated align with the agenda of the Round Table at the XIX session of the Euro-Asian Law Congress and provide a scientific and practical foundation for the comprehensive regulation of mass deployment of autonomous solutions in logistics, urban infrastructure and industry.

Keywords: *autonomous transport systems, legal regulation, technological sovereignty, data governance, certification, legal education*

Введение

Современный этап технологического развития характеризуется ускоренным внедрением автономных и беспилотных решений во все сферы общественной жизни как в России, так и в мировом пространстве. Как справедливо отмечено в ходе профильного совещания Президента РФ, формирование национальной индустрии автономных транспортных систем (АТС) перестало быть вопросом технологической моды, превратившись в стратегический императив глобальной конкурентоспособности, экономической эффективности и технологического суверенитета Российской Федерации. Переход от локальных экспериментов и точечного тестирования к повсеместному, массовому использованию автономных объектов в логистике, городском хозяйстве, промышленности и транспорте требует не просто адаптации, а коренной трансформации нормативно-правовой базы.

Однако правовое поле, регулирующее разработку, сертификацию, эксплуатацию и интеграцию автономных систем, остается фрагментированным. Ключевым системным барьером на пути к его масштабированию выступает отсутствие единого легального закрепления термина «автономная транспортная система» в федеральном законодательстве. Терминологическая неопределенность порождает коллизии

юрисдикций, затрудняет выработку единых стандартов сертификации, блокирует формирование сквозного режима ответственности за действия (или бездействие) алгоритмов искусственного интеллекта, а также усложняет регулирование режима данных, генерируемых автономными объектами в реальном времени.

В этих условиях формирование целостного, комплексного правового регулирования АТС становится не вспомогательной, а инфраструктурной задачей государства. Цель настоящей статьи заключается в системном анализе текущих проблем правового обеспечения АТС, формулировке доктринальных подходов к легальному закреплению базового понятийного аппарата и разработке концептуальных направлений комплексной регламентации, отвечающих стратегическим задачам технологического лидерства России.

Актуальность темы обусловлена не только динамикой технологических инноваций, но и прямым запросом правоприменительной практики, сформулированным на высшем государственном уровне: от экспериментальных режимов требуется перейти к созданию предсказуемого, безопасного и технологически нейтрального правового поля, способного обеспечить суверенное развитие национальной индустрии автономных систем во всех средах.

Основная часть

Формирование единого правового поля следует начинать с дефиниции. В современной российской нормативной базе термин «автономная транспортная система» (АТС) отсутствует на уровне федерального законодательства и подзаконных актов общего действия. Вместо этого законодатель оперирует множеством отраслевых понятий, закрепленных в различных актах: «беспилотное воздушное судно» (Воздушный кодекс РФ, Федеральные авиационные правила № 494[1]), «система автоматизированного управления транспортным средством» (ГОСТ Р 58837-2020[2]), «робототехническое устройство» (ГОСТ Р 60.0.0.8-2023[3]), «беспилотная авиационная система» (Воздушный кодекс РФ, Федеральные авиационные правила). Подобная фрагментация отражает исторически сложившийся отраслевой подход к регулированию транспорта, где каждая среда регулируется самостоятельным кодексом и ведомственными актами. Кроме того, наличие разных подходов в международно-правовом регулировании приводит к затруднению реализации международных перевозок и развития международного транспортного сообщения [Остроушко, Попов, 2025].

Системно-структурный анализ действующего законодательства выявляет, что перечисленные понятия фиксируют только технические или функциональные ха-

[1] Приказ Минтранса России от 19 ноября 2020 г. № 494 (ред. от 19 октября 2022 г.) «Об утверждении Федеральных авиационных правил „Требования к юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, выполняющим авиационные работы, включенные в перечень авиационных работ, предусматривающих получение документа, подтверждающего соответствие требованиям федеральных авиационных правил юридического лица, индивидуального предпринимателя. Форма и порядок выдачи документа (сертификата эксплуатанта), подтверждающего соответствие юридического лица, индивидуального предпринимателя требованиям федеральных авиационных правил. Порядок приостановления действия, введения ограничений в действие и аннулирования сертификата эксплуатанта“».

[2] ГОСТ Р 58837-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Автомобильные транспортные средства. Системы автоматизированного управления. Общие принципы проектирования (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 2 октября 2020 г. № 738-ст).

[3] ГОСТ Р 60.0.0.8-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Онтологии робототехники. Общие положения, основные понятия, термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 15 сентября 2023 г. № 850-ст).

рактеристики отдельных устройств, но не охватывают комплексную природу автономных систем, способных функционировать в гибридных средах, взаимодействовать между собой и с инфраструктурой в режиме реального времени. Отсутствие сквозной дефиниции АТС порождает ряд правоприменительных коллизий. Во-первых, возникает проблема юрисдикционной неопределенности: к компетенции какого органа относятся сертификация, допуск к эксплуатации и надзор за системами, функционирующими в разных средах (например, наземный модуль доставки и воздушный дрон-курьер). Во-вторых, ограничивается внедрение единых стандартов измеримой безопасности, которые прямо обозначены в поручениях Президента РФ как необходимое условие перехода к массовому внедрению АТС.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что международное регулирование также не выработало единого термина, однако движется в сторону функциональной унификации. Ключевое отличие зарубежной практики заключается в том, что регуляторы смещают фокус с классификации устройства на классификацию уровня автономности принятия решений этим устройством и степени участия человека в контуре управления. Видится целесообразным в российском регулировании принять этот функциональный подход, адаптировав его к требованиям технологического суверенитета и сквозного мониторинга. Как верно заметила Е. А. Березина, РФ может заимствовать положительный опыт законодательной деятельности стран АТР в области экспериментов по тестированию беспилотных транспортных средств [Березина, 2022].

Доктринальное предложение по легальному закреплению термина «автономная транспортная система» должно базироваться на следующих признаках, отличающих АТС от традиционных транспортных средств с элементами автоматизации:

средовая универсальность – способность функционировать в одной или нескольких средах в рамках единого технологического цикла;

автономность принятия решений – способность системы выполнять транспортную задачу без непрерывного прямого контроля человека, используя алгоритмы искусственного интеллекта, машинного зрения и предиктивной аналитики;

интегрированность в единый информационно-управляющий контур – обязательная способность к сквозной идентификации, телеметрии, обмену данными с инфраструктурой и другими АТС в режиме реального времени;

функциональная завершенность – наличие аппаратно-программного комплекса, обеспечивающего навигацию, восприятие окружающей обстановки, планирование маршрута и выполнение транспортной функции без внешнего физического вмешательства.

Закрепление данной категории целесообразно осуществить путем принятия единого нормативного правового акта, а не через внесение изменений в отраслевые законы. Без легального признания термина АТС любые попытки урегулировать вопросы ответственности за действия искусственного интеллекта или установить требования к мониторингу будут носить лоскутный характер, воспроизводя административные барьеры, преодоление которых и является целью стратегических поручений главы государства.

Переход от экспериментального тестирования к повсеместному внедрению АТС требует также системного пересмотра регуляторных механизмов. В настоящее время основным инструментом апробации новых правовых моделей остаются экспериментальные правовые режимы, принятые в отдельных регионах. Их значение заключается в возможности временного отступления от действующих ограничений для тестирования инновационных решений. Однако механизмы масштабиро-

вания успешных практик на федеральный уровень остаются недостаточно формализованными.

Для обеспечения ускоренного перехода к массовому использованию АТС в ключевых секторах экономики необходимо сформировать комплекс правовых инструментов, направленных на снятие административных барьеров.

Во-первых, предлагается перейти от разрешительной модели допуска к эксплуатации к сертификационной, основанной на исчерпывающих, однозначных и измеримых стандартах безопасности. Как отметил И. Д. Слободянин, сертификация должна охватывать не только аппаратную часть, но и алгоритмы принятия решений, обеспечивая верификацию их соответствия требованиям кибербезопасности и отказоустойчивости [Слободянин, 2025].

Во-вторых, представляется, что правовое регулирование должно стимулировать внедрение АТС через отраслевые планы и дорожные карты, утверждаемые на уровне Правительства РФ. Такие документы должны содержать критерии оценки эффективности внедрения: рост производительности труда, снижение аварийности, формирование новых рабочих мест и т. п. Такой подход видится стимулирующим и соответствует стратегическим установкам на формирование экономики высоких зарплат.

Наконец, ускоренный переход к массовому использованию АТС невозможен без гармонизации технических регламентов, отраслевых ГОСТов и правил эксплуатации. Формирование единого базового стандарта для автономных систем, включающего требования к стандартизации элементной базы, защите данных и протоколам взаимодействия, станет ключевым правовым инструментом обеспечения технологического суверенитета и конкурентоспособности отечественных разработок на внутреннем и внешнем рынках.

Деликтный режим, применимый к АТС, является наиболее острым вопросом, непосредственно влияющим на готовность бизнеса и общества к их массовому внедрению. Действующая конструкция ст. 1079 ГК РФ, основанная на возложении ответственности на владельца источника повышенной опасности, в условиях полной или высокой автономности управления теряет традиционную причинно-следственную логику. Когда ключевое решение принимается алгоритмом, а не человеком, возникает правовой пробел в определении субъекта, чьи действия или бездействие повлекли причинение вреда. В настоящее время вопрос о субъекте деликтной ответственности за вред, причиненный АТС, остается открытым среди как отечественных, так и зарубежных ученых, а в законодательстве отсутствуют нормы об ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью человека программным обеспечением [Гребенкина, Гребенкина, 2022].

В гражданско-правовом регулировании видится целесообразным закрепить презумпцию ответственности оператора АТС перед потерпевшими третьими лицами. При этом оператор должен сохранять право регресса к разработчику программного обеспечения, производителю аппаратных компонентов или органу по сертификации в случае доказанного дефекта алгоритма или сбоя оборудования. Дополнительным инструментом распределения рисков должно стать введение обязательного страхования гражданской ответственности операторов АТС.

Административно-правовое регулирование также требует существенной актуализации. КоАП РФ не содержит специальных составов, учитывающих специфику эксплуатации АТС. В перспективе необходимо дополнить КоАП РФ нормами, устанавливающими ответственность за эксплуатацию АТС без прохождения обязательной сертификации, отключение или искажение данных систем мониторинга, несанкционированное вмешательство в алгоритмы управления и иные общественно опасные деяния.

Четкое разграничение зон ответственности между оператором, разработчиком и регулятором, подкрепленное адекватными механизмами страхования и целевыми административными санкциями, устранит текущую неопределенность. Предсказуемость деликтного режима может стать ключевым фактором инвестиционного доверия и ускорения интеграции АТС в реальный сектор экономики.

Режим данных, генерируемых АТС, также выступает фундаментальным элементом их безопасной и эффективной эксплуатации. В отличие от традиционных транспортных средств, АТС непрерывно производят массивы телематической, сенсорной и геопространственной информации, которые не попадают напрямую под регулирование Закона № 152-ФЗ «О персональных данных», но обладают высокой степенью важности в контексте национальной безопасности, коммерческой тайны и защиты критической информационной инфраструктуры.

Ключевым направлением развития правовой базы в части данных АТС является их интеграция в единую систему мониторинга и идентификации. С 1 марта 2026 г. мониторинг всех гражданских беспилотных аппаратов обеспечивается единой системой на базе «ЭРА-ГЛОНАСС»[4]. Данный подход следует масштабировать на все виды автономного транспорта, закрепив на нормативном уровне обязательную передачу данных в режиме реального времени в уполномоченные государственные органы, что позволит создать бесшовную сеть обмена данными между всеми видами автономных объектов.

В целях обеспечения суверенитета и кибербезопасности правовой режим данных АТС должен включать строгие требования к их локализации на территории РФ, а также применению сертифицированных средств криптографической защиты каналов управления и телеметрии. Высокая зависимость АТС от программного обеспечения и подключения к сетям делает их потенциальной мишенью для хакерских атак с угрозами в том числе утечки данных пассажиров и захвата контроля над критически важными системами [Куверин, Гусев, Блинов, 2025]. Регулятору целесообразно определить четкие стандарты протоколов взаимодействия без риска создания технологических зависимостей от иностранного ПО.

Отдельного регулирования требует вопрос коммерческого использования собранных данных. Видится необходимым законодательное разграничение прав оператора АТС, производителя оборудования и государства на данные, формируемые в процессе эксплуатации. Внедрение механизмов обезличивания позволит, в частности, стимулировать разработку отечественных фундаментальных языковых моделей и алгоритмов компьютерного зрения, превращая данные в стратегический актив технологической индустрии.

Таким образом, формирование предсказуемого и защищенного режима данных АТС является также необходимым условием для создания целостного правового регулирования автономных систем.

Развитие АТС требует не только технологических и регуляторных решений, но и существенной трансформации системы подготовки кадров. Современные образовательные стандарты в сфере юридического образования не учитывают специфику правового сопровождения АТС, что создает дефицит специалистов, способных работать на стыке права, технологий и искусственного интеллекта, равно как недостаточное количество высококвалифицированных специалистов в области ИИ затрудняет развитие индустрии [Забайкин, Лунькин, 2023].

[4] Постановление Правительства РФ от 2 февраля 2026 г. № 83 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

В целях устранения этого пробела видится целесообразным внедрение в программы высшего образования специализированных модулей и дисциплин, охватывающих основы регулирования автономных систем, режимы данных, ответственность за действия алгоритмов, а также вопросы информационной безопасности. Эти изменения могут быть реализованы как в рамках существующих направлений подготовки, так и посредством запуска новых междисциплинарных программ. Так, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева с 2026 учебного года начинает подготовку студентов по программе «технологический юрист», предусматривающей углубленное изучение студентами в том числе дисциплин информационно-правового цикла.

Отдельного внимания заслуживает вопрос привлечения к разработке и эксплуатации АТС специалистов с практическим опытом управления беспилотными системами, в частности ветеранов и военнослужащих, участвовавших в применении боевых дронов. Их компетенции в области навигации, телеметрии и принятия решений в условиях неопределенности должны быть востребованы в гражданском секторе и при создании программ профессиональной переподготовки.

Таким образом, формирование новой системы кадрового обеспечения для правового и технологического сопровождения АТС является неотъемлемой частью стратегии технологического лидерства и должно рассматриваться как приоритетное направление государственной политики в сфере образования и науки.

Выводы

Проведенный анализ позволяет констатировать, что формирование целостного правового поля автономных транспортных систем выступает инфраструктурной задачей обеспечения технологического лидерства России. Без системного решения ключевых регуляторных вопросов массовое внедрение АТС будет сопровождаться правовыми коллизиями, что неизбежно замедлит развитие отечественной индустрии.

Центральный вывод исследования состоит в необходимости легального закрепления термина «автономная транспортная система» как базовой правовой категории. Отсутствие единой дефиниции в федеральном законодательстве порождает фрагментацию регулирования и усложняет координацию между ведомствами. Закрепление понятия целесообразно осуществить путем принятия единого нормативного акта.

Правовое регулирование АТС должно сочетать четкие стандарты безопасности с гибкостью, необходимой для технологических инноваций. Переход от разрешительной модели к сертификационной, основанной на измеримых критериях, а также введение обязательного страхования ответственности операторов позволят создать предсказуемую среду для инвестиций и разработок.

Интеграция телеметрии и сенсорной информации АТС в единую систему мониторинга на базе «ЭРА-ГЛОНАСС», обеспечение локализации и криптографической защиты, разграничение прав на коммерческое использование создаваемых АТС данных – необходимые условия в том числе для предотвращения технологической зависимости государства.

Наконец, развитие АТС невозможно без опережающей трансформации системы подготовки кадров. Внедрение специализированных модулей в юридическое образование, создание программ переподготовки специалистов и формирование междисциплинарных компетенций на стыке права и технологий должны стать одними из приоритетных направлений государственной политики.

Такой комплексный подход соответствует поручениям Президента РФ и повестке круглого стола «Комплексное правовое регулирование автономных транспортных систем и беспилотной авиации как новое направление обеспечения технологического лидерства» XIX сессии Европейско-Азиатского правового конгресса.

Библиографический список

Березина Е. А. Автономные автомобильные транспортные средства: правовой опыт Сингапура, Китая и Южной Кореи // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – № 3. – С. 100–123. – DOI: 10.24866/1813-3274/2022-3/100-123.

Гребенкина И. А., Гребенкина С. А. Беспилотные транспортные средства: гражданско-правовые аспекты деликтной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 2. – С. 84–87.

Забайкин Ю. В., Лунькин Д. А. Правовая регламентация использования систем искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 4-1. – С. 315–321. – DOI: 10.34670/AR.2023.26.34.057.

Куверин И. Ю., Гусев С. А., Блинов Д. Г. Безопасность автономных транспортных средств: комплексный анализ и стратегические перспективы // Интеллектуальный транспорт. – 2025. – Т. 9. – № 4 (36). – С. 102–115.

Остроушко А. В., Попов О. В. Правовое регламентирование интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем, включая автономные транспортные средства // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2025. – № 3. – С. 47–49.

Слободянин И. Д. Правовая классификация беспилотных транспортных средств в условиях цифровой трансформации транспортной отрасли: проблемы терминологии и категоризации // Информационное право. – 2025. – Т. 83. – № 1. – С. 30–35. – DOI: 10.55291/1999-480X-2025-1-30-35.

References

Berezina, E. A. (2022) Avtonomnye avtomobil`nye transportnye sredstva: pravovoi opyt Singapura, Kitaya i Yuzhnoi Korei [Autonomous automobile vehicles: legal experience of Singapore, China and South Korea]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo,* 24 (3), 100–123, DOI: 10.24866/1813-3274/2022-3/100-123.

Grebenkina, I. A. & Grebenkina, S. A. (2022) Bespilotnye transportnye sredstva: grazhdansko-pravovye aspekty deliktnoi otvetstvennosti [Unmanned vehicles: civil law aspects of tort liability]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika,* (2), 84–87.

Kuverin, I. Yu. & Gusev, S. A. & Blinov, D. G. (2025) Bezopasnost` avtonomnykh transportnykh sredstv: kompleksnyi analiz i strategicheskie perspektivy [Safety of autonomous vehicles: comprehensive analysis and strategic perspectives]. *Intellektual`nyi transport,* 9 (4:36), 102–115.

Ostroushko, A. V. & Popov, O. V. (2025) Pravovoe reglamentirovanie intellektual`nykh transportnykh i telekommunikatsionnykh sistem, vklyuchaya avtonomnye transportnye sredstva [Legal regulation of intelligent transport and telecommunication systems, including autonomous vehicles]. *Elektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyi pravovoi kur`er»*, (3), 47–49.

Slobodyanin, I. D. (2025) Pravovaya klassifikatsiya bespilotnykh transportnykh sredstv v usloviyakh tsifrovoi transformatsii transportnoi otrasli: problemy terminologii i kategorizatsii [Legal classification of unmanned vehicles in the context of the digital transforma-

tion of the transport industry: problems of terminology and categorization]. *Informatsionnoe pravo*, 83 (1), 30–35, DOI: 10.55291/1999-480X-2025-1-30-35.

Zabaikin, Yu. V. & Lun'kin, D. A. (2023) Pravovaya reglamentatsiya ispol`zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta [Legal regulation of the use of artificial intelligence systems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava,* 13 (4-1), 315–321, DOI: 10.34670/AR.2023.26.34.057.

Информация об авторе

Артём Николаевич Гулемин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: artem_gulemin@mail.ru).

Information about the author

Artem N. Gulemin – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: artem_gulemin@mail.ru).

© А. Н. Гулемин, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2026

Для цитирования:
Нечкин А. В. Публичная власть в условиях широкого внедрения современных технологий в России // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 19–26. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_19.

Information for citation:
Nechkin, A. V. (2026) Publichnaya vlast` v usloviyakh shirokogo vnedreniya sovremennykh tekhnologii v Rossii [Public Authority in the Context of Widespread Implementation of Modern Technologies in Russia]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 19–26. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_19.

УДК 342.5
BISAC 018000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_19
Научная статья

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ШИРОКОГО ВНЕДРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

А. В. Нечкин
Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0002-3032-9240

В статье отмечается, что сегодня мир переживает период стремительного прогресса технологий, который не обошел стороной и институты публичной власти. Наиболее очевидно влияние современных технологий прослеживается в рамках функционирования институтов прямой демократии, осуществления местного самоуправления, а также в рамках нормотворческой и повседневной управленческой деятельности органов исполнительной власти различного уровня. Современные технологии уже могут оказывать существенное влияние на нормотворческий процесс на всех уровнях осуществления публичной власти, а также воздействовать на форму правления. Автор приходит к выводу о том, что основной задачей современного отечественного законодателя, в том числе конституционного, видится необходимость выработки универсальных стандартов своевременной адекватной реакции на стремительно появляющиеся технологические новшества.

Ключевые слова: *публичная власть, современные технологии, цифровизация, электронная демократия, государственная власть, форма правления*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

PUBLIC AUTHORITY IN THE CONTEXT OF WIDESPREAD IMPLEMENTATION OF MODERN TECHNOLOGIES IN RUSSIA

Andrey V. Nechkin
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0002-3032-9240

The article notes that the world is currently experiencing a period of rapid technological advancement, which has not bypassed public institutions. The influence of modern technologies is most evident in the functioning of direct democracy institutions, local self-government and the rulemaking and day-to-day management activities of executive bodies at various levels. Modern technologies can already have a significant impact on the rulemaking process at all levels of public authority, as well as on the form of government. The author concludes that the primary task of modern Russian legislators, including constitutional lawmakers, is the need to develop universal standards for a timely and adequate response to rapidly emerging technological innovations.

Keywords: *public authority, modern technologies, digitalization, e-democracy, state power, form of government*

Введение

Стремительный прогресс современных технологий затронул все сферы жизни российского общества, в том числе самые консервативные, к которым, безусловно, следует относить институты публичной власти. Наиболее очевидно обсуждаемые изменения, по нашему мнению, прослеживаются в рамках функционирования институтов прямой демократии, осуществления местного самоуправления, особенно в крупных по территории и численности населения муниципальных образованиях, а также в рамках нормотворческой и повседневной управленческой деятельности органов исполнительной власти различного уровня. Нельзя также не брать в расчет того, что современные технологии могут оказывать существенное влияние на нормотворческий процесс на всех уровнях осуществления публичной власти, в частности на законотворческий процесс, и даже определенным образом воздействовать на форму правления.

Основная часть

Абсолютное большинство современных государств в текстах своих конституций позиционируют себя в качестве демократических. Однако в современном технологически развитом мире понятие «демократия» приобрело и технологически обусловленные значения. Так, в научной литературе активно и уже довольно продолжительное время используется понятие «электронная демократия».

Касательно сущности данного понятия, по нашему мнению, необходимо согласиться с позицией профессора В. В. Комаровой, которая отмечает, что «сегодня вряд ли можно назвать демократию в том смысле, как она понимается в традиционной теории, электронной. Конечно, „электронная демократия“ – не новый вид демократии, даже не новая форма ее реализации. Речь идет об осуществлении прямого народовластия с помощью электронных, технических средств, виртуального пространства» [Комарова, 2016: 45].

Таким образом, полагаем, что, говоря об электронной демократии, «следует понимать под ней не отдельную разновидность демократии, а совокупность институтов прямой или представительной демократии, функционирующих в особом режиме – режиме электронной демократии, т. е. на основе обязательного использования современных информационно-телекоммуникационных технологий, прежде всего сети Интернет» [Кожевников, Нечкин, Остапович, 2020: 229].

Сегодня в Российской Федерации уже внедрена и активно применяется система электронного голосования на выборах различного уровня. Безусловным достоинством электронного голосования является удобство для избирателя, особенно, конечно, с ограниченными физическими возможностями. Однако, как верно отмечается в литературе, «в настоящий период в данной сфере общественных отношений есть множество нерешенных дискуссионных аспектов, которые могут не только исказить сущность избирательного права, но даже нанести значительный вред реализации принципов демократического формирования властных институтов» [Карасев, Кожевников, Мещерягина, 2019: 106].

И действительно, в отличие от традиционной системы голосования, предполагающей использование бумажных бюллетеней, система электронного голосования при всем своем видимом удобстве таит в себе немало угроз. Безусловно, процесс электронного голосования значительно менее транспарентен с точки зрения традиционных методов контроля со стороны гражданского общества, а также чрезвычайно чувствителен с позиции технологического суверенитета государства, применяющего такого рода систему голосования.

Сейчас в России в режиме электронной демократии функционирует несколько институтов обсуждения: институт общественного обсуждения проектов федеральных конституционных и федеральных законов, институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, институт «Российской общественной инициативы», а также институт публичной оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов РФ и проектов муниципальных нормативных правовых актов [Кожевников, Нечкин, Остапович, 2020: 229–230].

Следует также отметить, что «в действующей российской системе осуществления публичной власти совершенно отсутствуют подлинные институты соучастия (партисипаторные институты), которые предполагают реальное непосредственное участие народа или его части в реализации публичной власти наравне и в тесном взаимодействии с органами государственной власти или органами местного самоуправления, а значит, в отличие от институтов обсуждения, могут быть включены в число институтов прямой демократии» [Кожевников, Нечкин, Остапович, 2020: 231].

Однако именно в такого рода институтах соучастия (партисипаторных институтах) потенциал электронной демократии, по нашему глубокому убеждению, как раз может раскрыться в полном объеме, причем исключая вышеупомянутые нами риски режима электронной демократии для традиционных институтов прямой демократии, например для выборов.

Широкое внедрение современных технологических новшеств становится заметным и в повседневной управленческой деятельности органов исполнительной власти, в особенности, конечно, реализующих контрольно-надзорные полномочия, а также в деятельности органов местного самоуправления, решающих вопросы местного значения.

Так, запуск интернет-портала «Госуслуги» (ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)») вывел процесс оказания государственных

и муниципальных услуг, а также работу с обращениями граждан на качественно иной уровень. Причем потенциал для совершенствования данного процесса фактически неисчерпаем.

Активное использование систем видеонаблюдения на базе искусственного интеллекта в населенных пунктах позволило значительно сократить аварийность на автодорогах общего пользования, снизить уровень преступности и количество совершаемых административных правонарушений, более эффективно отслеживать деятельность организаций, осуществляющих промышленные выбросы в окружающую среду, занимающихся благоустройством и уборкой территорий, а также распространением рекламы.

Заслуживает внимания и применяемая на муниципальном уровне, особенно в городах-миллионниках, для решения вопросов приоритетности финансирования благоустройства тех или иных территорий система инициативного бюджетирования, которую можно классифицировать в качестве одного из институтов обсуждения.

Следует согласиться с профессором М. С. Саликовым, который отмечает, что «современные вызовы призваны облегчить в какой-то мере функционирование органов публичной власти, повысить эффективность их деятельности с тем, чтобы это положительно сказывалось на населении – в удовлетворении их запросов, обеспечении реализации прав, свобод и законных интересов граждан и т. д. При этом, разумеется, необходимо стремиться к тому, чтобы вся система публичной власти не трансформировалась в утилитарно унитарную структуру линейного подчинения, а, наоборот, строилась и функционировала в соответствии с принципами федерализма, местного самоуправления и субсидиарности» [Саликов, 2023: 9].

Отдельного внимания заслуживает нормотворческая сфера. Сегодня наиболее перспективным направлением внедрения современных технологий в нормотворческий процесс видится сфера осуществления правового мониторинга – мониторинга законодательства и правоприменения, а также сфера проведения правовой экспертизы на стадии разработки проекта правового акта.

Правопорядки разных стран по-разному рассматривают функцию правового мониторинга: где-то он обсуждается в контексте механизмов стратегического планирования, где-то определяется как элемент нормотворческого процесса, а где-то понимается в качестве способа повышения эффективности законодательства. В конечном счете столь различное понимание миссии правового мониторинга все равно имеет под собой общую платформу: мониторинг законодательства и правоприменения должен служить целям совершенствования правовой системы государства, его постоянному развитию, повышению эффективности права, а через это – повышению эффективности взаимодействия публичной власти и общества [Блещик, Нечкин, Руденко, 2025: 64–73].

В Российской Федерации сейчас, к сожалению, отсутствует единое общефедеральное законодательное регулирование вопросов, связанных с правовым мониторингом. Однако данный вопрос может быть решен в кратчайшие сроки, причем с определением достойного места в нем достижений современных технологий.

Так, технология искусственного интеллекта, разумеется, при грамотном предварительном ее правовом опосредовании в законодательстве [Нечкин, 2020; Ястребов, 2018], могла бы взять на себя рутинные процессы анализа больших объемов информации в рамках мониторинговых исследований, а также в рамках проведения правовой экспертизы в различных ее разновидностях.

Внедрение технологии искусственного интеллекта в процесс проведения антикоррупционной экспертизы позволило бы значительно повысить ее эффективность

за счет минимизации влияния человеческого фактора, что, в свою очередь, внесло бы еще и ощутимый вклад в процесс борьбы с коррупцией.

Широкое внедрение современных технологий в процесс осуществления публичной власти на всех ее уровнях не может не оказывать определенного влияния на форму правления, которая существенно воздействует на технологическое развитие и экономику государства в целом.

Для Российской Федерации, впрочем, как и для большинства других государств из числа стран СНГ, характерен процесс гибридизации формы правления; развитие конституционно-правового статуса главы государства идет по пути его персонификации посредством норм особого конституционно-правового института «главы государства – национального лидера», играющего обслуживающую, конкретизирующую роль относительно конституционно-правового статуса главы государства (президента) [Боброва, 2018; Нечкин, 2024: 66; Саликов, Нечкин, Руденко, 2025: 83].

Позиции главы государства в системе разделения властей неуклонно усиливаются, в первую очередь, конечно, за счет расширения объема президентских полномочий, в том числе в экономической и технологических сферах [Нечкин, Истомин, 2024]. Главы государств в силу особого положения в системе разделения властей становятся основными акторами любых преобразований, особенно экономических и технологических.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на всем пространстве СНГ «происходит конституционализация новых представительных по своей природе органов с целью создания коллегиального представительного органа – сопоставимой по своему легитимирующему потенциалу альтернативы парламенту» [Нечкин, 2024: 65–66]. Полагаем, что данный процесс далеко не случаен и обусловлен не только сугубо политическими соображениями.

В краткосрочной перспективе учреждение органов с компетенцией, подобной Всебелорусскому народному собранию в Республике Беларусь, Народному Курултаю в Кыргызстане, Халк Маслахаты в Туркменистане, Народному Совету в Казахстане и Государственному Совету в Российской Федерации, безусловно, усиливает позиции единоличного главы государства в системе разделения властей относительно парламента, существенно ослабляя последний. Однако в долгосрочной перспективе создание подобных органов может послужить основой для перехода к принципиально иной системе организации осуществления публичной власти – к полицентричной системе с коллегиальным главой государства, что, к слову сказать, будет полностью соответствовать общей парадигме смены технологических эпох.

Выводы

Подводя общий итог, хотелось бы отметить, что сегодня мир переживает период стремительного прогресса технологий, который не обошел стороной и институты публичной власти. Наиболее очевидно влияние современных технологий прослеживается в рамках функционирования институтов прямой демократии, осуществления местного самоуправления, особенно в крупных по территории и численности населения муниципальных образованиях, а также в рамках нормотворческой и повседневной управленческой деятельности органов исполнительной власти различного уровня. Нельзя также не брать в расчет того, что современные технологии уже могут оказывать существенное влияние на нормотворческий процесс на всех уровнях осуществления публичной власти, в том числе на законотворческий процесс, а также воздействовать на форму правления.

Именно поэтому основной задачей современного отечественного законодателя, в частности конституционного, видится выработка неких универсальных стандартов своевременной адекватной реакции на стремительно появляющиеся технологические новшества. Содержание подобных стандартов не должно допускать политики изоляционизма, которая, как учит история, приводила государства лишь к трагическим последствиям в виде подчинения более технологически развитым соседям.

В то же время нужно понимать, что любое технологическое новшество может быть использовано как инструмент «мягкой силы», а чрезмерное внедрение современных технологических достижений в механизм осуществления публичной власти может повлечь за собой возникновение такого явления, как алгократия, причем со всеми вытекающими из этого негативными последствиями, которые уже были подробно описаны в литературе [Кравец, 2024].

Библиографический список

Блещик А. В., Нечкин А. В., Руденко В. В. Перспективы развития института правового мониторинга в странах СНГ // Вестник Гуманитарного университета. – 2025. – Т. 13. – № 4. – С. 64–73.

Боброва Н. А. Особенности российской формы правления и влияние на нее института лидерства // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 41–49.

Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 99–119.

Кожевников О. А., Нечкин А. В., Остапович И. Ю. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 225–233.

Комарова В. В. Электронная демократия – мифы и реальность // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2016. – № 3. – С. 44–52.

Кравец И. А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17. – С. 1036–1046.

Нечкин А. В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // Lex Russica. – 2020. – Т. 73. – № 8. – С. 78–85.

Нечкин А. В. Перспективы развития института главы государства в странах СНГ // Диалог: политика, право, экономика. – 2024. – № 4. – С. 64–68.

Нечкин А. В., Истомин М. А. Конституционные основы регулирующего потенциала главы государства в сфере экономики на примере Российской Федерации и Республики Беларусь // Бизнес, менеджмент и право. – 2024. – № 3. – С. 74–78.

Саликов М. С. Трансформация института публичной власти в современной России: плюсы и минусы // Юридические исследования. – 2023. – № 12. – С. 1–14.

Саликов М. С., Нечкин А. В., Руденко В. В. Евразийские принципы конституционализации органов публичной власти: становление и перспективы развития // European and Asian Law Review. – 2025. – № 1. – Т. 8. – С. 80–89.

Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 3. – С. 315–328.

References

Bleshchik, A. V. & Nechkin, A. V. & Rudenko, V. V. (2025) Perspektivy razvitiya instituta pravovogo monitoringa v stranah SNG [Prospects for the Development of the Institute of Legal Monitoring in the CIS Countries]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, (4), 64–73.

Bobrova, N. A. (2018) Osobennosti rossiiskoi formy pravleniya i vliyanie na nee instituta liderstva [Peculiarities of the Russian form of government and the influence of the institution of leadership on it]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`*, (12), 41–49.

Karasev, A. T. & Kozhevnikov, O. A. & Meshcheryagina, V. A. (2019) Tsifrovizatsiya pravootnoshenii i ee vliyanie na realizatsiyu otdel`nykh konstitutsionnykh prav grazhdan v Rossiiskoi Federatsii [Digitalization of legal relations and its impact on the implementation of certain constitutional rights of citizens in the Russian Federation]. *Antinomii,* 19 (3), 99–119.

Kozhevnikov, O. A. & Nechkin, A. V. & Ostapovich, I. Yu. (2020) Sovremennoe sostoyanie institutov pryamoi demokratii v Rossii: ponyatie, klassifikatsiya i perspektivy razvitiya [The current state of direct democracy institutions in Russia: concept, classification and development prospects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (456), 225–233.

Komarova, V. V. (2016) Elektronnaya demokratiya – mify i real`nost` [Electronic democracy – myths and reality]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk*, (3), 44–52.

Kravets, I. A. (2024) Konstitutsionalizm i uchastie v algoritmicheskom obshchestve (rossiiskii, sravnitel`nyi i mezhdunarodnyi kontekst) [Constitutionalism and participation in an algorithmic society (Russian, comparative and international context)]. *Zhurnal Sibirskogo federal`nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (17), 1036–1046.

Nechkin, A. V. (2020) Konstitutsionno-pravovoi status iskusstvennogo intellekta v Rossii: nastoyashchee i budushchee [Constitutional and legal status of artificial intelligence in Russia: present and future]. *Lex Russica*, 73 (8), 78–85.

Nechkin, A. V. & Istomin, M. A. (2024) Konstitutsionnye osnovy reguliruyushchego potentsiala glavy gosudarstva v sfere ekonomiki na primere Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Belarus` [Constitutional foundations of the regulatory potential of the head of state in the economic sphere on the example of the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Biznes, menedzhment i pravo*, (3), 74–78.

Nechkin, A. V. (2024) Perspektivy razvitiya instituta glavy gosudarstva v stranakh SNG [Prospects for the development of the institute of the head of state in the CIS countries]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, (4), 64–68.

Salikov, M. S. (2023) Transformatsiya instituta publichnoi vlasti v sovremennoi Rossii: plyusy i minusy [Transformation of the Institute of Public Authority in Modern Russia: Pros and Cons]. *Yuridicheskie issledovaniya*, (12), 1–14.

Salikov, M. S. & Nechkin, A. V. & Rudenko, V. V. (2025) Evraziiskie printsipy konstitutsionalizatsii organov publichnoi vlasti: stanovlenie i perspektivy razvitiya [Eurasian Principles of Constitutionalization of Public Authorities: Formation and Development Prospects]. *European and Asian Law Review*, 8 (1), 80–89.

Yastrebov, O. A. (2018) Iskusstvennyi intellekt v pravovom prostranstve [Artificial Intelligence in the Legal Space]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Yuridicheskie nauki*, (3), 315–328.

Информация об авторе

Андрей Вадимович Нечкин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: super.nechkin@gmail.com).

Information about the author

Andrey V. Nechkin – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: super.nechkin@gmail.com).

© А. В. Нечкин, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2026

Для цитирования:
Бояринцева О. А. Цифровой профиль: доктринальные подходы и проблемы правового регулирования // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 27–34. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_27.

Information for citation:
Boyarintseva, O. A. (2026) Tsifrovoi profil`: doctrinal`nye podkhody i problemy pravovogo regulirovaniya [Digital Profile: Doctrinal Approaches and Problems of Legal Regulation]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 27–34. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_27.

УДК 34.096
BISAC: 099000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_27
Научная статья

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

О. А. Бояринцева
Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0001-6538-8120

Современный этап цифровой трансформации государственной и общественной жизни определил новый вектор реализации публичных интересов по развитию экосистемы цифрового взаимодействия. В этих условиях интеграция публичных информационных ресурсов и применение современных прорывных информационных технологий для их обработки все больше обостряют проблему правового обеспечения безопасности личности в цифровом пространстве. Статья акцентирует внимание на необходимости совершенствования законодательства о персональных данных в рамках формирующихся тенденций цифрового профилирования. Автором представлены различные подходы к пониманию правовой природы цифрового профиля: как элемента публичного управления, как всей совокупности данных о человеке в цифровой форме или как специальных цифровых профилей для отдельных категорий лиц или сфер деятельности. Проведен анализ основных направлений использования технологической инфраструктуры цифрового профиля гражданина, формируемой на базе сервисов электронного правительства. Отдельно рассмотрены вопросы правового регулирования цифрового профиля иностранного гражданина, направленного на придание правовой формы процессам интеграции и совместного использования в системе публичной власти цифровых данных в области миграционных отношений. В статье подчеркивается, что создание и использование цифрового профиля гражданина на теоретическом уровне обусловливает необходимость разработки правовых механизмов повышения эффективности и совершенствования системы информационного законодательства о персональных данных, цифровых платформах, реестровой информации. Сделан вывод, что нормативное закрепление правового режима цифрового профиля должно стать надежным инструментом обеспечения юридической значимости и достоверности данных цифрового профиля, а также возможности их использования в качестве официальной информации при

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

реализации прав и совершении юридически значимых действий участниками цифрового профилирования.

Ключевые слова: *цифровой профиль, персональные данные, цифровое профилирование, цифровая платформа, публичное управление, экономика данных*

DIGITAL PROFILE: DOCTRINAL APPROACHES AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Olga A. Boyarintseva
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0001-6538-8120

The current stage of digital transformation of state and public life has determined a new vector for the implementation of public interests in the development of a digital interaction ecosystem. In these conditions the integration of public information resources and the use of modern breakthrough information technologies for their processing are increasingly exacerbating the problem of legal security of the individual in the digital space. The article focuses on the need to improve legislation on personal data in the context of emerging trends in digital profiling. The author presents various approaches to understanding the legal nature of a digital profile: as an element of public administration, as a collection of data about a person in digital form or as a special digital profile for certain categories of individuals or areas of activity. The author analyzes the main areas of use for the technological infrastructure of a citizen's digital profile, which is based on e-government services. The article also discusses the legal regulation of a foreign citizen's digital profile, which aims to provide a legal framework for the integration and sharing of digital data in the field of migration relations within the public administration system. The article emphasizes that the creation and use of a citizen's digital profile at the theoretical level necessitates the development of legal mechanisms to enhance the efficiency and improve the system of information legislation on personal data, digital platforms and registry information. It is concluded that the regulatory establishment of the legal regime for the digital profile should serve as a reliable tool for ensuring the legal significance and authenticity of digital profile data, as well as the possibility of using it as official information in the exercise of rights and the performance of legally significant actions by participants in digital profiling.

Keywords: *digital profile, personal data, digital profiling, digital platform, public administration, data economics*

Введение

Активное формирование экономики данных и развитие цифрового государственного управления значительно расширяют технологические условия обработки персональных данных. Повсеместный сбор и анализ личной информации государственными сервисами и цифровыми платформами, операторами связи, работодателями, владельцами сайтов и приложений для покупки товаров или получения различных интернет-услуг становятся новым вызовом для юридической науки в совершенствовании механизмов защиты личного пространства человека от несанкционированного использования его цифровых данных.

Новый вектор цифрового развития направлен на создание широких возможностей использования массивов информации в цифровой форме для обеспечения качественно нового уровня удовлетворения информационных потребностей личности, общества и государства. Вместе с тем общие тенденции к интеграции публичных информационных ресурсов в условиях формирования экосистемы цифрового взаимодействия и применения современных прорывных технологий особенно обостряют проблему правового обеспечения безопасности личности в цифровом пространстве. В связи с этим все большую актуальность и комплексный характер приобретает проблематика цифрового профиля человека.

Основная часть

В научной литературе сформировались различные подходы к пониманию правовой природы и пределов данного объекта: как элемента публичного управления, как совокупности данных о человеке в цифровой форме или как личного кабинета лица в определенной государственной информационной системе применительно к формированию специальных цифровых профилей для отдельных категорий лиц или сфер деятельности (цифровой профиль пассажира, цифровой профиль участника образовательных отношений и др.).

Как элемент публичного управления цифровой профиль представляет собой совокупность цифровых записей о гражданине, содержащихся в государственных и муниципальных информационных системах. Исследователи, занимающиеся проблематикой цифрового профиля, предлагают дополнить это определение такими характеристиками обрабатываемых цифровых данных, как актуальность, точность и достоверность [Виноградова, Полякова, Минбалеев, 2021: 8]. С этим нельзя не согласиться, ведь эти показатели во многом определяют правовое качество жизни, доверительный характер информации и возможность ее безусловного использования субъектами права в качестве исходных оснований для совершения юридически значимых действий.

В настоящее время миллионы граждан имеют учетные записи в Единой системе идентификации и аутентификации. На базе этой информационной системы развивается технологическая инфраструктура цифрового профиля, обеспечивающая доступ физических лиц к содержащимся в государственных и муниципальных информационных системах сведениям и документам, используемым для предоставления публичных услуг и исполнения публичных функций, а также доступ организаций к таким сведениям по инициативе или с согласия субъекта цифрового профилирования. В основе цифрового профиля – распределенная структура реестровых записей, содержащая ссылки на персональные данные, размещенные в публичных информационных системах.

Одна из ключевых функций инфраструктуры цифрового профиля заключается в автоматизированном предоставлении физическому лицу по его запросу необходимой информации о нем, а также управление ее использованием посредством специально разработанного сервиса – платформы согласий, причем не только органами публичной власти, но и коммерческими организациями при оформлении кредитных продуктов, оказании страховых услуг и услуг связи, в целях трудоустройства и исполнения трудового договора и т. д.

Размещенные на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ сценарии предусматривают перечень юридически значимых ситуаций, основанных на возможности применения цифрового профиля. Цифровой профиль позволяет автоматически заполнять необходимые документы на получение

публичных или иных услуг, связанных с разработанными сценариями, используя уже имеющиеся в нем сведения. Это избавляет гражданина от необходимости многократно вводить одни и те же данные вручную. Кроме того, цифровой профиль способствует реализации проактивной модели предоставления государственных и муниципальных услуг, которая подразумевает возможность инициирования процедуры предоставления публичной услуги органом власти самостоятельно, а также оповещение лица о праве на получение определенной услуги при наступлении событий, являющихся основанием для ее предоставления.

В современных условиях развития экономики данных цифровое профилирование как элемент публичного управления становится эффективным способом реализации прав в цифровой среде [Игумнов, 2024: 30], создавая новые возможности для оперативного и защищенного обмена информацией и использования единого механизма управления личными данными из публичных информационных систем.

Параллельно с созданием общего цифрового профиля гражданина в российском законодательстве намечается четкая тенденция к формированию специальных цифровых профилей для отдельных категорий лиц или сфер деятельности.

Так, Указом Президента РФ от 9 июля 2025 г. № 467[1] перед Министерством внутренних дел РФ поставлена задача по созданию государственного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина» и утвержден перечень сведений, которые будут содержаться в данной инфраструктуре.

В Правилах организации эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 7 ноября 2024 г. № 1510 (ред. от 8 октября 2025 г.), цифровой профиль определяется как совокупность связанных идентификатором сведений, представленных иностранным гражданином или лицом без гражданства, а также участвующими в проведении эксперимента уполномоченными органами и организациями в государственные информационные системы.

Цифровой профиль иностранного гражданина должен стать механизмом совершенствования порядка предоставления данным лицам государственных услуг в электронной форме. Его развитие способствует не только цифровой трансформации процессов управления миграцией, но и обеспечению национальной безопасности, правопорядка и повышению эффективности политики по регулированию миграционных отношений.

Согласно предложенной концепции информационный ресурс будет интегрирован в инфраструктуру электронного правительства, что обеспечит возможность иностранным гражданам и лицам без гражданства предоставлять сведения о себе и осуществлять доступ к данным цифрового профиля посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг. Наполнение цифрового профиля будет осуществляться за счет информационных систем, взаимодействующих с инфраструктурой цифрового профиля, с применением единого сервиса доступа к данным системы межведомственного электронного взаимодействия. Связывание предоставленных в цифровой профиль сведений будет происходить с использованием идентификатора сведений об иностранном лице или лице без гражданства в Единой системе идентификации и аутентификации.

Создание в рамках инфраструктуры электронного правительства государственной системы цифрового профилирования является важным фактором модерниза-

[1] Указ Президента РФ от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе „Цифровой профиль иностранного гражданина“».

ции публичного управления, обеспечивая формирование единого механизма использования юридически значимых данных из публичных информационных систем для осуществления прав граждан и повышения оперативности и эффективности принятия публичных управленческих решений.

Несмотря на длительный период реализации эксперимента по обеспечению качества и связанности данных, в рамках которого формировалась инфраструктура цифрового профиля, в законодательство не были внесены изменения, определяющие правовые признаки этого объекта, состав юридически значимых сведений, регулирующие запрос и использование данных цифрового профиля, получение и отзыв согласия субъекта на доступ к сведениям о нем с использованием инфраструктуры цифрового профиля и др.

В условиях современных тенденций к агрегированию цифровых данных о человеке в рамках публичных информационных систем особо возрастает актуальность обеспечения защищенной обработки личной информации и формирования высокого уровня доверия граждан к предлагаемым им возможностям использования современных цифровых сервисов и технологий для реализации их прав и совершения юридически значимых действий.

Нормативное выражение концепции публично-правового регулирования цифрового профиля требует прежде всего соблюдения баланса интересов личности на обеспечение конфиденциальности частной жизни в процессе сбора и накопления персональных данных и интересов государства в развитии цифровой среды их использования.

Вместе с тем отсутствие законодательного определения цифрового профиля привело к формированию в научной литературе и более широких подходов к пониманию его правовой природы.

А. К. Жарова приходит к выводу, что «цифровой профиль – это многоуровневая сложная система, формирование которой обеспечивается анализом данных, содержащихся во всех информационных системах, а также в информационно-телекоммуникационных сетях» [Жарова, 2020а: 58].

А. В. Минбалеев, проводя анализ публично-правовой природы этого объекта, допускает, что цифровой профиль может включать персональные данные, личную и семейную тайну, в том числе информацию о личных характеристиках, поведении, совершении тех или иных действий, принадлежности и социальном статусе, связях и взаимодействиях [Минбалеев, 2022: 110].

А. Н. Мочалов отмечает, что цифровое профилирование является разновидностью обработки персональных данных и представляет собой процесс не только накопления и систематизации данных об индивиде (причем не только официальных), но и обработки такой информации с целью получения новых (производных) данных, характеризующих интересы человека, его поведенческие, психологические и мировоззренческие установки и предпочтения [Мочалов, 2022: 71–72].

Общим признаком данных подходов является то, что цифровой профиль признается совокупностью данных о человеке в цифровой форме, объединяющей юридически значимые сведения не только из публичных информационных ресурсов, но и из информационных систем частных организаций, а также результаты анализа индивидуальных характеристик личности.

Формирование и использование цифрового профиля становится фундаментальным условием развития цифровой экосистемы и внедрения нового поколения прорывных технологий, благодаря которым появилась возможность автоматически агрегировать и обрабатывать большие массивы информации на основе заданных

алгоритмов. Цифровой профиль зачастую в практике общественных отношений рассматривается как инструмент по внедрению персонализированных сервисов и принятию решений, как один из актуальных способов вовлечения субъектов в процесс цифровой коммуникации. На основе данных цифрового профиля не только государство при реализации своих публичных интересов, но и частные организации для достижения определенных коммерческих целей способны создавать цифровые модели поведения человека.

Сфера применения цифрового профиля постоянно расширяется. Все более привлекательными становятся тенденции к формированию специальных цифровых профилей – цифровой профиль работника, цифровой профиль пациента, цифровой профиль пассажира, цифровой профиль студента и т. д.

Многие цифровые платформы, являющиеся основой перехода к управлению, основанному на данных, реализуют функцию цифровых профилей, систематизирующих разнообразную персональную информацию участников платформы. Более того, они создают расширенный цифровой профиль, включающий результаты анализа интересов и предпочтений, пользовательской активности участников платформы. На основе этих данных платформа может формировать для пользователя индивидуальные предложения (к примеру, по прохождению учебных курсов на образовательных платформах, по приобретению определенных товаров на посреднических цифровых платформах и т. д.). Создание такого детализированного личного профиля открывает возможности для скрытого анализа предпочтений с целью таргетированного маркетинга, что выходит за рамки первоначальной цели обработки данных.

Несовершенство законодательных механизмов при этом увеличивает риск причинения вреда субъектам персональных данных в случае нарушения режима конфиденциальности и несанкционированного использования генерируемых платформой данных.

Избыточное профилирование сужает личное пространство человека и нарушает его приватность. А. Н. Гулемин в связи с этим предлагает законодательно установить обязанность любого оператора обезличивать при автоматизированной обработке персональные данные, а также сведения, полученные в результате обработки больших данных, которые в дальнейшем могут быть отнесены к персональным данным, и хранить их в таком виде, чтобы они не могли быть персонифицированы в случае несанкционированного доступа к ним [Гулемин, 2022: 56].

А. К. Жарова, в свою очередь, отмечает необходимость введения механизмов контроля над цифровыми профилями со стороны субъектов персональных данных. Аналитические результаты обработки персональных данных не могут рассматриваться как собственность коммерческих структур, которыми они могут распоряжаться без согласования с субъектами персональных данных. В российской практике разрешение этой проблемы возможно путем разработки регламентов взаимодействия обозначенных субъектов с компаниями, занимающимися профилированием, и закрепления в них условий контроля со стороны субъектов за обрабатываемыми персональными данными и их корректировки в случае несоответствия действительности [Жарова, 2020b: 85].

Применение методов информационной безопасности при использовании данных цифрового профиля должно быть обеспечено не только необходимыми технологическими условиями, но и соответствующими правовыми средствами. Для формирования эффективной регуляторной среды цифрового профилирования требуется реализация комплексного подхода развития информационного законодательства в части принятия новых норм права, закрепляющих основные понятия,

принципы, правовой статус субъектов, состав, юридически значимый характер и порядок управления данными цифрового профиля, требования к обработке и использованию данных цифровыми платформами, а также существенного изменения законодательства о персональных данных, реестровой информации и ответственности за несанкционированное использование данных цифрового профиля.

Эта позиция подчеркивает актуальность системного и методологически обоснованного подхода к публично-правовому регулированию цифровых объектов, особенно в условиях стремительной цифровой трансформации, когда правовые механизмы должны соответствовать новым общественным отношениям.

Выводы

Современное состояние правового регулирования общественных отношений, возникающих в области обработки и использования личной информации при осуществлении цифрового профилирования как частными компаниями, так и государством, не создает эффективных гарантий защиты прав граждан в условиях существенного отрыва законодательства от динамики развития информационной сферы.

На теоретическом уровне сложившаяся проблема обусловливает необходимость разработки и обоснования единой концепции нормативного правового регулирования цифрового профиля, направленной на придание правовой формы процессам интеграции и совместного использования цифровых данных. Нормативное закрепление правового режима цифрового профиля должно стать надежным инструментом обеспечения юридической значимости и достоверности данных цифрового профиля, а также возможности их использования в качестве официальной информации при реализации прав и совершении юридически значимых действий участниками цифрового профилирования. Он должен создать необходимый баланс для субъектов цифровой среды между возможностями, которые дают современные технологии обработки данных, и защитой фундаментальных прав на обеспечение конфиденциальности и безопасности личной информации, а также прозрачности применяемых алгоритмических решений при автоматизированной обработке персональных данных.

Библиографический список

Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. – № 4. – С. 5–19. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19.

Гулемин А. Н. Пределы обработки больших объемов данных для целей получения информации о человеке: правовой аспект // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2022. – № 6. – С. 52–57. – DOI: 10.34076/22196838_2022_6_52.

Жарова А. К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // Юрист. – 2020a. – № 3. – С. 55–61. – DOI: 10.18572/1812-3929-2020-3-55-61.

Жарова А. К. Правовое обеспечение цифрового профилирования деятельности человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2020b. – Т. 20. – № 2. – С. 80–87. – DOI: 10.14529/law200214.

Игумнов В. В. Публично-правовое регулирование цифрового профилирования в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2024. – 263 с.

Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 110–116. – DOI: 10.14529/law220117.

Мочалов А. Н. Профилирование и цифровые профили – «серая зона» законодательства Российской Федерации // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. / под ред. И. Р. Бегишева и др. – Казань: Познание, 2022. – Т. 3. – С. 70–78.

References

Gulemin, A. N. (2022) Predely obrabotki bol`shikh ob``emov dannykh dlya tselei polucheniya informatsii o cheloveke: pravovoi aspekt [Limits of big data processing for the purposes of obtaining information about a person: a legal aspect]. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, (6), 52–57, DOI: 10.34076/22196838_2022_6_52.

Igumnov, V. V. (2024) *Publichno-pravovoe regulirovanie tsifrovogo profilirovaniya v Rossiiskoi Federatsii* [Public law regulation of digital profiling in the Russian Federation]: cand. jur. sc. thesis. Moscow, 263.

Minbaleev, A. V. (2022) Ponyatie i pravovaya priroda tsifrovogo profilya cheloveka [The concept and legal nature of the digital profile of a person]. *Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, 22 (1), 110–116, DOI: 10.14529/law220117.

Mochalov, A. N. (2022) Profilirovanie i tsifrovye profili – «seraya zona» zakonodatel`stva Rossiiskoi Federatsii [Profiling and digital profiles – a 'grey area' in the Russian legislation on personal data]. Begishev I. R., et al. (eds.) *Tsifrovye tekhnologii i pravo* [Digital technologies and law]: conference papers: in 6 vols. Kazan', Poznanie, (3), 70–78.

Vinogradova, E. V. & Polyakova, T. A. & Minbaleev, A. V. (2021) Tsifrovoi profil`: ponyatie, mekhanizmy regulirovaniya i problemy realizatsii [Digital profile: the concept, regulatory mechanisms and enforcement problems]. *Pravoprimenenie*, 5 (4), 5–19, DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19.

Zharova, A. K. (2020) Pravovoe obespechenie tsifrovogo profilirovaniya deyatel`nosti cheloveka [Legal support for digital profiling of human activities]. *Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, 20 (2), 80–87, DOI: 10.14529/law200214.

Zharova, A. K. (2020) Voprosy obespecheniya bezopasnosti tsifrovogo profilya cheloveka [Issues of ensuring security of a person's digital profile]. *Yurist*, (3), 55–61, DOI: 10.18572/1812-3929-2020-3-55-61.

Информация об авторе

Ольга Анатольевна Бояринцева – кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: olga-190786@yandex.ru).

Information about the author

Olga A. Boyarintseva – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of the Information Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: olga-190786@yandex.ru).

© О. А. Бояринцева, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2026

Для цитирования:
Качалова О. В. Цифровые инструменты обеспечения прав участников уголовного судопроизводства // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 35–46. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_35.

Information for citation:
Kachalova, O. V. (2026) Tsifrovye instrumenty obespecheniya prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [Digital Tools for Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 35–46. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_35.

УДК 343.1
BISAC: 025000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_35
Научная статья

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О. В. Качалова
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева
ORCID ID: 0000-0003-4440-8510

Технологизация уголовного судопроизводства является одной из ключевых тенденций современного развития процессуального права. Внедрение цифровых инструментов призвано обеспечить доступ к правосудию, оптимизировать процессуальную деятельность и гарантировать права участников уголовного процесса. Однако правовое регулирование использования современных технологий в уголовном судопроизводстве носит фрагментарный характер, а отдельные перспективные механизмы до сих пор не получили практической реализации.

Настоящее исследование направлено на систематизацию моделей внедрения информационных технологий в уголовный процесс, классификацию цифровых инструментов по их функциональному назначению и роли в обеспечении прав участников судопроизводства, а также разработку предложений по совершенствованию процессуального порядка подачи жалоб с использованием автоматизированных сервисов.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Выявлены три модели внедрения современных технологий в уголовное судопроизводство: неофициальное внедрение; нормативное закрепление правил, сложившихся в практической деятельности; нормативное закрепление правил до их фактического использования. Обоснована классификация цифровых инструментов по критерию их доступности для различных участников процесса: технологии, используемые только властно уполномоченными субъектами; технологии совместного использования; технологии, предназначенные для самостоятельного использования невластными участниками. Разработана концепция автоматизированного сервиса подачи жалоб прокурору и в суд, включающая структурированные формы, идентифицирующие заявителя, и автоматическое формирование электронного обращения.

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

фикацию через ЕСИА, использование технологий искусственного интеллекта для фильтрации, квалификации и маршрутизации обращений с последующей верификацией уполномоченным должностным лицом.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, цифровизация, электронное правосудие, искусственный интеллект, видео-конференц-связь, доступ к правосудию, потерпевший, электронная подача жалоб, ст. 125 УПК РФ*

DIGITAL TOOLS FOR ENSURING THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Oksana V. Kachalova
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
ORCID ID: 0000-0003-4440-8510

The technological integration of criminal proceedings is one of the key trends in the modern development of procedural law. The introduction of digital tools is intended to ensure access to justice, optimize procedural activities and guarantee the rights of participants in criminal proceedings. However, legal regulation of the use of modern technologies in criminal proceedings is fragmented, and some promising mechanisms have not yet been implemented.

This study aims to systematize models of implementing information technology in criminal proceedings, classify digital tools by their functional purpose and role in ensuring the rights of participants in proceedings and develop proposals for improving the procedural order for filing complaints using automated services.

The methodological basis of the study consists of general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific methods (formal legal, comparative legal and the method of interpreting legal norms).

Three models of implementing modern technologies in criminal proceedings were identified: informal implementation; regulatory consolidation of rules established in practice; regulatory consolidation of rules prior to their actual use. A classification of digital tools based on their accessibility for various process participants is substantiated: technologies used only by authorized entities; shared technologies; technologies intended for independent use by non-authorized participants. A concept for an automated service for filing complaints with the prosecutor and the court has been developed, including structured forms, identification via the Unified Identification and Authentication System (ESIA) and the use of artificial intelligence technologies for filtering, qualifying and routing appeals, followed by verification by an authorized official.

The current stage of development of criminal procedural law is characterized by the consistent integration of high-tech tools that are of a security nature and do not affect the fundamental principles of criminal proceedings. Video conferencing, electronic document management and automated services constitute the most important areas of digitalization, contributing to the protection of the rights of participants in legal proceedings.

Keywords: *criminal proceedings, digitalization, electronic justice, artificial intelligence, video conferencing, access to justice, victim, electronic filing of complaints, Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*

Введение

Технологизация любых сфер общественной жизни всегда направлена на обеспечение удобства, создание новых технических возможностей для участников соответствующих правоотношений, будь то рядовые граждане или должностные лица, а также обеспечение контроля, в первую очередь, за действиями властно уполномоченных субъектов. Не стала в этом смысле исключением и сфера уголовного судопроизводства. Являясь наиболее консервативной сферой правового регулирования, производство по уголовным делам также ощутило на себе влияние современных технологий. Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство достаточно медленно реагирует на тотальную цифровизацию современного общества. Правовое регулирование использования современных технологий в уголовном судопроизводстве, вызванное настоятельной необходимостью следовать духу времени, носит фрагментарный характер. Нередко появление в УПК РФ новых норм, регламентирующих использование современных технологий, носит запоздалый характер и фактически закрепляет правила, складывающиеся на уровне правоприменения.

Опережающее развитие уголовно-процессуальной сферы в сегменте высоких технологий и формирование основ современного цифрового уголовного судопроизводства осуществляются преимущественно на доктринальном уровне. Этот сегмент чрезвычайно востребован в современной науке уголовно-процессуального права. Футуристические прогнозы развития современного уголовного процесса создают реальные предпосылки для его дальнейшего движения и совершенствования. К числу наиболее важных и дискуссионных вопросов, обсуждаемых в данной сфере, относятся вопросы создания электронного уголовного дела, внедрения аудио- и видеотехнологий, использования вспомогательных технологий на основе искусственного интеллекта, использования электронных доказательств, особенностей доказывания преступлений, совершенных с использованием цифровых активов, применения технологий искусственного интеллекта при принятии решений [Азарёнок, 2024; Качалова, Цветков, 2015; Моругина, 2025; Качалов, Качалова, Марковичева, 2022; Качалов, Качалова, 2017; Марковичева, 2026; Тисен, 2024; Черкасов, 2022; Юркевич, 2021] и др.

Основная часть

Модели внедрения информационных технологий в процесс производства по уголовным делам

Правовое регулирование применения цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства фактически осуществляется следующим образом: появляющиеся новые технологии оцениваются на предмет возможности использования при производстве по уголовным делам, определяются возможности и риски такого применения, изучается релевантный зарубежный опыт, происходит активное обсуждение этих вопросов на доктринальном уровне. После этого возможно несколько моделей внедрения этих технологий в производство по уголовным делам:

1) приемлемые цифровые инструменты внедряются в практическую деятельность, нередко неофициально (так, в период пандемии COVID-19 в некоторых странах ряд процессуальных действий осуществлялся с помощью видеосервиса мессенджера WhatsApp, в настоящее время существуют различные калькуляторы для расчета наказаний и исчисления сроков в уголовном судопроизводстве);

2) правила использования цифровых инструментов формируются на уровне практической деятельности, а затем вносятся изменения в уголовно-процессуальный закон, регламентирующий их применение (например, правила изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий сначала стали складываться на практике и только затем были закреплены в УПК РФ[1]);

3) правила использования цифровых технологий вводятся в ткань УПК РФ, после чего они начинают активно применяться (в частности, использование видео-конференц-связи).

Следует отметить, что внедрение современных технологий в производство по уголовным делам не затрагивает фундаментальных основ уголовного процесса, сути уголовно-процессуальной деятельности ее участников, аксиологических основ уголовного судопроизводства, концептуальных особенностей российского типа уголовного процесса. Современные технологии имеют обеспечительный характер, создавая дополнительные возможности, как правило, организационно-технического характера, облегчая и оптимизируя достижение задач уголовного судопроизводства.

Телеологическая ценность высокотехнологичных инструментов в уголовном процессе

Телеологическая ценность высокотехнологичных инструментов, используемых в процессе производства по уголовным делам, обусловлена тем, что в контексте модернизации уголовного судопроизводства внедрение современных технологических решений преследует ряд ключевых задач, направленных на оптимизацию процессуальных механизмов и повышение эффективности отправления правосудия. К таким задачам относятся:

расширение инструментария доказывания – интеграция электронных доказательств в систему уголовно-процессуального доказывания, что предполагает разработку методик их получения, исследования и оценки в соответствии с требованиями допустимости, относимости и достоверности;

повышение эффективности раскрытия преступлений – применение современных технологий (включая цифровые методы анализа данных, криминалистические информационные системы и средства автоматизированного мониторинга) для установления обстоятельств преступных деяний и идентификации лиц, причастных к их совершению;

рационализация процессуальной деятельности – оптимизация процедур принятия процессуальных решений и документирования следственных и судебных действий посредством внедрения автоматизированных систем, электронного документооборота и средств фиксации хода процесса в цифровой форме;

формирование дополнительных технологических возможностей, обеспечивающих быстрый и комфортный доступ к правосудию для лиц, вовлеченных в уголовно-правовой конфликт.

Реализация указанных задач способствует формированию более гибкой, прозрачной и технологически оснащенной системы уголовного процесса, отвечающей вызовам современного информационного общества.

[1] Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Достижение этих задач не является самоцелью, все они аксиологически подчинены единой цели создания новых технологических возможностей для обеспечения общего назначения уголовного судопроизводства – защиты лиц, пострадавших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод. Это означает, что в итоге важнейшей задачей, которую призваны решить современные информационные технологии, является задача обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Проанализируем, какие из технологических инструментов могут быть релевантны задачам защиты прав участников уголовного процесса. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что в конечном счете все современные технологии, направленные на модернизацию уголовно-процессуальной деятельности, в той или иной степени способствуют достижению назначения уголовного судопроизводства, однако в зависимости от возможности их прямого использования участниками уголовно-процессуальных правоотношений эти технологии могут быть дифференцированы на несколько групп: технологии, используемые только властно уполномоченными участниками уголовного судопроизводства; технологии совместного использования и технологии, предназначенные для самостоятельного использования властно не уполномоченными участниками уголовного процесса.

К первой группе технологий, имеющих в качестве целевого предназначения оптимизацию уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной, криминалистической и организационно-распорядительной деятельности должностных лиц, ответственных за производство по уголовным делам, относятся:

технологии процессуально-управленческой поддержки (интеллектуальные помощники). Эти системы выполняют вспомогательную и обеспечительную функцию для субъектов уголовного преследования и суда, автоматизируя рутинные операции и структурируя информацию: автоматизированные рабочие места дознавателя, следователя, прокурора, судьи, интегрированные с базами данных и шаблонами процессуальных документов; системы управления расследованием и судебным разбирательством, отслеживающие сроки, этапы производства и распределение задач; программные комплексы для проверки процессуальных документов на соответствие формальным требованиям, содержанию правовых норм и наличие противоречий;

криминалистические и оперативно-разыскные технологии. Этот класс технологий направлен на установление обстоятельств события преступления, идентификацию лиц и сбор доказательственной информации: инструменты для изъятия, анализа и верификации цифровых следов, биометрические системы идентификации (дактилоскопические, геномные, по изображению лица), геоинформационные системы для анализа места и времени совершения преступления, систем видеонаблюдения с функциями распознавания образов, информационно-поисковые системы криминалистических учетов и др.

Особую разновидность технологий составляют предиктивные (прогнозно-аналитические) технологии, используемые не при расследовании и разрешении конкретного уголовно-правового конфликта, а в целях управления правоохранительной сферой и системой уголовной юстиции государства. Их применение связано с переходом от реактивной к проактивной и аналитической модели в правоохранительной деятельности. Они основаны на методах анализа больших данных *(Big Data)* и искусственного интеллекта: системы прогнозной аналитики для оценки

рисков совершения преступлений на определенной территории или повторных преступлений конкретным лицом; инструменты сетевого анализа для выявления преступлений и лиц, их совершивших; алгоритмы для анализа текстов судебных решений с целью выявления правовых тенденций, оценки судебной практики и потенциальных рисков обжалования.

Технологии процессуальной доступности для участников уголовного судопроизводства

Технологии совместного использования предполагают возможность их применения участниками уголовно-процессуальной деятельности на основании решения властно уполномоченных субъектов. К ним относятся такие технологии обеспечения процессуальной доступности, как системы электронного правосудия и порталы судебных органов, обеспечивающие дистанционный доступ к информации о движении дела, текстам судебных актов и электронной подаче процессуальных документов, системы видео-конференц-связи для проведения судебных заседаний и следственных действий с удаленным участием сторон, системы автоматического информирования участников уголовного судопроизводства.

К технологиям, предназначенным для самостоятельного использования невластными участниками уголовно-правового конфликта, следует отнести системы технологической доступности подачи заявлений и иных обращений, информационно-справочные системы и мобильные приложения, предоставляющие базовые процессуальные сведения и регламенты.

В частности, в информационных порталах ряда органов внутренних дел, следственных органов, судов встроены цифровые интеллектуальные системы, которые могут ответить на часто возникающие вопросы, ознакомить с правами и обязанностями, основными процедурными особенностями уголовного судопроизводства, его стадиями, основаниями и процессуальным порядком принятия процессуальных решений, дать ссылки на нормативные правовые акты и т. д. Логичным будет и предоставление заинтересованным лицам возможностей использования цифровых автоматизированных сервисов по подготовке и генерации сообщений, жалоб, заявлений, ходатайств и их направлению по подведомственности.

Эта группа технологий создает наибольшие возможности для доступа к правосудию как для лиц, пострадавших от преступлений, так и для лиц, в отношении которых проводится доследственная проверка.

Пострадавшие от преступления лица являются наиболее уязвимой категорией в части возможности реального доступа к властно уполномоченным субъектам, правомочным задействовать уголовно-процессуальный механизм для защиты своих прав, а в итоге – реального доступа к правосудию. Наибольшее количество нарушений прав лиц, пострадавших от преступлений, наблюдается именно на начальных этапах уголовно-процессуальной деятельности: при проверке сообщения о преступлении, в стадии возбуждения уголовного дела, на первоначальных этапах расследования. За защитой своих прав потерпевшие нередко обращаются в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

Наиболее распространенные основания для судебного обжалования действий (или бездействия) органов дознания и следователей включают: отказ в принятии заявления о преступлении; бездействие сотрудников правоохранительных органов при проверке такого заявления; поверхностное проведение проверок с затягиванием сроков; непредоставление заявителю для ознакомления материалов проверки (по ст. 144 УПК РФ) с отказом в возбуждении дела или материалов прекращенного

уголовного дела; необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела; незаконное или необоснованное приостановление или прекращение уголовного дела.

Встречаются случаи, когда суды отказывают в принятии жалоб к рассмотрению либо в их удовлетворении по формальным основаниям. Так, суд прекратил производство по жалобе заявителя, исходя из того, что заместителем прокурора в адрес начальника следственного органа направлено требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе проведения проверки, однако суд кассационной инстанции отменил данное постановление, указав, что на момент принятия решения о прекращении производства по жалобе суд не располагал сведениями о том, удовлетворено ли требование прокурора, устранены ли нарушения закона, допущенные при проведении проверки, и восстановлены ли права заявителя[2].

Есть и случаи, когда суды злоупотребляют правом на возвращение жалобы, предъявляя к заявителям требования, не предусмотренные законом и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ[3].

В другом случае суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению, указав на отсутствие предмета обжалования. Заявитель Г. обжаловал действия должностных лиц по осмотру места происшествия и изъятию принадлежащих ему личных вещей и предметов. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в принятии жалобы, отметив, что требования о признании незаконными действий по осмотру и изъятию не образуют предмета судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ. Кассационный суд отменил состоявшиеся решения, указав следующее. В ходе осмотра места происшествия были изъяты личные вещи и предметы, принадлежащие Г., часть которых не возвращена ему до настоящего времени. При этом заявитель не является участником уголовного судопроизводства в рамках возбужденного уголовного дела, предварительное расследование по которому приостановлено в связи с неустановлением лица. При таких обстоятельствах выводы судов об отсутствии предмета обжалования признаны необоснованными[4].

Случаются и необоснованные отказы в принятии жалоб к рассмотрению по мотивам ненадлежащего субъекта обжалования. Заявитель И. обратилась в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление о возбуждении уголовного дела. Суд первой инстанции отказал в принятии жалобы, указав, что постановление следователя принято в отношении неустановленных лиц, а И. не является лицом, чьи права и законные интересы затронуты этим постановлением, т. е. субъектом обжалования. Суд кассационной инстанции отменил постановление и направил материал на новое рассмотрение, указав, что в своей жалобе И. ссылалась на ограничения ее прав, связанные с принятием постановления о возбуждении уголовного дела, в частности прав на защиту, на получение информации об уголовном деле, на обжалование действий и решений следователя. Более того, в жалобе содержались сведения о том, что по данному уголовному делу И. была допрошена в качестве подозреваемой и ей была избрана мера пресечения[5].

Наиболее распространенными нарушениями при решении вопроса о принятии жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ выступают формальное определение предмета об-

[2] Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2024 г. № 77-698/2024.

[3] Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 сентября 2023 г. № 77-1184/2023.

[4] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2024 г. № 77-1433/2024.

[5] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2024 г. № 77-1891/2024.

жалования, узкое толкование круга надлежащих заявителей, предъявление необоснованных требований к содержанию жалобы, прекращение производства при отсутствии доказательств восстановления прав и др.

Преодолению подобных ситуаций может способствовать внедрение автоматизированных сервисов, обеспечивающих доступ к правосудию.

Необходимость защиты прав потерпевших, соблюдения публичных интересов, а также совершенствования процессуального порядка выявления преступлений и фиксации сообщений о них обусловили разработку проекта механизма «Электронная подача заявления о преступлении» [Масленникова, 2022], который, однако, до настоящего времени не введен в практическую плоскость. В связи с этим заслуживает внимания зарубежный опыт, демонстрирующий эффективность внедрения высокотехнологичных сервисов, обеспечивающих доступ к правосудию. В их числе – системы подачи процессуальных обращений в электронном виде, электронные кабинеты участников судопроизводства, позволяющие реализовать право на получение уведомлений и копий процессуальных актов в цифровом формате, а также интерактивные чат-боты, предназначенные для информирования участников процесса по вопросам, связанным с процессуальными сроками, правами и обязанностями, а также с нормативным регулированием конкретных процессуальных институтов [Зуев, Масленникова, 2023; Моругина, 2025].

Автоматизированный сервис подачи жалоб
в механизме уголовно-процессуальной деятельности

В целях оптимизации процессуального порядка подачи жалоб прокурору и в суд представляется обоснованной разработка специализированного автоматизированного сервиса, функционирующего на базе единого портала государственных и муниципальных услуг [Качалова, 2023]. При реализации данного сервиса надлежит предусмотреть механизм, исключающий дублирование процессуальных обращений; заявителю предлагается выбор одного из двух альтернативных вариантов: «подать жалобу прокурору» либо «подать жалобу в суд».

Идентификация лица, инициирующего проверочную или судебную деятельность, осуществляется посредством подтвержденной учетной записи в системе ЕСИА (Госуслуги). Для обеспечения унификации и полноты передаваемых сведений целесообразно использование структурированных форм, построенных по модульному принципу.

Предлагаемая структура формы жалобы будет отличаться в зависимости от того, является ли лицо пострадавшим от преступления либо иным лицом, чьи права нарушены. Так, структура жалобы потерпевшего должна включать следующие информационные блоки:

1) событие преступления с выделением подразделов, фиксирующих время, место и способ совершения общественно опасного деяния;

2) ущерб, причиненный преступлением, с дифференциацией на физический, имущественный и моральный вред;

3) сведения о лице, совершившем общественно опасное деяние, заполняемые при наличии соответствующей информации у заявителя;

4) предмет обжалования с перечислением процессуальных решений и действий (бездействия), подлежащих судебному или ведомственному контролю: отказ в принятии заявления о преступлении; бездействие при проведении проверки сообщения о преступлении; отказ в признании лица потерпевшим; непредоставление заявителю для ознакомления материалов проверки, проведенной в порядке ст. 144

УПК РФ, по результатам которой принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, либо материалов прекращенного уголовного дела; приостановление предварительного расследования; прекращение уголовного преследования;

5) сведения о действиях заявителя по обращению в компетентные органы;

6) сведения об обжалуемых действиях (бездействии) должностных лиц;

7) дополнительные сведения о заявителе;

8) раздел для прикрепления документов, аудио- и видеофайлов, подтверждающих доводы жалобы.

При этом заявитель подлежит предупреждению об установленной законом ответственности за предоставление заведомо ложных сведений.

Обработка жалоб, поданных посредством описанного сервиса, может осуществляться с применением технологий искусственного интеллекта, на который возлагаются следующие функции:

первоначальная фильтрация – отсев обращений, в которых не усматриваются признаки правонарушений или преступлений;

квалификация предмета обращения – отсев жалоб в случаях, когда заявителем фактически подано сообщение о совершенном или готовящемся преступлении либо иное обращение, не подлежащее регистрации и проверке в порядке, установленном ст. 141–144 УПК РФ;

маршрутизация – направление заявлений для рассмотрения в компетентные органы в целях принятия процессуальных решений.

Принятие решений посредством алгоритмов искусственного интеллекта не исключает последующего верификационного этапа: каждое автоматизированное решение подлежит перепроверке уполномоченным должностным лицом (специалистом), оценивающим корректность сформированного решения и при необходимости вносящим изменения.

Реализация предлагаемого подхода с научно-практической точки зрения позволит достичь следующих процессуальных эффектов: *упрощение порядка подачи жалоб* за счет интуитивно понятного интерфейса и структурированного ввода информации; *минимизация необоснованных отказов в принятии жалоб к рассмотрению*, поскольку формализованная структура обращения исключает возможность отклонения жалобы по формальным основаниям; *оптимизация процедуры рассмотрения жалобы*, обусловленная ясным и структурированным изложением сведений, имеющих значение для правильного и своевременного разрешения обращения.

Современные информационные технологии, применяемые при производстве по уголовным делам, не только релевантно решают задачи обеспечения и защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, но и имеют существенное значение в сфере достижения публичных интересов – «оптимизируют и рационализируют процесс производства по уголовным делам, ускоряют его сроки, снижают процессуальные издержки» [Качалова, 2025: 75].

Процесс внедрения рассматриваемых технологий в уголовное судопроизводство должен носить поэтапный (эволюционный) характер. При этом лицам, вовлеченным в сферу уголовно-процессуальных отношений, надлежит обеспечить возможность реализации принадлежащих им прав альтернативными способами: как посредством традиционного (бумажного) документооборота (путем личного обращения в уполномоченные органы с составлением письменного заявления), так и с использованием цифровых технологий, предполагающих дистанционную форму взаимодействия с правоприменительными органами.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, можно сделать ряд выводов.

1. Существует несколько моделей внедрения современных технологий в производство по уголовным делам: 1) неофициальное внедрение; 2) нормативное закрепление правил и инструментов, уже сложившихся в практической деятельности; 3) нормативное закрепление правил до их фактического использования.

2. Внедрение современных технологий в производство по уголовным делам не затрагивает фундаментальных основ уголовного процесса, они имеют обеспечительный характер, создавая дополнительные возможности организационно-технического характера, оптимизирующие достижение задач уголовного судопроизводства.

3. Телеологическая ценность высокотехнологичных инструментов, используемых в процессе производства по уголовным делам, обусловлена их направленностью на расширение инструментария доказывания, повышение эффективности раскрытия преступлений, рационализацию процессуальной деятельности, формирование дополнительных технологических возможностей, обеспечивающих быстрый и комфортный доступ к правосудию для лиц, вовлеченных в уголовно-правовой конфликт.

4. В целях оптимизации процессуального порядка подачи жалоб прокурору и в суд, а также их разрешения представляется обоснованной разработка специализированного автоматизированного сервиса, функционирующего на базе единого портала государственных и муниципальных услуг. Обработка таких обращений может осуществляться с применением технологий искусственного интеллекта, на который возлагаются функции фильтрации, квалификации предмета обращения и направления заявлений для рассмотрения в компетентные органы в целях принятия процессуальных решений.

5. Процесс внедрения инновационных технологий в уголовное судопроизводство должен носить поэтапный характер. При этом лицам, вовлеченным в сферу уголовно-процессуальных отношений, надлежит обеспечить возможность реализации принадлежащих им прав альтернативными способами: как посредством традиционного (бумажного) документооборота (путем личного обращения в уполномоченные органы с составлением письменного заявления), так и с использованием цифровых технологий, предполагающих дистанционную форму взаимодействия с правоприменительными органами.

Библиографический список

Азарёнок Н. В. Цифровизация как одно из направлений совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. – Омск: Сибирский юрид. ун-т, 2024. – С. 3–8.

Высокотехнологичный уголовный процесс: моногр. / под ред. С. В. Зуева, Л. Н. Масленниковой. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 216 с.

Качалов В. И., Качалова О. В. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. – 2017. – № 12. – С. 34–38.

Качалов В. И., Качалова О. В., Марковичева Е. В. Возможности применения информационных технологий при принятии судом процессуальных решений по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 477. – С. 222–229.

Качалова О. В. Возможности использования цифровых технологий для доступа потерпевших к правосудию на начальных этапах уголовного судопроизводства //

Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. – М.: Академия управления МВД России, 2023. – С. 77–80.

Качалова О. В. Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 69–77.

Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–101.

Марковичева Е. В. Использование информационных технологий при избрании судом меры пресечения: возможности и риски // Российское правосудие. – 2026. – № 1. – С. 77–84.

Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий: моногр. / под ред. Л. Н. Масленниковой. – М.: Норма, 2022. – 664 с.

Моругина Н. А. Зарубежный опыт использования электронного производства по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2025. – № 1 (67). – С. 117–143.

Тисен О. Н. Методика обнаружения, фиксации и изъятия электронно-цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют // Уголовное право. – 2024. – № 3 (163). – С. 69–80.

Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2022. – 34 с.

Юркевич М. А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2021. – 259 с.

References

Azarenok, N. V. (2024) Tsifrovizatsiya kak odno iz napravlenii sovershenstvovaniya rossiiskogo ugolovnogo protsessa v ramkakh ego istoricheskoi formy [Digitalization as one of the directions for improving the Russian criminal process within its historical form]. *Aktual`nye problemy ugolovnoi i ugolovno-protsessual`noi politiki Rossiiskoi Federatsii* [Actual problems of criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation]: conference papers. Omsk, Sibirskii yuridicheskii universitet, 3–8.

Cherkasov, V. S. (2022) *Pravovoe regulirovanie primeneniya elektronnykh sredstv v dokazyvanii na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa* [Legal regulation of the use of electronic means in evidence at pre-trial stages of criminal proceedings]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Khabarovsk, 34.

Kachalov, V. I. & Kachalova, O. V. (2017) Ob ispol`zovanii video-konferents-svyazi v sudebnom proizvodstve po ugolovnym delam [On the use of video conferencing in criminal court proceedings]. *Rossiiskii sud`ya*, (12), 34–38.

Kachalov, V. I. & Kachalova, O. V. & Markovicheva, E. V. (2022) Vozmozhnosti primeneniya informatsionnykh tekhnologii pri prinyatii sudom protsessual`nykh reshenii po ugolovnomu delu [Possibilities of using information technologies when the court makes procedural decisions in a criminal case]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (477), 222–229.

Kachalova, O. V. (2023) Vozmozhnosti ispol`zovaniya tsifrovykh tekhnologii dlya dostupa poterpevshikh k pravosudiyu na nachal`nykh etapakh ugolovnogo sudoproizvodstva [Possibilities of using digital technologies for victims' access to justice at the initial stages of criminal proceedings]. *Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika v sfere kriminalisticheskogo obespecheniya pravookhranitel`noi deyatel`nosti* [State scientific and

technical policy in the field of criminalistic support of law enforcement activities]: conference papers. Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii, 77–80.

Kachalova, O. V. (2025) Chastnye i publichnye interesy pri proizvodstve po ugolovnym delam i tsifrovizatsiya ugolovnogo sudoproizvodstva [Private and public interests in criminal proceedings and digitalization of criminal justice]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, (1:79), 69–77.

Kachalova, O. V. & Tsvetkov, Yu. A. (2015) Elektronnoe ugolovnoe delo – instrument modernizatsii ugolovnogo sudoproizvodstva [Electronic criminal case as a tool for modernizing criminal proceedings]. *Rossiiskoe pravosudie*, (2), 95–101.

Markovicheva, E. V. (2026) Ispol`zovanie informatsionnykh tekhnologii pri izbranii sudom mery presecheniya: vozmozhnosti i riski [The use of information technologies in the selection of preventive measures by the court: opportunities and risks]. *Rossiiskoe pravosudie*, (1), 77–84.

Maslennikova, L. N. (ed.) (2022) *Kontseptsiya postroeniya ugolovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovykh tekhnologii* [The concept of building criminal proceedings ensuring access to justice in the context of the development of digital technologies]: monography. Moscow, Norma, 664.

Morugina, N. A. (2025) Zarubezhnyi opyt ispol`zovaniya elektronnogo proizvodstva po ugolovnym delam [Foreign experience in the use of electronic criminal proceedings]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (1:67), 117–143.

Tisen, O. N. (2024) Metodika obnaruzheniya, fiksatsii i iz``yatiya elektronno-tsifrovykh sledov po delam o prestupleniyakh, sovershennykh s ispol`zovaniem kriptovalyut [Methods for detecting, recording and seizing digital traces in cases of crimes committed using cryptocurrencies]. *Ugolovnoe pravo*, (3:163), 69–80.

Yurkevich, M. A. (2021) *Primenenie sudom videotekhnologii v ugolovnom sudoproizvodstve* [The use of video technologies by the court in criminal proceedings]: cand. jur. sc. thesis. Moscow, 259.

Zuev, S. V. & Maslennikova, L. N. (eds.) (2023) *Vysokotekhnologichnyi ugolovnyi protsess* [High-tech criminal process]: monography. Moscow, Yurlitinform, 216.

Информация об авторе

Оксана Валентиновна Качалова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (e-mail: Oksana_kachalova@mail.ru).

Information about the author

Oksana V. Kachalova – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law named after M. V. Radutna of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (e-mail: Oksana_kachalova@mail.ru).

© О. В. Качалова, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2026

Для цитирования:
Азарёнок Н. В., Курченко В. Н. Искусственный интеллект как помощник судьи при избрании меры пресечения: разработка алгоритма обучения искусственного интеллекта составлению проектов постановлений суда об избрании мер пресечения и их проверке // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 47–58. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_47.

Information for citation:
Azarenok, N. V. & Kurchenko, V. N. (2026) Iskusstvennyi intellekt kak pomoshchnik sud`i pri izbranii mery presecheniya: razrabotka algoritma obucheniya iskusstvennogo intellekta sostavleniyu proektov postanovlenii suda ob izbranii mer presecheniya i ikh proverke [Artificial Intelligence as a Judge's Assistant in Selecting Preventive Measures: Developing an Algorithm to Train AI to Draft and Check Court Rulings]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 47–58. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_47.

УДК 343.1
BISAC: 025000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_47
Научная статья

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПОМОЩНИК СУДЬИ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА ОБУЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СОСТАВЛЕНИЮ ПРОЕКТОВ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СУДА ОБ ИЗБРАНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И ИХ ПРОВЕРКЕ

Н. В. Азарёнок
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0001-9787-7797

В. Н. Курченко
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0002-9219-7714

Бесспорно, что в будущем технологии искусственного интеллекта имеют потенциал существенно изменить уголовное судопроизводство. Технический прогресс и бурное развитие ИИ, наличие возможностей по его обучению обусловливают необходимость использования ИИ в уголовном производстве для его оптимизации, ускорения, упрощения отдельных процессуальных действий и, как следствие, повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности в целом. ИИ в качестве помощника позволит судье с минимальными временными затратами учитывать многообразие судебной практики и правовых позиций Верховного Суда РФ.

Представленное исследование является одним из первых, где рассматриваются практические вопросы разработки алгоритма обучения ИИ составлению постановлений суда об избрании мер пресечения и их проверке на основе специально отобранных судебных решений. Результаты работы позволят уже сейчас заглянуть в будущее

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

уголовного производства, когда ИИ-технологии получат широкое распространение. ИИ-помощник сможет применяться судами для учета особенностей заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых. Выработанные алгоритмы смогут помочь суду в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности при избрании меры пресечения с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства.

Акцентируется внимание на том, что ИИ не может самостоятельно выносить юридически значимые постановления о применении меры пресечения и не должен принимать решения за судью. Вместе с тем создание ИИ-помощника судьи при избрании меры пресечения и его применение на практике позволят сократить временные затраты суда и повысить качество принимаемых им решений.

Цель – обучение ИИ составлению проектов постановлений суда об избрании меры пресечения и проверке аналогичных постановлений, вынесенных судом. Сфера применения ИИ: в качестве помощника судьи при избрании меры пресечения, адвоката при подготовке жалобы на постановление суда об избрании меры пресечения, преподавателя при формировании у обучающихся практических навыков подготовки постановления об избрании меры пресечения.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросеть, анализ юридических текстов, судебная практика, постановление об избрании меры пресечения*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A JUDGE'S ASSISTANT IN SELECTING PREVENTIVE MEASURES: DEVELOPING AN ALGORITHM TO TRAIN AI TO DRAFT AND CHECK COURT RULINGS

Nikolay V. Azarenok
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0001-9787-7797
Vyacheslav N. Kurchenko
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0002-9219-7714

Undoubtedly, artificial intelligence technologies hold significant potential to substantially transform criminal proceedings in the future. Technological progress, rapid development of AI and available opportunities for its training necessitate the integration of AI into criminal proceedings to optimize, accelerate and simplify individual procedural actions, thereby enhancing the overall efficiency of criminal procedural activities. As an assistant AI will enable judges to consider the diversity of judicial practice and legal positions established by the Supreme Court of the Russian Federation with minimal time expenditure.

The presented research is among the first to address practical issues concerning the development of an algorithm for training AI to draft court rulings on the selection of preventive measures and to verify such rulings based on specially selected judicial decisions. The outcomes of this work already allow us to glimpse the future of criminal proceedings, where AI technologies will become widely adopted. An AI assistant could be employed by courts to account for specific features related to the pre-trial detention of suspects and accused persons. The developed algorithms may assist courts in conducting criminal procedural activities regarding the selection of preventive measures while ensuring compliance with requirements stipulated by criminal procedure legislation.

At the same time emphasis is placed on the fact that AI cannot independently issue legally binding rulings on the application of preventive measures and must not make decisions instead of the judge. Nevertheless, creating and practically implementing an AI assistant for judges during the selection of preventive measures will reduce the time spent by courts and improve the quality of their decisions.

The project aims to train AI both to draft preliminary versions of court rulings on selecting preventive measures and to verify similar rulings issued by courts. Areas of AI application include serving as a judge's assistant during the selection of preventive measures, as a defense attorney's tool when preparing appeals against court rulings on preventive measures and as an educational instrument for instructors helping students develop practical skills in drafting rulings on preventive measures.

Keywords: *artificial intelligence, neural network, legal text analysis, judicial practice, ruling on preventive measures*

Введение

Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г.[1] в нашей стране была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, определяющая такие категории, как «большие генеративные модели», «доверенные технологии искусственного интеллекта», «искусственный интеллект», «модель искусственного интеллекта», «набор данных», «разметка данных». В 2021 г. ведущие технологические компании России разработали и приняли Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (ИИ) – документ, который устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения для всех, кто связан с созданием, развитием и применением ИИ. Банк России также руководствуется Кодексом этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке, который не считается нормативным актом и носит рекомендательный характер[2]. Банк России рекомендует обмениваться опытом и совместно вырабатывать лучшие практики соблюдения Кодекса.

На совещании судей по итогам 2025 г. Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов объявил, что цифровизация судебной системы переходит из стадии обсуждения в фазу реализации. Он поручил подготовить план поэтапного внедрения технологий ИИ и расширения электронного взаимодействия с гражданами. Как подчеркнул И. В. Краснов, современные технологии позволяют быстро обрабатывать большие массивы данных, генерировать документы и решать прикладные задачи, которые раньше занимали много времени. Цифровые доказательства способны стать материалом для аналитики нейронных сетей, а формируемое таким образом электронное дело сократит все виды судебных издержек[3].

При этом очевидно, что при использовании ИИ необходим человеческий контроль, поскольку излишнее доверие к нему может привести к ошибкам в принятии процессуальных решений, влекущим за собой незаконные и необоснованные случаи ограничения прав и свобод граждан. Поэтому необходим баланс между внедрением ИИ и задействованием человеческих ресурсов, которые могут эффек-

[1] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года).

[2] Информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. № ИН-016-13/91 «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке».

[3] Совещание судей: Итоги прошлого года и планы на 2026-й. URL: https://pravo.ru/story/262500/ (дата обращения: 10.03.2026).

тивно взаимодействовать, для чего необходимо наличие специалистов с определенным образованием и навыками во всех структурах, где используется ИИ [Архиереев, 2024].

Сегодня во всем мире нейросеть активно внедряется в производственные процессы, в том числе в юридическую сферу. Так, Китай – одна из первых стран в мире, разрабатывающих законодательное регулирование ИИ [Реховский, 2021]. Известны случаи, когда ИИ использовался при разрешении простых дел: в Бразилии применяется компьютерная программа «Электронный судья», представляющая собой экспертную систему, куда вносятся и где анализируются показания свидетелей и вещественные доказательства, на которых впоследствии основывается приговор суда. В январе 2023 г. в Колумбии судья использовал чат GPT для разрешения спора о выплате страховых сумм ребенку, страдавшему аутизмом. Окончательное решение выносил сам судья, однако перед этим он задал чату ряд вопросов, используя его в качестве секретаря [Архиереев, 2024: 10]. Следует заметить, что чат GPT способен выдумывать регулирование, судебную практику, потому вряд ли можно на него полагаться. ИИ способен осуществить анализ и сопоставление имеющихся в деле доказательств, предложить вариант разрешения дела. Но последнее слово остается за судьей, должна оставаться возможность для судейского усмотрения. Для успешной интеграции нейросети потребуется учитывать этические аспекты, а также обучать специалистов, способных работать с новыми технологиями [Галлямов, Жукова, 2025]. Быстрый поиск информации с использованием ИИ способен превратить нейросеть в надежного ассистента для проверки проектов судебных актов при избрании меры пресечения на предмет их законности и обоснованности, автоматически искать спорные положения, выявлять расхождения в проекте постановления суда, логические ошибки, слабые места в судебных актах.

Основная часть

В нашей стране отдельные ученые-процессуалисты выступают за применение ИИ в уголовном процессе [Арзуманян, 2025]. Однако в целом исследователи ограничиваются вопросами внедрения цифровых технологий в деятельность судов, указывая, что «в течение последнего десятилетия обозначилось несколько направлений исследования возможностей применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. К наиболее продуктивному и разработанному направлению можно отнести использование средств, позволяющих автоматизировать часть рутинных процедур, например протоколирование, более широкое использование электронных документов и образов электронных документов, а также сервисов, позволяющих участвовать дистанционно в судебном разбирательстве, например видео-конференц-связи» [Качалов, Качалова, Марковичева, 2022: 223].

Этому вопросу уделяет особое внимание Московский городской суд применительно к мировой юстиции столицы. Цифровые решения в мировой юстиции заключаются в создании Программного комплекса по формированию проектов судебных актов. Мировой судья имеет возможность на основе ранее вынесенных постановлений через инструмент «Конструктор» сформировать индивидуальный проект с учетом своих персональных требований. «Конструктор» позволяет создавать неограниченное количество проектов по любым категориям дел, делиться ими с другими судебными участками, редактировать при необходимости [Жеребцов, 2024].

Система цифрового правосудия несет существенные риски, поэтому необходимы обеспечение информационной безопасности и предоставление бесперебойного доступа к разному типу данных. На законодательном уровне при формировании

требований к электронному правосудию в центре внимания должно быть желание не максимально их упростить, а подготовить качественные и сбалансированные условия, способствующие безопасному использованию электронных сервисов судопроизводства. Требования по защите информации должны быть оправданными с учетом вида процесса и конкретных обстоятельств дела [Шестаков, 2024].

В нашей стране ИИ пока не нашел законодательного применения в судебной деятельности. Это обусловлено объективными сложностями, стоящими на пути его внедрения. Работа судьи предполагает не только использование нормативного регулирования, сопоставление его с обстоятельствами дела и принятие на основании этого решения. Самое важное в работе судьи – человеческий фактор. С самого начала деятельности правоприменителя все его решения предопределены внутренним миром, системой ценностей, жизненным опытом. При этом для судьи такие философско-этические категории, как «истина», «добро» и «справедливость», – это только то, что соответствует предписаниям закона и подтверждено надлежащими доказательствами. Однако следует признать, что внутреннее убеждение, которое возникает у правоприменителя вследствие оценки им доказательств, – явление также психологическое. В работе судьи большое значение имеет социальный жизненный опыт, закон устанавливает для занятия должности судьи возрастной ценз. Следует констатировать, что ИИ неподвластны оценочные категории: справедливость, добросовестность, мораль. Ученые единодушны во мнении, что справедливость – категория общая как для морали, так и для права. Г. В. Мальцев отмечает, что нет и не может быть никакой отдельной юридической, политической или какой-либо иной справедливости. Есть только нравственная ценность справедливости, воздействующая через нравственное сознание на различные сферы социальной регуляции, привносящая в них тональность и элементы гармонии [Мальцев, 2008: 107–108; Колоколов, 2008].

Судья Вологодского областного суда О. Н. Горбунов, исследуя на базе областного суда аспекты применения ИИ на задачах по общей части уголовного права, пришел к выводу о необходимости осторожного использования этой технологии юристами с обязательной перепроверкой данных и недопустимости слепой интеграции в судебную деятельность. Это обусловлено вероятностной природой работы нейросети, что может подорвать правовую точность в таких критических областях, как вопросы назначения наказания. Как показали результаты исследования, ни одна из моделей, в том числе специализированные юридические, обращающиеся при ответах на запросы к своим векторным юридическим базам, не смогла ответить на все поставленные вопросы, зачастую возникающие у судьи при назначении наказания [Горбунов, 2026: 48–53].

На наш взгляд, вопросы назначения наказания в значительной мере неподвластны ИИ, поскольку категория справедливости является этической категорией. Справедливость – одна из самых сложных этических категорий, затрагивающая широкую сферу человеческих отношений. Содержание этого понятия отражает экономические, политические и правовые условия жизни общества и тенденции их развития. Нормы морали влияют на выбор наказания. При этом право и мораль не могут подменять друг друга. Мораль влияет на внутренний выбор, а право регулирует внешние действия. Следует согласиться с учеными и практиками в том, что применение ИИ в судебной деятельности на предмет оценки доказательств с точки зрения относимости, достоверности, а в совокупности достаточности для разрешения уголовного дела не правоприменителем, не соотносится с понятием этики [Головко, 2019; Долгих, 2024].

Бесспорно, что у ИИ не может быть усмотрения, как у судьи. На настоящий момент развития процессуального права судебное усмотрение является неотъемлемой константой, полностью исключить которую из процесса принятия судебных решений нельзя [Женетль, Иваненко, 2024]. Судья в рамках уголовно-процессуальной формы применяет норму права к спорным правоотношениям, опираясь на внутреннее убеждение. Судья должен обладать высоким уровнем правосознания и правовой культуры, а также высокими нравственными качествами. Как отмечает Е. В. Михайлова, отсутствие судебного усмотрения делает полную цифровизацию правосудия невозможной. Автоматическое применение одной и той же правовой нормы ко всем конфликтам, возникающим из реализации одних и тех же норм, приведет к попранию принципа справедливости, уравняет людей, оказавшихся в совершенно разных жизненных ситуациях [Михайлова, 2023]. При этом ИИ может помочь судье в проверке арифметических правил назначения наказания. Использование усмотрения дает судье возможность учесть все особенности конкретных ситуаций, а ИИ позволит обеспечить единообразие судебной практики и учет правовых позиций Верховного Суда РФ.

Сегодня очевидно, что, во-первых, нейросеть не может заменить правоприменителя, во-вторых, результаты работы данной технологии не влекут юридически значимых последствий и не могут без соответствующей проверки использоваться при производстве по уголовному делу. Другими словами, ИИ в настоящей момент может выступать только в роли помощника, а не субъекта, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность.

Вместе с тем технический прогресс и бурное развитие нейросетей, в том числе наличие возможности обучения ИИ обусловливают необходимость его использования в уголовном производстве для оптимизации, ускорения, упрощения отдельных процессуальных действий и, как следствие, повышения качества уголовно-процессуальной деятельности.

Среди всего многообразия принимаемых решений по уголовному делу для эксперимента по обучению ИИ мы выбрали одно – постановление судьи о применении меры пресечения в порядке ст. 108 УПК РФ. Этот выбор обусловлен рядом факторов. Во-первых, это одно из самых распространенных решений суда, принимаемых в ходе предварительного расследования. Во-вторых, в отличие от приговора, здесь нет оценки доказательств, не устанавливается виновность лица и не назначается ему наказание. В-третьих, данное решение небольшое по объему и потому хорошо поддается фрагментации, т. е. разделению на отдельные блоки. В-четвертых, на кафедре судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (далее – кафедра) имеются научные и учебно-методические исследования по данному вопросу, специалисты в этой области, в частности профессор В. Н. Курченко – судья в почетной отставке, много лет возглавлявший судебную коллегию по уголовным делам Свердловского областного суда. Наконец, в-пятых, есть заинтересованность со стороны органов судейского сообщества в практическом применении ИИ как помощника судьи при избрании меры пресечения.

Вопросы избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу очень актуальны в судебной деятельности. Один из приоритетов в этой сфере – обеспечение единства судебной практики, устранение различных подходов правоприменения при избрании мер пресечения, формирование четких и понятных ал-

горитмов применения ст. 108–109 УПК РФ. Верховным Судом РФ 19 декабря 2013 г. принято постановление Пленума № 41[4].

Об использовании информационных технологий при избрании судом меры пресечения пишет Е. В. Марковичева, выделяя следующие аспекты: 1) использование дистанционных технологий при проведении судебных заседаний, связанных с избранием меры пресечения; 2) электронный формат уголовного дела, оптимизирующий процесс поступления соответствующего ходатайства в суд; 3) использование интеллектуальных систем поддержки принятия судом решения по мере пресечения; 4) электронный контроль за лицом, в отношении которого избирается мера пресечения [Марковичева, 2026: 78]. Однако автор не предлагает конкретные пути применения ИИ в этом вопросе.

Как известно, нейросети представляют собой программные системы, моделирующие процессы обработки информации. При этом они являются исключительно математическими конструкциями, которые обрабатывают информацию и формируют закономерности на основе своих данных, имитируя, но не заменяя физиологические функции мозга [Горбунов, 2026: 48].

Поэтому одним из наиболее перспективных направлений применения ИИ выступает анализ юридических текстов, проектов судебных постановлений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Данная технология может автоматически обрабатывать большие объемы данных, извлекать характеристики объектов и сопоставлять другие типы информации для автоматической генерации проектов процессуальных решений на основе шаблонов и данных конкретного дела.

В юриспруденции используются типовые юридические конструкции, которые можно адаптировать для автоматизации задач с помощью нейросети. Такие типовые юридические конструкции помогают ИИ выявлять закономерности, автоматизировать рутинную работу. Алгоритм анализирует структуру законодательства о применении мер процессуального принуждения. При вынесении постановлений о заключении под стражу должен быть прописан четкий порядок действий, предусмотренный ст. 108–109 УПК РФ, для суда.

Вместе с тем использование ИИ предоставляет судье значительные возможности для оптимизации рабочих процессов при определении алгоритмов производства при избрании судом меры процессуального принуждения. Действительно, заключение под стражу отличается сложностью, законодатель свел его регулирование к ст. 97, 98, 99, 100, 108 УПК РФ. Однако меры процессуального принуждения имеют в своей основе нормативный характер, он может быть формализован для анализа с использованием нейросети.

Создание ИИ-помощника судьи. Разработка теоретической модели. Обучение нейросети – это сложный технологический процесс, в ходе которого программа приобретает способность выявлять и использовать закономерности расположения слов в предложениях и текстах.

Несовершенство отечественной электронной судебной системы заключается в том, что она носит разрозненный характер и не имеет объединенной базы данных рассмотрения дел судами всех уровней. Судьи обращают внимание на необходимость создания единой электронной судебной системы с целью формирования действительно объединенного информационного пространства судов общей юрисдикции всех уровней и территорий РФ [Таскаев, 2024]. Это не только один из спосо-

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».

бов улучшения качества правосудия, но и создание в судебной системе собственной базы знаний для обучения ИИ. При этом решения, принимаемые судом в порядке ст. 108–109 УПК РФ, как правило, не публикуются.

Поэтому на начальном этапе на кафедре готовится к изданию научно-практический курс под названием: «Обучение ИИ практике применения мер пресечения, избираемых по решению суда». В учебном пособии приведено краткое нормативное обоснование избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу. Даны методические рекомендации с указанием аспектов, на которые следует обращать внимание при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Проанализирована складывающаяся судебно-следственная практика, выявлен ряд типичных ошибок, предложены способы их предотвращения. Представлены рекомендации по составлению необходимых документов, приведены образцы процессуальных документов. Специальный раздел посвящен структуре постановления суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Анализируется подсудность рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения; требования ко вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частям постановления. Сформулированы положения об обоснованности подозрения как критерии оценки законности содержания под стражей в контексте судебной практики. Обоснованность подозрения в причастности к преступлению (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) – материально-правовое основание для заключения под стражу. При рассмотрении ходатайства суд обязан проверить, содержит ли оно и приобщенные материалы конкретные сведения, указывающие на причастность лица к преступлению.

Выработка и принятие решения судьей всегда определяются соответствующим уровнем знаний. В свою очередь, качество процессуальных решений обусловлено достоверностью знаний, лежащих в их основе. Решение о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, будучи по своей природе информационным документом (актом), принимается в результате разнообразной и сложной оценки судьями достоверности различных видов информации, правовых и этических знаний о конкретных обстоятельствах исследуемого события предполагаемого преступления [Колоколов, 2007].

Разметка постановления суда об избрании меры пресечения как обязательный элемент обучения нейросети. Уголовно-процессуальный закон не содержит указаний относительно того, что должна содержать описательно-мотивировочная часть постановления суда о заключении обвиняемого под стражу, какие элементы должны быть отражены в судебном постановлении. На основе анализа судебной практики исследованы подходы судов при мотивировке обоснованности подозрения лица в причастности к преступлению.

Поэтому необходимо разбиение на блоки (датасеты) постановления суда об избрании меры пресечения, чтобы обучить нейросеть. Подробно описав порядок вынесения постановления о применении меры пресечения, алгоритм сможет сигнализировать о возможном пробеле в постановлении суда о заключении под стражу. Работа аналитика – находить закономерности в данных. С неопределенными и неструктурированными данными делать это невозможно: они не подчиняются инструментам анализа и не позволяют обучать нейросети. Поэтому для работы аналитикам нужны уже подготовленные однозначные данные – датасеты. Датасет (англ. *dataset*) – это обработанный и структурированный массив данных. В нем у каждого объекта есть конкретные свойства: признаки, связи между объектами или определенное место в выборке данных. Его используют, чтобы строить на основе данных гипотезы, делать выводы и обучать нейросети. Датасет состоит из двух

основных компонентов: объект и характеристика объекта. Характеристика объекта включает конкретные признаки, связи с другими элементами постановления суда об избрании меры пресечения. Чем больше в датасете объектов, тем лучше он отражает реальность и тем более достоверной получается аналитика и обучение с ее помощью нейросети.

Кафедра занимается подготовкой датасета, используя типовые юридические конструкции. Сравнив структуру описания датасета, конкретные судебные постановления по избранию судом меры пресечения, ИИ-помощник сможет выделить недостатки (правовые лакуны) постановления суда о заключении под стражу.

Типовая юридическая конструкция постановления суда о заключении под стражу позволила раскрыть соотношение оценки обоснованности подозрения и запрета на обсуждение виновности в постановлении суда, оснований и условий для избрания заключения под стражу. На основе анализа судебной практики подготовлены предписания по формулировке резолютивной части постановления.

В разметке постановления суда об избрании меры пресечения особо выделена описательно-мотивировочная часть. Описательная часть разметки разделена на ключевые компоненты – механизм самовнимания, который позволяет модели взвешивать важность каждого слова в контексте всей последовательности. Например, в разметке указано, что конкретно в мотивировочной части необходимо оценить и указать. Важным аспектом является обоснование в постановлении судьи невозможности избрания более мягкой меры пресечения. Исходный текст разбивается на минимальные единицы – токены (слова, отдельные предложения). На начальном этапе нейросеть обрабатывает массив научно-практического курса, законодательные акты и постановления Пленума Верховного Суда РФ, касающиеся избрания мер пресечения.

В связи с внесением изменений в уголовно-процессуальное законодательство и вопросами, возникающими у судов при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, а также с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ для обучения нейросети готовится выборка конкретных судебных постановлений до 1000 судебных актов. На данном этапе модель будет изучать все знания по применению мер процессуального принуждения. Этот процесс требует определенных усилий со стороны правоприменителей.

После создания датасета, типовых юридических конструкций проводится настройка в закрытом контуре нейросети, адаптирующая модель к специфическим задачам. Система анализирует судебную практику, чтобы посмотреть, как суды трактовали те или иные векторные контексты.

Заключение

Не может существовать цифрового судьи-ИИ, который рассматривает дела и выносит решения. Нейросеть – это лишь рекомендательная система, которая автоматически ищет возможные нарушения, а не принимает решения. Данная технология осуществляет помощь судье в принятии решений при избрании меры пресечения, обеспечивает интеллектуальный поиск и дает рекомендации по применению релевантных норм права. Дает ссылки на законодательство, судебную практику и научную литературу.

Использование нейросетей в сфере правосудия требует строгих мер по обеспечению безопасности данных; следует уделять особое внимание защите персональных

данных на этапе обучения ИИ, защите авторских прав, выявлению недостоверной информации, прозрачности и безопасности сервисов.

Данные, используемые для обучения нейросети, должны быть корректными. Создание рабочих пространств позволяет осуществить калибровку нейросети на релевантных данных, чтобы системы ИИ не «унаследовали» предвзятость из данных, на основе которых они обучались. Следует приложить значительные усилия, чтобы создать правовую базу для обучения нейросети и предоставления услуг, связанных с ИИ. Поэтому процесс предоставления услуг, связанных с ИИ, как и процесс обучения ИИ, должны быть законодательно урегулированы.

Нейросеть может осуществлять генерацию проектов процессуальных решений на основе шаблонов и данных дела. Но техническое развитие моделей не достигло тех параметров, которые бы дали возможность полностью полагаться на их ответы без дополнительной перепроверки. ИИ – это лишь ассистент судьи, который осуществляет помощь судье при избрании меры пресечения: ИИ в режиме реального времени предоставляет судье релевантные нормы права, судебную практику и сведения о ключевых обстоятельствах дела. Суды получат возможность существенно автоматизировать свою работу. Поэтому использование технологий ИИ может стать важным дополнением как для судей, так и для прокуроров и защитников.

Библиографический список

Арзуманян А. Э. Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки // Юридические исследования. – 2025. – № 12. – С. 56–71.

Архиереев Н. В. Вызовы и достижения в регулировании искусственного интеллекта // Судья. – 2024. – № 8. – С. 4–10.

Галлямов Д. Р., Жукова П. Д. Применение искусственного интеллекта в изучении и оценке доказательств по уголовному делу в КНР // Экономика и право. XXI век. – 2025. – № 2. – С. 39–42.

Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 15–25.

Горбунов О. Н. От паттернов к прецедентам: применение больших языковых моделей в юридической практике // Судья. – 2026. – № 1. – С. 47–53.

Долгих Т. Н. Цифровизация уголовного судопроизводства: способ преодоления дефектов закона или оптимизация процессов? // Судья. – 2024. – № 8. – С. 27–30.

Женетль С. З., Иваненко Н. А. Пределы судебного усмотрения при разрешении дел о банкротстве // Судья. – 2024. – № 11. – С. 54–59.

Жеребцов П. А. Современные решения в работе мировых судей Москвы: искусственный интеллект и цифровые сервисы // Судья. – 2024. – № 8. – С. 13–14.

Качалов В. И., Качалова О. В., Марковичева Е. В. Возможности применения информационных технологий при принятии процессуальных решений по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 477. – С. 222–229.

Колоколов Н. А. Заключение обвиняемого под стражу: алгоритм производства // Уголовный процесс. – 2007. – № 5. – С. 9–23.

Колоколов Н. А. Феномен справедливости в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. – 2008. – № 12. – С. 3–13.

Мальцев Г. В. Нравственные основания права. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – 550 с.

Марковичева Е. В. Использование информационных технологий при избрании судом меры пресечения: возможности и риски // Российское правосудие. – 2026. – № 1. – С. 77–84.

Михайлова Е. В. Судебное усмотрение в российском гражданском процессе // Российский судья. – 2023. – № 2. – С. 13–17.

Реховский А. Ф. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Китая // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. – С. 69–77.

Таскаев Е. А. О необходимости создания в России единой электронной судебной системы на примере рассмотрения судами уголовных дел // Судья. – 2024. – № 8. – С. 24–26.

Шестаков А. В. Цифровые решения в мировой юстиции в Московской области: преимущества и риски // Судья. – 2024. – № 8. – С. 15–17.

References

Arkhieporev, N. V. (2024) Vyzovy i dostizheniya v regulirovanii iskusstvennogo intellekta [Challenges and achievements in the regulation of artificial intelligence]. *Sud`ya,* (8), 4–10.

Arzumanyan, A. E. (2025) Primenenie sistem iskusstvennogo intellekta v ugolovno-protsessual`noi deyatel`nosti prokurora: preimushchestva i nedostatki [Application of artificial intelligence systems in the criminal procedural activity of the prosecutor: advantages and disadvantages]. *Yuridicheskie issledovaniya,* (12), 56–71.

Dolgikh, T. N. (2024) Tsifrovizatsiya ugolovnogo sudoproizvodstva: sposob preodoleniya defektov zakona ili optimizatsiya protsessov? [Digitalization of criminal proceedings: a way to overcome defects of the law or process optimization?]. *Sud`ya,* (8), 27–30.

Gallyamov, D. R. & Zhukova, P. D. (2025) Primenenie iskusstvennogo intellekta v izuchenii i otsenke dokazatel`stv po ugolovnomu delu v KNR [Application of artificial intelligence in the study and evaluation of evidence in criminal cases in the PRC]. *Ekonomika i pravo. XXI vek,* (2), 39–42.

Golovko, L. V. (2019) Tsifrovizatsiya v ugolovnom protsesse: local`naya optimizatsiya ili global`naya revolyutsiya? [Digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution?]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti,* (1), 15–25.

Gorbunov, O. N. (2026) Ot patternov k pretsedentam: primenenie bol`shikh yazykovykh modelei v yuridicheskoi praktike [From patterns to precedents: application of large language models in legal practice]. *Sud`ya,* (1), 47–53.

Kachalov, V. I. & Kachalova, O. V. & Markovicheva, E. V. (2022) Vozmozhnosti primeneniya informatsionnykh tekhnologii pri prinyatii protsessual`nykh reshenii po ugolovnomu delu [Possibilities of using information technologies in making procedural decisions in a criminal case]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* (477), 222–229.

Kolokolov, N. A. (2007) Zaklyuchenie obvinyaemogo pod strazhu: algoritm proizvodstva [Detention of the accused: production algorithm]. *Ugolovnyi protsess,* (5), 9–23.

Kolokolov, N. A. (2008) Fenomen spravedlivosti v ugolovnom sudoproizvodstve [The phenomenon of justice in criminal proceedings]. *Ugolovnyi protsess,* (12), 3–13.

Maltsev, G. V. (2008) *Nravstvennye osnovaniya prava* [Moral foundations of law]. Moscow, Izdatel`stvo SGU, 550 p.

Markovicheva, E. V. (2026) Ispol`zovanie informatsionnykh tekhnologii pri izbranii sudom mery presecheniya: vozmozhnosti i riski [Use of information technologies by the court in selecting a preventive measure: possibilities and risks]. *Rossiiskoe pravosudie,* (1), 77–84.

Mikhailova, E. V. (2023) Sudebnoe usmotrenie v rossiiskom grazhdanskom protsesse [Judicial discretion in Russian civil procedure]. *Rossiiskii sud`ya,* (2), 13–17.

Rekhovskii, A. F. (2021) Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta v ugolovnom protsesse Kitaya [Use of artificial intelligence in the criminal procedure of China]. Bakhteev, D. V. (ed.) *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii* [Technologies of the 21st century in jurisprudence]: conference papers. Ekaterinburg, Ural`skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet, 69–77.

Shestakov, A. V. (2024) Tsifrovye resheniya v mirovoi yustitsii v Moskovskoi oblasti: preimushchestva i riski [Digital solutions in magistrate justice in the Moscow region: advantages and risks]. *Sud`ya,* (8), 15–17.

Taskaev, E. A. (2024) O neobkhodimosti sozdaniya v Rossii edinoi elektronnoi sudebnoi sistemy na primere rassmotreniya sudami ugolovnykh del [On the necessity of creating a unified electronic judicial system in Russia on the example of criminal cases consideration by courts]. *Sud`ya*, (8), 24–26.

Zhenetl', S. Z. & Ivanenko, N. A. (2024) Predely sudebnogo usmotreniya pri razreshenii del o bankrotstve [Limits of judicial discretion in resolving bankruptcy cases]. *Sud`ya*, (11), 54–59.

Zherebtsov, P. A. (2024) Sovremennye resheniya v rabote mirovykh sudei Moskvy: iskusstvennyi intellekt i tsifrovye servisy [Modern solutions in the work of magistrates in Moscow: artificial intelligence and digital services]. *Sud`ya,* (8), 13–14.

Информация об авторах

Николай Васильевич Азарёнок – доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: azarenok_96@mail.ru).

Вячеслав Николаевич Курченко – доктор юридических наук, доцент, профессор Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, заслуженный юрист РФ (e-mail: kvnekboblsud@mail.ru).

Information about the authors

Nikolai V. Azarenok – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Justice of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Head of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P. M. Davydov of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: azarenok_96@mail.ru).

Vyacheslav N. Kurchenko – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Honored Lawyer of the Russian Federation (e-mail: kvnekboblsud@mail.ru).

© Н. В. Азарёнок, 2026
© В. Н. Курченко, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2026

Для цитирования:
Зуев С. В. Законность в электронном уголовном процессе: новые правила и прежняя строгость // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 59–68. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_59.

Information for citation:
Zuev, S. V. (2026) Zakonnost` v elektronnom ugolovnom protsesse: novye pravila i prezhnyaya strogost` [Legality in Electronic Criminal Proceedings: New Rules and the Same Strickness]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 59–68. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_59.

УДК 343.131
BISAC: 027000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_59
Научная статья

ЗАКОННОСТЬ В ЭЛЕКТРОННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НОВЫЕ ПРАВИЛА И ПРЕЖНЯЯ СТРОГОСТЬ

С. В. Зуев
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
ORCID ID: 0000-0003-4395-4982

Статья посвящена исследованию законности при производстве по уголовным делам в электронном формате. В центре внимания находятся возможные изменения в восприятии требований правовых актов в случаях широкого применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Законность рассматривается в соотношении со справедливостью, целесообразностью, правомерностью и достоверностью. Цель работы – показать, что при переходе на электронное производство по уголовным делам не менее требовательны остаются положения закона, однако следует учитывать и положения подзаконных правовых актов. Доказано, что существенно поменяется наше представление о законности в электронном уголовном судопроизводстве. Применение информационных технологий позволит снизить усмотрение правоприменителя, сводя к минимуму субъективизм, случайные ошибки и злоупотребления властью. Доверие граждан к органам расследования, прокуратуре и к суду будет во многом определяться доступностью электронного правосудия, оказанием ожидаемой правовой защиты в цифровой среде, стабильностью работы информационных систем, обеспечением кибербезопасности. Многое будет зависеть от технических возможностей, от уровня развития компьютерных программ и технологий, электронного документооборота и эффективности электронного взаимодействия организаций, учреждений, предприятий и граждан.

Ключевые слова: *законность, электронный уголовный процесс, электронное уголовное дело, цифровизация, электронное уголовное судопроизводство*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

Vol. 9. Is. 2

LEGALITY IN ELECTRONIC CRIMINAL PROCEEDINGS: NEW RULES AND THE SAME STRICKNESS

Sergey V. Zuev
South Ural State University (National Research University)
ORCID ID: 0000-0003-4395-4982

This article examines the legality of electronic criminal proceedings. It focuses on potential changes in the perception of legal requirements in cases of widespread use of information technology in criminal proceedings. Legality is considered in relation to fairness, expediency, legality and reliability. The purpose of this paper is to demonstrate that during the transition to electronic criminal proceedings legal provisions remain no less demanding, but the provisions of bylaws must also be taken into account. It is demonstrated that our understanding of legality in electronic criminal proceedings will significantly change. The use of information technology will reduce law enforcement discretion, minimizing subjectivity, random errors and abuse of power. Citizens' trust in the activities of investigative bodies, the prosecutor's office and the courts will be largely determined by the availability of electronic justice, the provision of expected legal protection in the digital environment, the stability of information systems and cybersecurity. Much will depend on technical capabilities, the level of development of computer programs and technologies, electronic document management and the effectiveness of electronic interaction between organizations, institutions, businesses and citizens.

Keywords*: legality, electronic criminal process, electronic criminal case, digitalization, electronic criminal proceedings*

Введение

Понятие «законность» используется в различных системах права, при этом на уровне органов государственной власти официально и (или) через институты гражданского общества предлагается и поддерживается такое его содержание (осмысление), которое в большей степени соответствует системе государственного управления, сложившимся традициям, менталитету и национальным интересам. Отмечено, что в одних странах акцент делается на неуклонное соблюдение конституции и законов, добавляя к этому подзаконные акты. В других к этому перечню добавляют международные принципы и общие правила. В третьих считают важным, помимо этого, придерживаться неписаных норм права (правовых обычаев). Кроме того, судебные прецеденты также играют значительную роль в поддержании законности в некоторых странах [Гуценко, Головко, Филимонов, 2021: 17].

В российской науке нет единого мнения относительно того, что такое «законность». В юридической литературе данное понятие рассматривают как режим общественной жизни [Кудрявцев, Сухарев, Демидов, 1998: 4]; политико-правовой режим государства [Баранов, 2006: 9]; идею и требование [Марченко, 1998: 15]; правовой принцип [Прохорова, 2024]; принцип деятельности правоохранительных органов [Алиев, Клишков, 2018]; важнейший фактор обеспечения прав человека и гражданина [Юнусов, 2005]; комплексное (принцип, метод, режим) социально-правовое явление; метод государственного властвования; неуклонное соблюдение и исполнение законов всеми субъектами; элемент демократии; особое состояние деятельности субъектов права; состояние, тождественное государственному правопорядку; соответствие деятельности участников правовых отношений нормам права, закону [Семина, 2016: 67].

Законность в электронном уголовном процессе должна обеспечиваться неукоснительным соблюдением требований закона (ст. 7 УПК РФ). Кроме того, представляется, что порядок и правила использования информационных технологий могут определяться иными правовыми актами, нарушения которых следует рассматривать как существенные, если они повлекли или могли повлечь нарушения прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных отношений, а также воспрепятствовать осуществлению надлежащего производства по уголовным делам.

Основная часть

Анализ юридической литературы позволяет выявить некоторую взаимосвязь законности со справедливостью [Катомина, 2021], целесообразностью [Сайфуллин, 2021], правомерностью [Семина, 2016] и достоверностью [Баранов, 2006: 11]. В уголовном процессе все эти категории определяются посредством реализации уголовно-процессуальной формы применительно к конкретному уголовному делу, т. е. к изучаемому событию преступления, назначенному наказанию или принятому итоговому решению. Порядок производства по делу зависит, в свою очередь, от профессионализма субъекта, отвечающего за расследование, и суда, рассматривающего дело по существу, от их усмотрения. В данном случае можно говорить о создании и устойчивом функционировании антропоцентричной системы. Одновременно, можно сказать параллельно, развивается и все больше заявляет о себе вторая система, нацеленная на применение современных технологий, включая искусственный интеллект. В электронном уголовном процессе обе эти системы заслуживают пристального внимания как в сочетании используемых средств, так и с учетом относительно автономного своего развития.

Законность и справедливость

Справедливость играет значительную роль при восприятии законности производства по уголовным делам, в том числе в электронном формате. Это относится к принципу неотвратимости наказания, индивидуализации при назначении наказания, убедительности при слушании дела и вынесении приговора. Если закон работает, то граждане будут чаще обращаться в правоохранительные органы и суды за защитой.

Высшая форма справедливости, а значит, и законности, достигается при установлении истины по делу и грамотном, с учетом роли каждого соучастника преступления, распределении ответственности за содеянное.

В некоторых случаях может показаться, что суд вынес наказание слишком суровое или чрезмерно мягкое. На это влияет субъективное восприятие. Однако следует учитывать, что «нет ни одной области человеческого знания, в которой возможно было бы всеобщее согласие; ибо относительно самих основ жизни и знания люди расходятся во взглядах: ценность жизни, существование внешнего мира, законность опыта, разума, интуиции в познании могут быть признаны или отвергнуты, и сообразно этому построены различные мировоззрения» [Альбов, Масленников, 1999: 141].

Возможность по-разному интерпретировать отдельные нормы предопределяют неоднозначную практику их применения и формируют стереотипы регионального (районного, городского или областного) правового поведения. Просматриваются некоторые негативные моменты, связанные с чрезмерным, а порой неоправданным влиянием таких факторов, как: 1) указания руководителя и надзирающего проку-

рора; 2) ранее принятые судебные решения по результатам обжалования действий и решений следователей, а также по разрешению уголовных дел по существу; 3) статистика (ведомственные показатели); 4) стереотип в работе следователя.

Все это имеет непосредственное отношение к системе уголовного судопроизводства, где в центре находится человек, т. е. следователь (или дознаватель), судья. Такая система характеризуется сильной зависимостью от субъективной оценки доказательств и степенью установления обстоятельств. В другой системе, где во главе угла стоят технологии, включая искусственный интеллект, ситуация совершенно иная.

Искусственный интеллект в плане выбора усредненного решения видится более надежным и стабильным средством. Используемые алгоритмы при работе опираются на заранее заданные параметры и не могут отклониться без учета всех данных. Вместе с тем человек (следователь, судья) каждый раз оценивает доказательства заново и может ошибиться, чрезмерно завышая или занижая их значение. Субъективное восприятие в данном случае может иметь решающее значение или же вызвать ошибку.

Как справедливо заметил А. В. Смирнов, «искусственный интеллект в сочетании с так называемыми „большими данными“ (Big Data), именуемые в совокупности интегральной технологией искусственного интеллекта и больших данных (BD&AI), способны поставить процесс поиска доказательств в ходе расследования на качественно новый уровень, выявляя скрытые взаимосвязи в событиях и поведении лиц, часто недоступные охвату человеческим сознанием» [Смирнов, 2024: 24].

Законность и целесообразность

Еще в советский период исследователи указывали на наличие двух основных аспектов взаимосвязи законности и целесообразности: а) целесообразность действующих юридических норм (и отсюда – допустимость отступления от требований закона по мотивам целесообразности); б) целесообразность применения юридических норм в пределах «свободы усмотрения», предоставленной законом компетентным органам [Строгович, 1990: 304].

Целесообразность предполагает некий выбор, который должен быть предусмотрен законом. Правоприменитель (следователь, дознаватель, судья) руководствуется установленным порядком и придерживается принципа «как лучше». Последнее нередко понимается как баланс между публичными и частными интересами. Сам факт привлечения к уголовной ответственности может иметь не только личное, но и общественное значение. Определенный резонанс в обществе могут вызывать коррупционные дела, где фигурантом проходит высокопоставленное лицо, а также популярный и известный в обществе человек. Как уже отмечалось, усмотрение правоприменителя является важной составляющей в системе уголовного судопроизводства, где вся ответственность за принятие решений возлагается на должностное лицо. При оценке целесообразности в каждом конкретном случае, безусловно, имеет значение опыт, профессионализм, знания и компетентность.

По УПК Германии целесообразность – это один из важнейших принципов, позволено прекращать уголовное дело (преследование) по мотивам целесообразности. Характерно это для § 153а УПК ФРГ, предусматривающего, что обвиняемый выполняет определенные условия (обязанности, предписания), благодаря чему смещается акцент с чистого «принципа законности» на более гибкое и эффективное разрешение дел, особенно по менее тяжким преступлениям. Такой подход позволяет разгрузить суды и прокуратуру, фокусируя внимание на более важных делах, пре-

доставляет обвиняемому возможность избежать судимости, если его исправление возможно без возложения на него наказания.

Аналогичные ситуации можно наблюдать и применительно к положениям УПК РФ (например, ст. 25.1, 28, 28.1, 28.2).

В любом случае целесообразность не должна входить в противоречие с законностью. Применительно к использованию информационных технологий эта идея также сохраняет за собой общий смысл.

Примером целесообразности в рамках законности может служить открытый судебный процесс по делу Б., который обвинялся в убийстве своей гражданской жены. На YouTube-канале Верховного суда Республики Казахстан была организована онлайн-трансляция процесса, за которым следили многие граждане, в том числе из других стран[1].

Представляется, что целесообразность может также касаться перевода производства по уголовному делу из электронного формата в бумажный и наоборот. Такое решение должен принимать следователь или прокурор в зависимости от полномочий в конкретном государстве (например, в Республике Казахстан это право закреплено за следователем, который принимает решение в порядке ч. 2 ст. 42.1 УПК РК[2]). По всей видимости, традиционное производство еще долго будет сохраняться в России по делам, связанным с половой свободой и половой неприкосновенностью, по тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенным против несовершеннолетних; по делам, связанным с государственной тайной.

К случаям целесообразности можно отнести и предложение о вручении копии обвинительного заключения обвиняемому в электронном виде. В пояснительной записке к законопроекту четко прописана процессуальная экономия и выгода от этого[3]. Реализация этой инициативы нашла воплощение в ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ. Поэтому в каждом уголовном деле решение следователя о выборе способа вручения копии документа (в бумажном или электронном виде) будет находиться в поле его усмотрения.

Законность и правомерность

Соотношение понятий «законность» и «правомерность» время от времени становится предметом научных дискуссий и исследований. В узком смысле законность следует понимать как строгое соблюдение требований законов. В широком смысле законность и правомерность находятся в синонимическом ряду, их значение примерно равное. Тем не менее в контексте общего правопонимания вряд ли можно говорить, что законность и правомерность – это одно и то же.

В теории права различают позитивистское и естественно-правовое понимание права. В применении последнего подхода рассматриваемые понятия не совпадают по содержанию, поскольку относительно правомерности оцениваются не только поступки человека, но и идейно-ценностные установки и нормативы массового поведения [Пономарев, 2002].

[1] Эксперт: онлайн-трансляция судебных процессов повышает доверие к судебной системе через ее открытость. URL: https://www.caravan.kz/news/ehkspert-onlajjntranslyaciya-sudebnykh-processov-povyshaet-doverie-k-sudebnojj-sisteme-cherez-ejo-otkrytost-996732/ (дата обращения: 22.03.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 8 марта 2026 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 20.03.2026).

[3] Законопроект № 312970-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об использовании электронных документов в ходе досудебного производства по уголовному делу)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/312970-8 (дата обращения: 25.03.2026).

«Правомерность представляет собой явление крайне многогранное. Правомерность и ее характеризующие признаки провозглашаются, а нередко и закрепляются в законодательстве как принцип-требование, обращенный к субъектам права, по соблюдению правовых предписаний» [Тарасова, 2012: 43].

Несовпадение законности и правомерности возможно «при условии, если не признается тождественность права закону» [Семина, 2016: 68]. Если такое представить, то за рамками закона в правовом поле могут оказаться: правовой обычай; применение аналогии (если она прямо не предусмотрена законом, но, к примеру, допускается в решениях Конституционного Суда РФ); содержание подзаконных актов (приказов, постановлений, определений, указаний и т. п.), включая приложения к ним (например, инструкции), нормы международных правовых актов и общепризнанные принципы; прямые указания руководителя (если они не противоречат закону); организация и техническое обеспечение проведения следственных и иных процессуальных действий, взаимодействие следователя с органами дознания для решения общих задач, работа оперативного сотрудника с агентурным аппаратом и т. д.

При широком внедрении цифровых технологий последние рассуждения приобретают существенное значение. Так, приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 утвержден Регламент организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний. Согласно п. 1.2 этого приказа данный Регламент определяет порядок использования программно-технических комплексов, правила подготовки и проведения судебных заседаний в режиме видео-конференц-связи (за исключением процессуального порядка). Таким образом, применение цифровых технологий носит непроцессуальный характер, однако нарушения правил могут повлечь существенные ущемления прав и законных интересов граждан.

Вопрос о правомерности возникает и в тех случаях, когда судьи, по сути, создают право в принятых решениях, т. е. когда закон прямо не предусматривает такого поведения. Например, Лабытнангский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа 17 июня 2024 г. вынес приговор в отношении Т. и К., признав виновными по пп. «а», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ за преступления, совершенные ими 5 июля 2022 г. в пгт. Харп. Наряду с другими доказательствами суд сослался на протоколы очных ставок, проведенных следователем через Skype, несмотря на то что ст. 189.1 УПК РФ указывает на необходимость использования систем видео-конференц-связи государственных органов. В данном случае суд учел вынужденные обстоятельства – нахождение свидетелей в зоне специальной военной операции и отсутствие технической возможности использовать государственные системы.

Искусственный интеллект становится субъектом права по аналогии с юридическим лицом и приобретает правовой статус «электронного лица» по подобию физического лица[4]. И если пока нельзя сказать о законности обращения к данным технологиям, то вопрос о правомерности уже возникает.

В Краснодарский краевой суд поступила апелляция по делу о взятке, в котором были осуждены бывшие полицейские Ф. и Ф. Их признали виновными в том, что при выявлении 1,3 тонны контрафактного алкоголя сотрудники правоохранительных органов не обеспечили законный ход делу и получили за это 300 тыс. руб. В соответствии со ст. 290 УК РФ им назначили по семь лет лишения свободы. Защита одного из обвиняемых обратила внимание на необычные фразы в тексте приговора, которые, по мнению адвокатов, *могли быть сгенерированы искусственным ин-*

[4] Право и вызовы искусственного интеллекта. URL: https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html (дата обращения: 20.03.2026).

теллектом. Среди спорных выражений – «целая плеяда защитников», «чудесным образом участвовали в проверках» и характеристика подсудимого как «решительного должностного лица». Адвокат А. Аванесян направил фрагменты документа на лингвистический анализ, который указал на признаки *машинного текста, включая смешение стилей*, неестественные конструкции и «пустую массивность». Однако апелляционная коллегия оставила приговор в силе, отметив, что стиль изложения не влияет на законность акта и соответствует нормам Уголовно-процессуального кодекса. Суд постановил, что приговор изложен ясно и понятно, выбранная стилистика не влияет на законность решения, а использование ИИ в правосудии не регламентировано законодательством, поэтому не может быть основанием для отмены[5].

В данном случае как нельзя лучше просматривается несовпадение законности и правомерности, поскольку законом не предусмотрено, но и не запрещено, значит, допускается, т. е. правомерно. Нечто подобное можно наблюдать в настоящее время в оперативно-разыскной деятельности, где достаточно широко используются различные информационные системы и технологии, применение которых законом строго не определено, но и не запрещено.

Законность и достоверность

Связка законности и достоверности данных, которые ложатся в основу принятия решений, имеет ключевое значение, поскольку от этого зависит ощущение правдивости приговора или иного итогового решения по делу. Участники уголовного судопроизводства, в том числе присяжные заседатели, а также присутствующие в зале суда граждане в определенной степени понимают качество проведенного расследования, количество доказательств и способы их получения. Многие оперативно-разыскные мероприятия известны большинству граждан, например прослушивание телефонных переговоров, наблюдение, проверочная закупка, оперативный эксперимент.

Собранные по делу доказательства должны отвечать требованиям относимости, достоверности, допустимости и достаточности. Представляется, что достоверность среди них носит преимущественный характер. Более того, остальные три свойства направлены на получение информации, отражающей реальность исследуемых событий. Безусловно, важна относимость как свойство, отвечающее за способность сведений раскрывать обстоятельства прошлого. Допустимость обеспечивает соблюдение процессуальной формы их собирания. Достаточность говорит о необходимой совокупности данных.

А. М. Баранов в диссертационном исследовании отметил: «Законность и достоверность собранных доказательств должны обеспечиваться не столько за счет соблюдения процессуальной формы их собирания, сколько за счет проверяемости доказательств в суде. Требование закона, направленное к правоприменителю по соблюдению процессуальной формы, в большей степени должно гарантировать обществу именно достоверность собираемых доказательств, а не идеальность осуществления установленной законом процедуры» [Баранов, 2006: 11].

В электронном уголовном процессе акцент делается на технологических гарантиях, среди которых уже сейчас можно выделить: привлечение большого количества источников информации; применение известных, разрешенных, ранее апробированных технологий поиска, хранения и обработки данных; проверку программ и информационных продуктов с помощью других схожих, конкурентных, возмож-

[5] Приговор полицейским-взяточникам в Краснодаре могла составить нейросеть. Адвокат подал апелляцию. URL: https://93.ru/text/incidents/2025/10/15/76076007/ (дата обращения: 18.03.2026).

но более совершенных технологий и систем; подтверждение электронных данных иными доказательствами, полученными традиционным (известным) способом (путем проведения осмотра, допроса, опознания и т. д.).

Если с помощью технологий невозможен процесс доказывания, который обычно воспринимается как умственная работа следователя, дознавателя и судьи [Россинский, 2023], то тому же искусственному интеллекту присущи другие немаловажные свойства, например: математическая точность, совершенство алгоритма, формальные средства, бесперебойная работа, возможность обрабатывать большие данные, самопроверяемость систем и т. д. Последнее свойство может свидетельствовать о надежности итогового информационного продукта. Применительно к доказыванию при анализе электронных данных в каждом конкретном случае можно говорить об установлении «цифрового факта».

Как верно заметили Т. Шаповалова и Е. Бондар, «в процессе расследования преступления объективно приходится иметь дело с реально существующей информацией разной степени достоверности» [Шаповалова, Бондар, 2007: 99]. Информация требует обработки, а учитывая объем используемых данных, искусственный интеллект лучше справится с этой задачей, чем человек. Пока это сложно принять в силу использования привычной, как уже было отмечено, антропоцентричной системы, но в дальнейшем, при переходе на электронный уголовный процесс, это станет неизбежным.

Выводы

Результаты исследования убеждают, что при переходе на производство по электронным уголовным делам ожидается существенное изменение нашего представления о законности в уголовном судопроизводстве. Широкое применение цифровых технологий позволит снизить усмотрение правоприменителя, сводя к минимуму субъективизм, случайные ошибки и злоупотребления властью. Доверие граждан к органам расследования, прокуратуре и к суду будет во многом определяться доступностью электронного правосудия, оказанием ожидаемой правовой цифровой защиты, стабильностью работы информационных систем, обеспечением кибербезопасности. Целесообразность принятия решений, правомерность всех действий и мероприятий, достоверность электронных данных будут зависеть от технических возможностей, от уровня развития программ и технологий, электронного документооборота и эффективности взаимодействия организаций, учреждений и предприятий в цифровой среде.

Библиографический список

Алиев Я. Л., Клишков В. Б. Законность как один из основополагающих принципов эффективной деятельности органов внутренних дел // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2018. – № 6. – С. 90–95.

Альбов А. П., Масленников Д. В. Право как выражение правды и справедливости (научное наследие русского правоведа А. С. Ященко) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – № 3 (3). – С. 137–142.

Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Омск, 2006. – 39 с.

Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. – М.: Зерцало-М, 2021. – 480 с.

Катомина В. А. О взаимосвязи законности и справедливости // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2021. – № 1 (27). – С. 39–42.

Кудрявцев В. Н., Сухарев А. Я., Демидов И. Ф. Законность: содержание и современное состояние // Законность в Российской Федерации. – М.: Спарк, 1998. – С. 4–12.

Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – Т. 2. – 640 с.

Пономарев Д. А. Теоретические проблемы развития понятия законности в отечественной юридической науке: дис. … канд. юрид. наук. – Уфа, 2002. – 174 с.

Прохорова О. А. Законность как правовой принцип в современной юриспруденции // Проблемы права: теория и практика. – 2024. – № 65. – С. 119–132.

Россинский С. Б. Уголовно-процессуальное доказывание – совокупность познавательно-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 16–23.

Сайфуллин А. И. К вопросу о соотношении категорий «законность» и «целесообразность» в теории права // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 2. – С. 54–57.

Семина О. С. Законность и правомерность: соотношение и взаимосвязь // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2016. – № 2. – С. 67–70.

Смирнов А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 1. – С. 24–31.

Строгович М. С. Избранные труды. – Т. 1. – М.: Наука, 1990. – 305 с.

Тарасова Л. Н. Правомерность как правовой принцип, метод правового регулирования и правовой режим // Вестник Московского финансово-юридического университета (МФЮА). – 2012. – № 4. – С. 42–53.

Шаповалова Т., Бондар Е. Соотношение достоверности и допустимости доказательств в уголовном процессе // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 97–101.

Юнусов А. А. Законность как важнейший фактор обеспечения прав человека и гражданина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2005. – № 8 (48). – С. 47–55.

References

Aliev, Ya. L. & Klishkov, V. B. (2018) Zakonnost` kak odin iz osnovopolagayushchikh printsipov effektivnoi deyatel`nosti organov vnutrennikh del [Legality as one of the fundamental principles of effective activity of internal affairs bodies]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, (6), 90–95.

Al'bov, A. P. & Maslennikov, D. V. (1999) Pravo kak vyrazhenie pravdy i spravedlivosti (nauchnoe nasledie russkogo pravoveda A. S. Yashchenko) [Law as an expression of truth and justice (the scientific legacy of the Russian legal scholar A. S. Yashchenko)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii,* 3 (3), 137–142.

Baranov, A. M. (2006) *Zakonnost` v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam* [Legality in pre-trial proceedings in criminal cases]: autoabstr. doct. of jur. sc. thesis. Omsk, 39.

Gutsenko, K. F. & Golovko, L. V. & Filimonov, B. A. (2021) *Ugolovnyi protsess zapadnykh gosudarstv* [Criminal procedure in Western countries]. Moscow, Zertsalo-M, 480.

Katomina, V. A. (2021) O vzaimosvyazi zakonnosti i spravedlivosti [On the relationship between legality and justice]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii,* 1 (27), 39–42.

Kudryavtsev, V. N. & Sukharev, A. Ya. & Demidov, I. F. (1998) Zakonnost`: soderzhanie i sovremennoe sostoyanie [Legality: Content and Current State]. *Zakonnost` v Rossiiskoi Federatsii* [Legality in the Russian Federation]. Moscow, Spark, 4–12.

Marchenko M. N. (ed.) (1998) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]: academic course: in 2 vols. Moscow, Zertsalo, (2), 640.

Ponomarev, D. A. (2002) *Teoreticheskie problemy razvitiya ponyatiya zakonnosti v otechestvennoi yuridicheskoi nauke* [Theoretical Problems of the Development of the Concept of Legality in Domestic Legal Science]: cand. jur. sc. thesis. Ufa, 174.

Prokhorova, O. A. (2024) Zakonnost` kak pravovoi printsip v sovremennoi yurisprudentsii [Legality as a Legal Principle in Modern Jurisprudence]. *Problemy prava: teoriya i praktika*, (65), 119–132.

Rossinsky, S. B. (2023) Ugolovno-protsessual`noe dokazyvanie – sovokupnost` poznavatel`no-udostoveritel`nykh priemov i argumentatsionno-logicheskikh operatsii [Criminal Procedure Proof: A Set of Cognitive-Certificatory Techniques and Argumentative-Logical Operations]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, (1:65), 16–23.

Saifullin, A. I. (2021) K voprosu o sootnoshenii kategorii «zakonnost`» i «tselesoobraznost`» v teorii prava [On the Relationship between the Categories of 'Legality' and 'Expediency' in Legal Theory]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (2), 54–57.

Semina, O. S. (2016) Zakonnost` i pravomernost`: sootnoshenie i vzaimosvyaz` [Legality and Legitimacy: Correlation and Interrelation]. *Mezhdunarodnyi zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava*, (2), 67–70.

Smirnov, A. V. (2024) Elektronnye dokazatel`stva, elektronnoe dokazyvanie, iskusstvennyi intellekt: chto dalee? [Electronic Evidence, Electronic Proof, Artificial Intelligence: What's Next?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, (1), 24–31.

Strogovich, M. S. (1990) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Nauka, (1), 305.

Tarasova, L. N. (2012) Pravomernost` kak pravovoi printsip, metod pravovogo regulirovaniya i pravovoi rezhim [Legality as a Legal Principle, Method of Legal Regulation and Legal Regime]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta (MFYuA)*, (4), 42–53.

Shapovalova, T. & Bondar, E. (2007) Sootnoshenie dostovernosti i dopustimosti dokazatel`stv v ugolovnom protsesse [The Correlation of Reliability and Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings]. *Ugolovnoe pravo*, (6), 97–101.

Yunusov, A. A. (2005) Zakonnost` kak vazhneishii faktor obespecheniya prav cheloveka i grazhdanina [Legality as the Most Important Factor in Ensuring Human and Civil Rights]. *Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, (8:48), 47–55.

Информация об авторе

Сергей Васильевич Зуев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (e-mail: zuevsergej@inbox.ru).

Information about the author

Sergey V. Zuev – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Justice and Law Enforcement of the South Ural State University (national research university) (e-mail: zuevsergej@inbox.ru).

© С. В. Зуев, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 01.04.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2026

Для цитирования:
Ермакова О. В., Кукасов М. В. Специальные составы должностных преступлений: сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства стран СНГ // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 69–82. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_69.

Information for citation:
Ermakova, O. V. & Kukasov, M. V. (2026) Spetsial`nye sostavy dolzhnostnykh prestuplenii: sravnitel`no-pravovoe issledovanie ugolovnogo zakonodatel`stva stran SNG [Special Elements of Official Crimes: a Comparative Legal Study of Criminal Legislation of CIS Countries]. *European and Asian Law Review.* 9 (2), 69–82. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_69.

УДК 343.35
BISAC: 025000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_69
Научная статья

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЫ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

О. В. Ермакова
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0002-4664-582X

М. В. Кукасов
Барнаульский юридический институт МВД России
ORCID ID: 0009-0007-4438-2038

В представленной работе авторами исследуются специальные составы преступлений против государственной власти по уголовному законодательству стран СНГ (Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан, Киргизская Республика и Туркменистан). Анализу подвергается само понятие специального состава и правила его отражения в законодательстве. Сделан вывод, что в российском законодательстве специальные составы достаточно распространены, причем они располагаются в различных разделах и главах закона. При этом их юридическое выражение отличается от признаков общего родового состава, из которого они образованы, что негативно сказывается на правоприменительной деятельности. В законодательстве иных стран СНГ тенденция создания многочисленных специальных составов преступлений также имеет место, при этом наблюдается еще большая дифференциация уголовной ответственности и более детальное изложение признаков составов преступлений.

Ключевые слова: *квалификация должностных преступлений, специальные составы преступлений, преступления против государственной власти, сравнительно-правовое исследование*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

SPECIAL ELEMENTS OF OFFICIAL CRIMES: A COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF CIS COUNTRIES

Olga V. Ermakova
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0002-4664-582X
Maksim V. Kukasov
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID ID: 0009-0007-4438-2038

The authors examine special crimes against state power under the criminal legislation of CIS countries (Russian Federation, Republic of Kazakhstan, Republic of Belarus, Republic of Uzbekistan, Republic of Tajikistan, Kyrgyz Republic and Turkmenistan). The concept of a special crime and the rules for its reflection in legislation are analyzed. The authors conclude that special crimes are quite common in Russian legislation and they are located in various sections and chapters of the law. However, their legal expression differs from the characteristics of the general generic crime from which they are formed, which negatively impacts law enforcement. The legislation of other CIS countries also tends to create numerous special crimes, with even greater differentiation in criminal liability and a more detailed description of the elements of each crime.

Keywords*: classification of official crimes, special crimes, crimes against state authority, comparative legal study*

Введение

Преступление получает юридическую оболочку в уголовном законодательстве в виде состава преступления. Совокупность объективных и субъективных признаков, избранных законодателем для отражения сущности того или иного деяния, позволяет не только сравнить конструкции в рамках законодательства одного государства, но и осуществить компаративистское исследование.

При этом в законодательстве многих государств используется следующий прием законодательной техники: из одного состава преступления выделяются специальные разновидности, которые образуются для дифференциации уголовной ответственности, когда возникает необходимость отразить повышение или понижение общественной опасности преступления. Такая специальная конструкция формируется путем введения в первоначальный (общий) состав преступления дополнительных уточняющих признаков, демонстрирующих измененную степень общественной опасности конкретного вида противоправного поведения. В науке уголовного права отношение к использованию данных конструкций достаточно неоднозначное, поскольку многочисленность конструкций всегда приводит к конкуренции между ними и к сложностям в квалификации деяний. Следовательно, проведение сравнительного исследования представляет особый интерес именно применительно к введению в законодательство специальных составов преступлений. При этом целесообразно ограничить сравнение определенной группой преступлений. В частности, показательно такое исследование на примере преступлений против государственной власти, так как именно данные конструкции в российском законе характеризуются множественными специальными разновидностями.

Основная часть

В российском уголовном законодательстве преступления против государственной власти построены таким образом, что из центральных конструкций, в которых признаки имеют обобщенное содержание (это общие составы преступлений злоупотребления и превышения должностных полномочий), выделяются специальные составы должностных преступлений. Причем в УК РФ такие конструкции рассредоточены не только в гл. 30, но и в гл. 31.

Восприятие составов преступлений, закрепленных в ст. 285 и 286 УК РФ в качестве общих (хотя не все авторы согласны с такой позицией [Яни, 2011]), позволяет на их основе выделить следующие группы специальных составов:

1) специальные составы превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): взяточничество (ст. 290, 292, 302, чч. 2–4 ст. 303, ст. 304 УК РФ);

2) специальные составы злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ): ст. 299, 300, 301, 305 УК РФ [Борков, 2010: 22–23].

Данные специальные составы конкретизируют общие родовые составы должностных преступлений (ст. 285 и 286 УК РФ) при помощи уточненных форм деяний, круга субъектов или потерпевших, а также других обстоятельств. Так, фальсификация доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) является специальным составом по отношению к ч. 1 ст. 286 УК РФ: конкретизированы деяние (фальсификация доказательств по уголовному делу) и субъект (лицо, производящее дознание; следователь; прокурор или защитник) [Багаев, Радченко, 2024]. Хотя в научной литературе и судебной практике существуют и другие позиции (например, что это разновидность злоупотребления должностными полномочиями [Кулешов, 2007: 154–155]).

Однако в российском законодательстве не всегда соблюдается преемственность признаков общего состава в специальном. Так, анализ уже обозначенных составов преступлений, предусмотренных ст. 286 и ч. 2 ст. 303 УК РФ, демонстрирует несоответствие в изложении объективной стороны: конструкция состава превышения должностных полномочий – материальная, т. е. деяние признается оконченным преступлением только при наличии преступных последствий. В свою очередь, состав фальсификации доказательств – формальный, последствия не включены в состав преступления. Этот пример доказывает, что в национальном законодательстве специальные составы преступлений формируются весьма произвольно, без ориентации на признаки общего состава [Ботвин и др., 2025: 23–26].

Особенно явно эта проблема проявляется при конструировании общего и специального состава преступления в разных разделах и (или) главах уголовного закона. К примеру, сравнение злоупотребления должностными полномочиями и привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) показывает наличие в конструкциях абсолютно разных признаков составов преступлений, в результате чего выделить общие, объединяющие признаки достаточно сложно. В одном случае объектом преступления является нормальная деятельность органов государственной власти, а в другом – осуществление правосудия. В отличие от ст. 285 УК РФ, в ст. 299 УК РФ обязательным признаком выступает потерпевший. Конструкция злоупотребления – материальная, а привлечения заведомо невиновного – формальная. В составе злоупотребления обязательным признаком выступает мотив, а в составе привлечения невиновного этот признак отсутствует.

Полагаем существование такой тенденции создания специальных составов должностных преступлений недопустимым, поскольку это, во-первых, противоречит правовой природе специальных составов, которые представляют собой «узконаправленные дополнения к общим положениям» [Рогова, Парышев, 2025: 58–61];

во-вторых, создает сложности в правоприменении. Последний аспект следует рассмотреть более подробно.

Идентификация специальных составов осуществляется путем сравнения признаков составов и нахождения в конструкциях общих признаков и дополнительных. При отсутствии признаков, объединяющих составы, достаточно сложно сделать вывод об их соотношении. В свою очередь, неверный вывод о наличии специального состава преступления будет препятствовать применению положений, закрепленных ч. 3 ст. 17 УК РФ о конкуренции уголовно-правовых норм, предусматривающих общий и специальный состав и выборе при квалификации лишь последнего.

Например, Л., являясь председателем Туруханского районного суда Красноярского края, используя служебное положение, создал условия для фиктивного трудоустройства С. Первоначальная квалификация, представленная судом первой инстанции, – ч. 3 ст. 159, ч. 2 ст. 285 УК РФ. Тюменским областным судом по ст. 285 УК РФ Л. был оправдан[1].

Таким образом, в российском уголовном законодательстве преступления против государственной власти представлены многочисленными специальными конструкциями, которые выделены из общих конструкций злоупотребления и превышения должностных полномочий. Специальные разновидности данных преступлений располагаются не только в гл. 30 УК РФ, но и в иных разделах и главах УК РФ. Фактически любой состав, в котором предусмотрен специальный субъект – лицо, использующее служебное положение, можно рассматривать как специальный по отношению к злоупотреблению должностными полномочиями или превышению их. Однако признаки общих и специальных составов должностных преступлений не соотносятся друг с другом. В результате не только нарушаются правила законодательной техники, но и возникают проблемы судебной практики. Правоприменители, исходя из текста закона, не могут сделать вывод о наличии специальной конструкции. В одних случаях применяются положения ч. 3 ст. 17 УК РФ, а в других – правила совокупности преступлений.

С целью выявления общих закономерностей и национальных особенностей регламентации специальных составов должностных преступлений необходимо обратиться к сравнительно-правовому анализу законодательства некоторых государств Содружества Независимых Государств, правовые системы которых исторически формировались на основе общих советских кодификаций, но в настоящее время демонстрируют заметную дифференциацию подходов.

Должностные преступления в различных формах представляют серьезную угрозу для стабильности деятельности государств и функционирования их институтов, подрывая доверие общества к власти и нарушая фундаментальные права и свободы граждан. В условиях повышенной потребности в охране деятельности государственных органов и активного взаимодействия участников таких организаций, как Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС, особую актуальность приобретает сравнительный анализ уголовного законодательства этих государств в сфере противодействия должностной преступности.

Проведен сравнительный анализ уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных специальными составами должностных преступлений в странах СНГ, таких как Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан, Киргизская Республика и Туркменистан. Исследование показывает, что, несмотря на общую правовую

[1] Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 30 июня 2025 г. по делу № 55-213.

базу, унаследованную от советского уголовного законодательства, в национальных правовых системах стран СНГ имеются существенные различия в подходах к конструированию специальных составов должностных преступлений и назначению наказаний за их совершение. Эти различия обусловлены как национальными особенностями правовой политики и социально-экономического развития, так и спецификой криминогенной ситуации в каждом государстве.

Цель данного анализа – выявить общие тенденции и особенности уголовного законодательства стран СНГ в сфере конструирования специальных составов должностных преступлений, проанализировать существующие различия и оценить их влияние на эффективность правоприменения. Сравнительный анализ позволит не только развить теоретические положения в области уголовного права, но и определить направления совершенствования национальных законодательств с учетом наиболее удачного зарубежного опыта, что в итоге будет способствовать укреплению законности и пресечению преступности.

Изложенные теоретические положения о природе специальных составов и общая характеристика уголовного законодательства стран СНГ требуют конкретизации на примере отдельных государств. Начать целесообразно с анализа правопорядков, наиболее близких к российской модели, но имеющих значимые отличия в конструировании квалифицирующих признаков. В связи с этим первостепенный интерес представляет сравнительное исследование Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Сравнительная характеристика уголовной ответственности за совершение должностных преступлений, регламентированных специальными составами в Российской Федерации и Республике Казахстан

Ответственность за получение взятки в обеих странах имеет схожие черты, однако есть и отличия.

Особенностью Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) является наличие признака «неоднократности» в качестве дополнительного уточняющего признака в специальных квалифицированных составах ряда преступлений. Так, наказание за получение взятки, совершенное неоднократно (п. 4 ч. 3 ст. 366 УК РК), более строгое, чем предусмотренное общей нормой (ч. 1 ст. 366 УК РК).

В отличие от российского уголовного законодательства, в котором наличествует специальный состав получения взятки (ст. 292^1 УК РФ) с уточненным размером от 0 до 10 000 руб., в УК РК наблюдается более казуистический подход к уголовно-правовому регулированию схожих деяний. Так, в примечаниях к ст. 366 УК РК указано: не является преступлением получение взятки впервые в виде подарка, если стоимость не превышает двух месячных расчетных показателей и отсутствовала предварительная договоренность.

Статья 368 УК РК («Посредничество во взяточничестве») отличается от ст. 291^1 УК РФ тем, что не предусматривает дифференциации в зависимости от размера взятки. В российском законодательстве для привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 291^1 УК РФ необходимо, чтобы размер взятки превышал 25 000 руб., в УК РК такого ограничения нет. Также УК РК не содержит отдельного состава преступления за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, а также деяния «мелкое взяточничество». Российское уголовное законодательство более подробно регламентирует различные аспекты взяточничества, включая мелкие коррупционные деяния и предварительные договоренности о посредничестве. Это повышает

эффективность уголовно-правовой охраны в указанной сфере, а также позволяет пресекать коррупционные схемы на ранних этапах.

Статья 369 УК РК, регулирующая ответственность за служебный подлог, не содержит квалифицирующего признака «то же деяние, повлекшее существенное нарушение прав», который присутствует в российском законодательстве. Вместо этого в УК РК предусмотрен специальный квалифицированный состав с уточненным признаком субъекта – сотрудники правоохранительных органов и судьи. В ст. 293 УК РФ («Халатность») предусмотрена более детальная дифференциация в зависимости от тяжести общественно опасных последствий по сравнению со ст. 371 УК РК. Это позволяет квалифицировать деяния в зависимости от наступивших последствий и степени общественной опасности преступления, учитывая принцип справедливости.

Интересным решением казахстанского законодателя является введение специального состава в ст. 412-1 УК РК («Провокация преступления»). В отличие от ст. 304 УК РФ, где уголовно наказуемой признается только провокация взятки и коммерческого подкупа, в ст. 412-1 УК РК предусмотрена уголовная ответственность за провокацию любого преступления должностным лицом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или досудебное расследование с целью последующего изобличения и привлечения к уголовной ответственности или шантажа. Следует также отметить детальную дифференциацию в зависимости от способов, целей и последствий в ст. 412-1 УК РК. При этом в УК РК также предусмотрена ответственность за провокацию коммерческого подкупа (ч. 1 ст. 417 УК РК) либо взяточничества (ч. 2 ст. 417 УК РК), в ст. 304 УК РФ ответственность за данные деяния не дифференцирована.

Положительным примером следует признать опыт закрепления в ч. 4 ст. 414 УК РК специального состава «умышленное неуведомление родственников подозреваемого о факте его задержания и месте нахождения, незаконный отказ в предоставлении информации о месте содержания под стражей лица гражданину, имеющему право на получение такой информации, а равно фальсификация времени составления протокола задержания или времени фактического задержания».

В ст. 415 УК РК («Принуждение к даче показаний») закреплен более широкий перечень деяний, чем в ст. 302 УК РФ, предусмотрены такие формы деяний, как «воспрепятствование лицу в добровольной даче показаний, подаче заявления о совершенном преступлении либо принуждение к отказу от дачи показаний».

Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств также более детально регламентирована в УК РК в сравнении с российским законом. Так, если в ч. 3 ст. 303 УК РФ предусмотрен только специальный состав с признаком «тяжких последствий» в отношении фальсификации доказательств по уголовному делу, то ч. 5 ст. 416 УК РК охватываются все виды фальсификации (доказательств по делу об административном правонарушении, уголовному и гражданскому делу, результатов оперативно-разыскной деятельности), повлекшие вынесение неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Кроме того, отдельно в специальном квалифицированном составе предусмотрена уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица, тяжком или особо тяжком преступлении (ч. 6 ст. 416 УК РК).

В уголовном законодательстве Республики Казахстан наблюдается более детальная дифференциация в зависимости от субъектов преступления («лица, занимающие ответственную государственную должность», сотрудники правоохранительных органов, судьи), но менее проработанная по размеру ущерба.

Таким образом, представленное законодательство демонстрирует более широкий подход к дифференциации ответственности по признакам субъекта и повторности, тогда как российское – по размеру взятки и детализации последствий.

Обратимся теперь к анализу уголовного законодательства Республики Беларусь, где вопросы регламентации должностных преступлений также имеют свою специфику.

Сравнительная характеристика уголовной ответственности за совершение должностных преступлений, регламентированных специальными составами в Российской Федерации и Республике Беларусь

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ) обладает рядом преимуществ в области регламентации должностных преступлений. В начале гл. 35 УК РБ содержится примечание с унифицированными критериями дифференциации размера ущерба для всех преступлений данной главы, что обеспечивает последовательную и систематичную правоприменительную деятельность.

Примечательно, что ст. 427 УК РБ включает специальный квалифицированный состав «служебный подлог с целью искажения данных государственной статистической отчетности». Данный аспект свидетельствует о повышенном внимании законодателя к достоверности государственной статистики и отражает специфику белорусского законодательства.

В УК РБ лицо, ранее судимое за совершение коррупционного преступления, несет квалифицированную ответственность за получение взятки. Данная особенность свидетельствует о достаточно строгой уголовно-правовой регламентации рецидива коррупционных преступлений, что направлено на усиление борьбы с такими преступлениями.

В ст. 432 УК РБ посредничество во взяточничестве описывается исключительно как непосредственная передача взятки. В то же время ст. 291[1] УК РФ расширяет объективную сторону преступления, включая «иное способствование взяткодателю или взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения». Это позволяет привлекать к ответственности более широкий круг лиц, участвующих в коррупционных преступлениях.

С одной стороны, наличие в специальных квалифицированных составах УК РБ уточняющего признака субъекта «лицо, занимающее ответственное положение» способствует справедливой дифференциации уголовной ответственности, с другой – отсутствие законодательно закрепленной дефиниции данного термина обусловливает «оценочность» данного признака.

В отличие от ст. 299 УК РФ («Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела»), в ст. 393 УК РБ указана более узкая форма деяния: привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного; при этом в ч. 3 ст. 299 УК РФ отдельно выделено «незаконное возбуждение уголовного дела». Кроме того, в ч. 2 ст. 393 УК РБ содержится специальный квалифицированный состав «с искусственным созданием доказательств обвинения», отсутствующий в ст. 299 УК РФ.

В ч. 2 ст. 392 УК РБ («Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта») отсутствует специальный квалифицированный состав, наличествующий в ч. 2 ст. 305 УК РФ («Вынесение заведомо неправосудного приговора к лишению свободы»).

Преимуществом российского закона является наличие в ст. 394 УК РФ («Принуждение к даче показаний») в качестве субъекта «других лиц с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа»; по ст. 394 УК РБ такие лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности.

В ст. 303 УК РФ более подробно осуществлена дифференциация уголовной ответственности за фальсификацию доказательств, чем в ст. 395 УК РБ. Так, ст. 395 УК РБ не охватывается фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении, а также результатов оперативно-разыскной деятельности.

Российский законодатель дифференцирует ответственность за заведомо незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ) и заключение под стражу или содержание под стражей (ч. 2 ст. 301 УК РФ), наиболее строгое наказание за данные преступления существенно различается (2 и 4 года лишения свободы); в свою очередь, в ч. 1 ст. 397 УК РБ эти деяния закреплены в одном составе в качестве альтернативных, вследствие чего санкция в обоих случаях тождественна.

Более детально дифференцируется ответственность за незаконное освобождение от уголовной ответственности в ст. 399 УК РБ, чем в ст. 300 УК РФ. Так, в ч. 2 ст. 399 УК РБ предусмотрен признак «в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в тяжком или особо тяжком преступлении».

Интересным решением белорусского законодателя является закрепление специального состава в ст. 398 УК РБ («Производство заведомо незаконного обыска»), в российском уголовном законе такое деяние отсутствует, вследствие чего ответственность за такое преступление наступает по общему родовому составу (ст. 286 УК РФ).

Итак, белорусский законодатель, уделяя особое внимание борьбе с рецидивом коррупционных преступлений и достоверности официальной статистики, вместе с тем в меньшей степени дифференцирует уголовную ответственность за фальсификацию доказательств и незаконное задержание.

Уголовное законодательство Республики Узбекистан демонстрирует иные приоритеты, связанные с противодействием незаконному обороту наркотиков и усилением ответственности за повторные должностные преступления.

Сравнительная характеристика уголовной ответственности за совершение должностных преступлений, регламентированных специальными составами в Российской Федерации и Республике Узбекистан

В ст. 207 УК Республики Узбекистан (далее – УК РУ) содержится специальный квалифицированный состав должностной халатности с уточненным признаком последствий в виде провоза наркотических средств через границу в крупных размерах. Это отражает приоритеты государства в борьбе с наркоторговлей и транзитом запрещенных веществ. Статья 293 УК РФ («Халатность») содержит более абстрактные специальные квалифицированные составы, связанные с тяжестью последствий, включая причинение существенного вреда здоровью или смерти по неосторожности.

Статья 209 УК РУ предусматривает квалифицированную ответственность за должностной подлог, совершенный повторно или лицом, являющимся опасным рецидивистом. Аналогичные квалифицирующие признаки содержатся в ст. 210 («Получение взятки») и ст. 212 («Посредничество во взяточничестве») УК РУ. В УК РФ повторность и рецидив не выступают дополнительными уточняющими признаками в специальных составах должностных преступлений (кроме ст. 291^2 УК РФ), хотя и учитываются при назначении наказания. Уделение особого внимания повторным

преступлениям и рецидиву в узбекском законодательстве усиливает ответственность и направлено на профилактику повторных нарушений.

Посредничество во взяточничестве по ст. 212 УК РУ влечет ответственность по специальному квалифицированному составу, если деяние совершено за вознаграждение. Кроме того, отсутствует минимальный размер для привлечения к уголовной ответственности за посредничество, в отличие от ч. 1 ст. 291[1] УК РФ. Не устанавливая минимальный размер взятки для ответственности за посредничество, узбекское законодательство позволяет привлекать к ответственности за любое участие в коррупционных преступлениях.

Интересным решением узбекского законодателя является включение в ст. 230-1 УК РУ («Фальсификация (подделка) доказательств») уточненных признаков мотива (корыстные или иные низменные побуждения). Положительным опытом можно назвать включение в качестве предмета ст. 230-1 УК РУ доказательств не только по уголовным делам, но и по материалам доследственных проверок. Еще одним отличием от ст. 303 УК РФ является наличие в ст. 230-1 УК РУ специального квалифицированного состава с уточненным признаком последствий – «повлекшие задержание, заключение под стражу, привлечение к уголовной ответственности или освобождение от уголовной ответственности, осуждение либо оправдание лица».

В ст. 230-2 УК РУ отдельно выделяется фальсификация (подделка) результатов оперативно-разыскной деятельности, однако, в отличие от ч. 4 ст. 303 УК РФ, уголовная ответственность за данное деяние дифференцирована посредством закрепления специального квалифицированного состава (совершенное с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации).

Ответственность за применение пыток выделена в отдельную ст. 235 УК РУ, которая по своим признакам схожа с ч. 2 ст. 302 УК РФ, однако уголовная ответственность за данное деяние в УК РУ более детально регламентирована и дифференцирована посредством специальных составов в зависимости от различных обстоятельств (субъекта, способа, цели, потерпевших, орудий и последствий).

В узбекском уголовном законе предусмотрен такой специальный состав, как «умышленное укрытие преступления от учета» (ст. 241-1 УК РУ), отсутствующий в отечественном уголовном законе.

Специфика узбекской модели выражается также в детальном регулировании пыток и укрытия преступлений от учета, что не всегда находит прямые аналоги в российском праве.

Переходя к анализу законодательства Республики Таджикистан, следует отметить, что оно содержит ряд решений, направленных на учет экономических изменений при исчислении размера взятки и усиление ответственности за повторность.

Сравнительная характеристика уголовной ответственности за совершение должностных преступлений, регламентированных специальными составами в Российской Федерации и Республике Таджикистан

В ст. 319 («Получение взятки») Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ) содержатся квалифицирующие признаки, аналогичные ст. 290 УК РФ, однако отличительной чертой является наличие признака «повторность». Это означает, что лицо, ранее совершавшее аналогичное преступление, несет более строгую ответственность, что направлено на предотвращение рецидива и усиление борьбы с коррупцией. Значимым преимуществом таджикского законодательства выступа-

ет исчисление размера взятки в виде «показателей для расчетов». Такой подход позволяет учитывать инфляцию и другие изменения в стоимости денежной единицы, обеспечивая более справедливое и актуальное назначение наказания.

В УК РТ отсутствуют отдельные составы преступлений за обещание взятки, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество. В российском законодательстве эти деяния выделены в отдельные статьи, что позволяет более точно квалифицировать различные формы коррупционного поведения и привлекать к ответственности широкий круг лиц, причастных к коррупционным преступным деяниям.

Ответственность за халатность и служебный подлог в УК РТ схожа с соответствующими нормами УК РФ, однако менее дифференцирована. В частности, ст. 323 УК РТ («Служебный подлог») не содержит специальных квалифицированных составов преступлений. Это может затруднить справедливую оценку тяжести преступления и назначение соразмерного наказания в случаях, когда служебный подлог приводит к серьезным последствиям. В российском законодательстве ответственность за аналогичное преступление более дифференцирована.

Сравнительная характеристика уголовной ответственности за совершение должностных преступлений, регламентированных специальными составами в Российской Федерации и Киргизской Республике

Уголовный кодекс Киргизской Республики (далее – УК КР) содержит редкий для стран СНГ состав преступления – «Коррупция». Это умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных или иных благ. Наряду с этим составом в УК КР присутствуют и привычные для российского законодательства: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве и вымогательство взятки.

Важной особенностью УК КР является то, что получением взятки считается не только фактическое получение средств, но и согласие принять взятку (ст. 342 УК КР). Такой расширенный подход к определению объективной стороны преступления позволяет привлекать к ответственности должностных лиц на более ранних стадиях преступной деятельности, что усиливает превентивный эффект законодательства. Безусловное преимущество состоит в исчислении размера взятки с использованием «расчетных показателей».

Ответственность за получение взятки в УК КР дифференцирована по различным признакам. Присутствует квалифицированный состав с признаком «за предоставление должности в системе государственной или муниципальной службы», который отсутствует в УК РФ. Вымогательство взятки предусмотрено ст. 343 УК КР.

Служебный подлог в ст. 346 УК КР содержит нетипичный квалифицирующий признак – «с целью смены собственника помимо его воли». Это свидетельствует о повышенном внимании законодателя к защите права собственности и противодействию незаконному отчуждению имущества.

В ч. 2 ст. 352 УК КР («Вынесение неправосудного приговора или иного судебного акта») предусмотрен специальный квалифицированный состав – «вынесение заведомо неправосудного решения о заключении лица под стражу», что является нетипичным для аналогичных составов в уголовном законе иных государств.

Киргизский законодатель, таким образом, более детально подходит к уголовно-правовой регламентации должностных преступлений за счет признания согласия на получение взятки оконченным преступлением, а также внедрения различных составов преступлений, нетипичных для законодательства других государств.

Сравнительная характеристика уголовной ответственности за совершение специальных составов должностных преступлений в Российской Федерации и Туркменистане

Уголовный кодекс Туркменистана (далее – УК Туркменистана) содержит отдельный состав преступления – «Коррупция», аналогично УК Киргизской Республики.

Примечательный пример – уголовная ответственность за измену присяге путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 198 УК Туркменистана).

Интересным решением туркменского законодателя является введение отдельного состава преступления «Пытка» (ст. 201 УК Туркменистана). Статья содержит детальную дифференциацию с помощью специальных составов во второй и третьей частях, учитывая различные обстоятельства и тяжесть деяния.

Не совсем понятно закрепление специального привилегированного (исходя из сравнительного анализа наказаний со ст. 196 УК Туркменистана (общий родовой состав – злоупотребление должностными полномочиями)) состава в ст. 200 УК Туркменистана («Незаконная передача земли»).

В ст. 215 УК Туркменистана предусмотрена уголовная ответственность за незаконное освобождение из-под стражи или из мест лишения свободы, аналогов которой нет в уголовных законах анализируемых государств.

Во всех коррупционных преступлениях УК Туркменистана присутствуют квалифицирующие признаки специального рецидива – совершение преступления повторно. Кроме того, размер взятки в УК Туркменистана определяется с помощью «базовой величины», что позволяет учитывать экономические изменения и инфляцию.

Ответственность за халатность и служебный подлог в УК Туркменистана менее дифференцирована по сравнению с российскими аналогами.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ регламентации специальных составов должностных преступлений в государствах-участниках СНГ позволяет сформулировать следующие обобщающие положения.

1. Несмотря на общее происхождение уголовного законодательства стран СНГ из советской правовой традиции, в настоящее время наблюдается значительная дифференциация в конструировании специальных составов. Наиболее очевидные расхождения касаются:

использования фиксированных денежных сумм (Россия), кратных величин, расчетных показателей или базовых величин (Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Туркменистан);

наличия или отсутствия самостоятельных составов за мелкое взяточничество, обещание взятки и посредничество (Россия имеет наиболее развернутую систему);

включения в УК уникальных составов: «коррупция» (Киргизия, Туркменистан), «провокация любого преступления» (Казахстан), «пытка» (Туркменистан, Узбекистан), «незаконная передача земли» (Туркменистан), «производство заведомо незаконного обыска» (Беларусь).

2. Российский законодатель традиционно делает акцент на детализации специальных составов преступлений в зависимости от тяжести последствий (существенный вред, тяжкий вред здоровью, смерть) и размера взятки. Законодательство Казахстана, Узбекистана и Туркменистана активнее использует такие признаки, как повторность (неоднократность), специальный рецидив, а также уточненный субъект (сотрудники правоохранительных органов, судьи, лица, занимающие ответственное положение). Беларусь и Киргизия, напротив, в ряде случаев ограничиваются менее детализированными составами (отсутствие квалифицирующих признаков служебного подлога, единство санкций за незаконное задержание и заключение под стражу).

3. Заслуживает внимания опыт Киргизии, где получение взятки признается оконченным уже с момента согласия принять незаконное вознаграждение, а также опыт Казахстана, распространившего ответственность за провокацию на любое преступление, а не только на взяточничество. Такие решения усиливают превентивную функцию уголовного закона, позволяя пресекать коррупционные и служебные злоупотребления на более ранних стадиях.

4. Положительным примером следует признать опыт закрепления в уголовном законе Казахстана специального состава «умышленное неуведомление родственников подозреваемого о факте его задержания и месте нахождения, незаконный отказ в предоставлении информации о месте содержания под стражей лица гражданину, имеющему право на получение такой информации, а равно фальсификация времени составления протокола задержания или времени фактического задержания».

5. В ряде исследованных кодексов отсутствуют важные для современной правоприменительной практики специальные составы: мелкое взяточничество, обещание или предложение посредничества (Таджикистан, Казахстан и Беларусь); фальсификация доказательств по административным делам и результатов ОРД (Беларусь); принуждение к даче показаний, совершенное иными лицами с согласия следователя (Беларусь). В уголовных кодексах Туркменистана и Таджикистана недостаточно дифференцирована ответственность за служебный подлог и халатность.

6. Направления совершенствования российского законодательства. Анализ зарубежных аналогов позволяет рекомендовать для российской уголовно-правовой системы:

рассмотрение возможности исчисления размера взятки не в абсолютных суммах, а с использованием привязки к базовой величине (например, к минимальному размеру оплаты труда или расчетному показателю), что позволит избежать частых законодательных корректировок с учетом инфляции;

изучение опыта Казахстана и Киргизии по включению в специальные квалифицированные составы таких признаков, как «неоднократность» и «совершение преступления лицом, ранее судимым за коррупционное деяние»;

дополнение ст. 304 УК РФ ответственностью за провокацию не только взятки и коммерческого подкупа, но и иных тяжких преступлений против правосудия (по аналогии со ст. 412-1 УК Казахстана);

введение специального состава за производство заведомо незаконного обыска (по примеру ст. 398 УК Беларуси) вместо квалификации таких действий по общему родовому составу преступления (ст. 286 УК РФ);

включение в качестве предмета ч. 2 ст. 303 УК РФ не только доказательств по уголовным делам, но и материалов проверки сообщения о преступлении.

Вывод

Таким образом, сравнительно-правовое исследование специальных составов должностных преступлений в странах СНГ подтверждает как сохранение общего понятийного аппарата и структуры соответствующих глав уголовных кодексов, так и наличие существенных различий в уровнях дифференциации ответственности, технико-юридических приемах и национальных приоритетах уголовно-правовой политики. Учет выявленных особенностей, включая положительный опыт зарубежных государств, может способствовать дальнейшему совершенствованию российского уголовного законодательства и повышению эффективности противодействия должностной и коррупционной преступности.

Библиографический список

Багаев А. К., Радченко А. А. Фальсификация доказательств по уголовному делу как должностное преступление в сфере правоохранительной деятельности // Законность. – 2024. – № 7. – С. 58–62.

Борков В. Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов: моногр. – Омск: Омск. акад. МВД России, 2010. – 271 с.

Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: дис. … д-ра юрид. наук. – Владивосток, 2007. – 490 с.

Преступления против государственной власти: отечественный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия: моногр. / И. В. Ботвин [и др.]. – Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2025. – 158 с.

Рогова Н. Н., Парышев А. И. Особенности квалификации преступлений, связанных со злоупотреблениями и превышениями должностных полномочий, в случае конкуренции норм и разграничения составов преступлений // Российский следователь. – 2025. – № 8. – С. 56–61.

Яни П. С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий // Законность. – 2011. – № 12. – С. 12–16.

References

Bagaev, A. K. & Radchenko, A. A. (2024) Fal`sifikatsiya dokazatel`stv po ugolovnomu delu kak dolzhnostnoe prestuplenie v sfere pravookhranitel`noi deyatel`nosti [Falsification of Evidence in a Criminal Case as the Institutional Offense in the Sphere of Law Enforcement]. *Zakonnost`*, (7), 58–62.

Borkov, V. N. (2010) *Dolzhnostnye prestupleniya: kvalifikatsiya, sistema i soderzhanie ugolovno-pravovykh zapretov* [Official Crimes: Qualification, System and Content of Criminal Prohibitions]: monography. Omsk, Omskaya akademiya MVD Rossii, 271.

Kuleshov, Yu. I. (2007) *Prestupleniya protiv pravosudiya: problemy teorii, zakonotvorchestva i pravoprimeneniya* [Crimes Against Justice: Issues of Theory, Legislation and Law Enforcement]: doct. jur. sc. thesis. Vladivostok, 490.

Botvin, I. V., et al. (2025) *Prestupleniya protiv gosudarstvennoi vlasti: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt ugolovno-pravovogo protivodeistviya* [Crimes against State Power: Domestic and Foreign Experience of Criminal Law Countermeasures]: monography. Barnaul, Barnaul`skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 158.

Rogova, N. N. & Paryshev, A. I. (2025) Osobennosti kvalifikatsii prestuplenii, svyazannykh so zloupotrebleniyami i prevysheniyami dolzhnostnykh polnomochii, v sluchae konkurentsii norm i razgranicheniya sostavov prestuplenii [Special Aspects of Qualification of Crimes Related to Abuse and Excess of Powers in the Event of a Conflict Between Norms and Demarcation Between Constituent Elements of Crimes]. *Rossiiskii sledovatel`*, (8), 56–61.

Yani, P. S. (2011) Dolzhnostnoe zloupotreblenie – chastnyi sluchai prevysheniya polnomochii [Official Abuse: A Special Case of Excessive Authority]. *Zakonnost`*, (12), 12–16.

Информация об авторах

Ольга Владимировна Ермакова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: ermakova_alt@mail.ru).

Максим Викторович Кукасов – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России (e-mail: maxim.kukasov@yandex.ru).

Information about the authors

Olga V. Ermakova – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: ermakova_alt@mail.ru).

Maxim V. Kukasov – Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: maxim.kukasov@yandex.ru).

© О. В. Ермакова, 2026
© М. В. Кукасов, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 15.04.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 16.04.2026

Для цитирования:
Васиян Р. И. Вопросы государственного нормативно-правового регулирования правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта в современных условиях развития цифровой экономики // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 83–93. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_83.

Information for citation:
Vasiyan, R. I. (2026) Voprosy gosudarstvennogo normativno-pravovogo regulirovaniya pravosub``ektnosti robototekhniki i sistem iskusstvennogo intellekta v sovremennykh usloviyakh razvitiya tsifrovoi ekonomiki [Issues of State Legal Regulation of the Legal Personality of Robotics and Artificial Intelligence Systems in the Current Conditions of the Digital Economy Development]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 83–93. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_83.

УДК 34.09
BISAC: 001000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_83
Научная статья

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ РОБОТОТЕХНИКИ И СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Р. И. Васиян
АО «Концерн „Уралвагонзавод“»
SPIN-код 4128-3056

Рассматривается вопрос о необходимости определения правового статуса робота; выделены три основные концепции, которые сформировались в настоящее время по поводу правосубъектности роботов. Исследована сложная структура организации робота, сделан вывод, что с учетом информационной, технологической среды в сфере робототехники, а также существующего правового регулирования все структурные элементы (компоненты) – составляющие робота – выступают в качестве объектов вещных прав или объектов интеллектуальных прав, которые принадлежат именно человеку, а не роботу.

Автор полагает возможным рассматривать робота одновременно и как субъекта права, и как объект права и правовых отношений. Отмечается, что в настоящее время роботы признаются объектами гражданских прав. Следовательно, на отношения по поводу роботов распространяются нормы Гражданского кодекса РФ, определяющие правовой режим вещей как объектов гражданских прав.

В процессе исследования автор выделяет основную, на его взгляд, проблему, которая сопряжена с правовой оценкой последствий в случаях возникновения девиантного «поведения» робота и определением ответственных лиц. При трактовке правосубъектности автор обращает внимание на то, что многие виды роботов по

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

техническим свойствам и иным характеристикам подпадают под такое понятие, как «источник повышенной опасности».

По результатам анализа Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники автор формулирует правовые принципы в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, применяя положения методологического характера. В целях построения нормативных регуляторов в сфере робототехники предлагается система правового регулирования отношений в указанной сфере, состоящая из семи уровней.

В заключение автор обобщает информацию и приводит выводы по результатам проведенного исследования, в том числе по вопросу наделения роботов правосубъектностью.

Ключевые слова: *робот, искусственный интеллект, правосубъектность, робототехника, объект права, субъект права*

ISSUES OF STATE LEGAL REGULATION OF THE LEGAL PERSONALITY OF ROBOTICS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN THE CURRENT CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY DEVELOPMENT

Roman I. Vasiyan
Uralvagonzavod Concern Joint Stock Company
SPIN-код 4128-3056

In this article the author examines the issue of the necessity to define the legal status of a robot and identifies three main concepts that have currently emerged regarding the determination of the legal personality of robots. The author explores the complex structure of a robot's organization and concludes that, given the informational and technological environment in the field of robotics, as well as existing legal regulations, all structural elements (components) constituting a robot act, respectively, as objects of proprietary rights or objects of intellectual property rights, which belong to a human being, not to the robot.

The author considers it possible to view a robot simultaneously as both a subject of law and an object of law and legal relations. The author notes that robots currently act as objects of civil rights. Consequently, relations concerning robots are subject to the relevant provisions of the Civil Code of the Russian Federation, which define the legal regime of things as objects of civil rights.

In the course of the research the author identifies what he considers to be the primary issue, which is associated with the legal assessment of consequences in cases where deviant 'behavior' of a robot occurs and the determination of responsible parties. When defining legal personality, the author draws attention to the fact that, due to their technical properties and other characteristics, many types of robots fall under the concept of a 'source of heightened danger'.

Based on an analysis of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Sphere of Artificial Intelligence and Robotics Technologies the author formulates legal principles in the sphere of artificial intelligence and robotics technologies, applying methodological provisions. With the aim of constructing normative regulators in the field of robotics the author proposes a system of legal regulation of relations in this sphere, consisting of seven levels.

In conclusion the author summarizes the information and presents conclusions based on the results of the conducted research, including on the issue of endowing robots with 'legal personality'.

Keywords: *robot, artificial intelligence, legal personality, robotics, object of law, subject of law*

В последнее время в связи с развитием науки и техники, внедрением систем искусственного интеллекта становится все более актуальным вопрос о необходимости определения правового статуса робота: следует ли его наделять правосубъектностью, т. е. признавать субъектом правоотношений, либо распространять на него правовой режим объекта гражданских правоотношений.

Если ранее обсуждалась проблема квалификации действий физического лица в аспекте связанности их с владельцем автомата [Günther, 1892], то в настоящее время основное внимание фокусируется на различных формах проявления правосубъектности искусственного интеллекта и автономных роботов. Так, в немецком правоведении высказано предположение о сверхспособности роботов, превосходящей возможности человека, что, как отмечается, потребует пересмотра устоявшегося в правовых системах положения об антропоцентризме [Erhardt, Mona, 2016: 62–63].

В Европейском союзе предприняты попытки определить статус автономных роботов как специфических «электронных лиц». Так, в Резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» от 16 февраля 2017 г. сформулирована концепция «электронной личности» для автономных роботов, которые могли бы иметь права и обязанности, включая обязательную страховку для покрытия возможного ущерба. Хотя эта инициатива пока не получила воплощения в законе, однако она задала общий фрейм (рамки) для глобальной дискуссии.

В целом к настоящему времени сформировались три основные концепции по поводу определения правосубъектности роботов.

1. Концепция робота как юридического лица: допускает избирательное применение норм гражданского права, регулирующих отношения с участием юридических лиц, к отношениям с «участием» роботов – по аналогии, исходя из того что природа юридических лиц и роботов одинакова; носит искусственный характер, представляет собой не что иное, как фикцию.

2. Концепция «электронного лица» [Ястребов, 2018: 37]: предполагает юридическую конструкцию, в соответствии с которой «электронное лицо» обладает субъективными правами и обязанностями и выступает вовне как комплекс прав и обязанностей, определяющих действия искусственного интеллекта.

3. Концепция ограниченной правосубъектности роботов [Габов, 2018]: допускает правоспособность, дееспособность и деликтоспособность роботов, однако только в установленных законом пределах. Примечательно, что в США, где отсутствует единое федеральное регулирование статуса автономных роботов, а точечные решения принимаются в отдельных штатах, основной акцент делается не на правах роботов, а на вопросах, касающихся ответственности их создателей и операторов.

Отдельные авторы полагают, что в качестве субъектов права следует признавать только роботов-агентов. К гражданским отношениям с участием таких роботов может применяться гражданское законодательство о юридических лицах [Гришин, 2016], т. е. здесь робот-агент идентифицируется как юридическое лицо. Однако это положение не согласуется с другим положением в рамках этого же подхода, когда отмечается, что под владельцем робота-агента следует понимать юридическое лицо и т. д. Получается, что робот-агент является юридическим лицом и это же юридическое лицо выступает объектом права владельца робота – юридического лица. Сама

конструкция юридического лица есть не более, чем юридическая фикция, которая принципиально не может выступать в качестве объекта чьего-либо права.

В литературе есть и противоположная позиция, отражающая иной подход к проблеме правосубъектности роботов, когда правовой режим роботов увязывается с рассмотрением их только в качестве объектов гражданских правоотношений. Так, по мысли С. А. Синицина, «роботы являются не участниками общественных отношений, а исключительно объектами или средствами общественного производства, а значит, их место определяется только положением объекта прав» [Синицын, 2020: 60].

Как представляется, при решении проблемы, связанной с определением правового статуса роботов, необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Прежде всего, нужно исходить из того, что нельзя смешивать такие сущности, как «робот» и «искусственный интеллект», что проявляется в ряде аспектов, в том числе в ситуациях, когда робот и интеллект могут быть непосредственно не взаимосвязаны. Так, О. П. Александров и Г. У. Казахбаева ставят вопрос: «Насколько справедлива связка „робот – интеллект“ и действительно ли интеллектуальность должна быть в числе основных свойств роботов»? Отвечая на него, они констатируют: «По нашему мнению, подавляющее большинство областей применения роботов не требует у них наличия интеллектуальных способностей, так как чаще всего связаны с узкопрофессиональными задачами» [Александров, Казахбаева, 2016: 31].

Действительно, далеко не для всех роботов имеется потребность в наличии в их структуре «интеллектуального» компонента, что отражается и в их конструкции (например, роботы-манипуляторы). В частности, имеется такой тип, как аналоговые роботы с ограниченным набором функций: в их конструкции используются аналоговые компоненты (фоторезисторы, транзисторы, конденсаторы); они не могут получать данных из окружающей среды и самостоятельно принимать решения и используются для решения утилитарных задач. Отсюда следует, что применительно к роботам такого типа вообще снимается проблема определения их правового статуса: они могут выступать только в качестве объектов гражданских прав и соответствующих правоотношений.

Однако структура многих типов современных роботов носит достаточно сложный характер и включает в свой состав ряд взаимодействующих между собой компонентов: корпус – несущая конструкция; манипулятор – управляемый механизм, предназначенный для выполнения двигательных функций при перемещении объектов в пространстве; система управления – комплекс программных и аппаратных средств, обеспечивающих управление и координацию действий робота; датчики – устройства, преобразующие физические параметры окружающей среды в электрические сигналы, которые может интерпретировать система управления робота.

Приведенная структурная организация робота свидетельствует о том, что в ее составе наличествуют:

1) элементы (компоненты), субстрат которых носит материально-вещественный характер (корпус – несущая конструкция, манипулятор, датчики и др.);

2) интеллектуальный элемент (компонент) – программное обеспечение и другие результаты творческой деятельности человека.

Для сферы правового регулирования данная структуризация имеет принципиальное значение: если указанные и другие материально-вещественные элементы (компоненты) могут и в действительности выступают в качестве объектов вещных прав (право собственности – ст. 209 ГК РФ, право хозяйственного ведения имуществом – ст. 294 ГК РФ, право оперативного управления имуществом), из которых, например, право собственности на материальные носители может принадлежать владельцу робота, то иначе обстоит дело с интеллектуальным элементом (ком-

понентом) робота – результатом человеческой творческой (интеллектуальной) деятельности, который, по общему правилу, принадлежит его творцу (человеку), а владелец робота может использовать такой интеллектуальный результат на основе специального разрешения (лицензии), выданного правообладателем на данный интеллектуальный продукт. Аналогично, например, право собственности на материально-вещественную основу робота-автомобиля принадлежит его владельцу (собственнику), что же касается интеллектуальной составляющей – программного обеспечения и др. данного робота-машины, то интеллектуальные права на такие творческие результаты будут принадлежать иным лицам – их разработчикам (творцам), а не владельцу (собственнику) робота.

Таким образом, сегодня информационная, технологическая среда в сфере робототехники, а также существующее правовое регулирование обусловливают вывод о том, что все структурные элементы (компоненты) – составляющие робота – выступают в качестве объектов вещных прав или объектов интеллектуальных прав, которые принадлежат именно человеку, а не роботу – пусть даже и с высокой степенью его автономности.

Вместе с тем ранее в философии [Канке, 2009: 13], а в последнее время и в правоведении актуализируется подход о том, что «в современный период наблюдается существенное изменение субъективно-объективной парадигмы права» [Габов, 2018: 110], ставится вопрос о пределах для появления новых субъектов права, к которым предлагается относить и роботов, правда, в ограниченных рамках. Указанная субъективно-объективная парадигма в праве позиционируется как единство субъективного и объективного аспектов в правовом сознании; человек одновременно объявляется и объектом правового регулирования, и активным, заинтересованным субъектом правовых отношений.

Применительно к сфере правового регулирования отношений, связанных с технологиями робототехники, данная «субъект-объектная» парадигма означает, что робота можно рассматривать одновременно в двух «ипостасях»: и как субъекта права, и как объект права и правовых отношений.

Однако, думается, гипотетически такой феномен робота можно помыслить лишь в будущем, когда интеллектуальные технологии в сфере робототехники будут развиты настолько высоко, что абсолютно автономные роботы будут обладать способностью самостоятельно воспроизводить себя и все составляющие компоненты, в том числе интеллектуальное обеспечение, его развитие и т. д., независимо от человека. Но даже в этом случае, как представляется, контрольные функции в критических ситуациях должны сохраняться за человеком.

В настоящее же время роботы выступают объектами гражданских прав. В соответствии с положениями ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) и другие блага. Следовательно, на отношения по поводу роботов распространяются нормы ГК РФ, определяющие правовой режим вещей как объектов гражданских прав.

Вместе с тем в будущем для автономных роботов нам видится модель электронно-цифрового лица, которое представляет собой совокупность прав и обязанностей вещного и иного характера. При этом всякие права и обязанности связаны с теми или иными объектами; безобъектных прав и обязанностей в правовой действительности не существует. В данном случае в качестве объекта прав и обязанностей такого электронно-цифрового лица будет выступать робот – как сложный имущественный комплекс, охватывающий собой не только вещественные элементы, но и исключительные права на интеллектуальные продукты, созданные самим роботом.

Однако в современных условиях основная проблема, как представляется, заключается не в том, как обозначить (поименовать) статус робота – «юридическое лицо», «электронное лицо», «ограниченная правосубъектность» робота, «субъект-объектная модель» и т. д., а сопряжена с правовой оценкой последствий в случаях возникновения девиантного «поведения» робота и определением ответственных лиц, в качестве которых в настоящее время могут выступать владелец (собственник), эксплуатирующий робота, иное лицо, в пользовании (по договору аренды) которого находился робот, разработчик программного обеспечения и т. д., виновные в причинении вреда.

Вместе с тем нужно учитывать, что многие виды роботов по техническим свойствам и иным характеристикам подпадают под такое понятие, как «источник повышенной опасности» (ст. 1079 ГК РФ), владелец которого несет, по общему правилу, ответственность независимо от его вины, однако с возможностью в последующем «переложения» в установленном порядке такой ответственности на действительно виновное лицо, если при этом сам владелец источника повышенной опасности не виновен в причинении вреда.

Большое значение в законе должно придаваться принципам правового регулирования отношений в сфере робототехники. В упомянутой Резолюции Европарламента (2017 г.), закрепляющей особенности использования роботов, сформулирован ряд принципов, на основе которых должна выстраиваться такая деятельность: «Человек владеет роботами на принципах самостоятельности и справедливости; роботы должны действовать в интересах людей, не должны вредить им; помощь робота должна быть доступна каждому»[1].

Примечательно, что американский писатель-фантаст Айзек Азимов в 40-е гг. прошлого столетия сформулировал три «закона» робототехники:

1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред;

2) робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат «Первому Закону»;

3) робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит «Первому или Второму Законам» [Мельникова, 2021].

В 1985 г. в романе «Роботы и Империя» (англ. «Robots and Empire») названный автор предложил «Нулевой закон»: робот не может причинить вред человеку, если только он не докажет, что в конечном счете это будет полезно для всего человечества [Азимов, 1992: 11–12]. Это крайне спорный и сомнительный вывод автора. Ибо очень сложно (да и возможно ли вообще?) сделать такую мегаоценку – что в конечном счете полезно, а что нет для «всего человечества», и в зависимости от этого решать вопрос о возможности причинения вреда человеку.

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники в подразд. 3 разд. I «Общие положения» предусмотрен ряд принципов, направленных на обеспечение цели и задач, обозначенных в названном документе. С внешней стороны эти принципы обращают на себя внимание по некоторым моментам.

Во-первых, здесь речь идет о единых принципах, которые экстраполируются одновременно на две сферы отношений, связанных с технологиями искусственного интеллекта и робототехники, а эти сферы, как было отмечено выше, не тождественны. Следовательно, с методологической точки зрения вряд ли можно признать достаточно обоснованным формулирование единых принципов, которые предназна-

[1] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 25.03.2026).

чены для регулирования социальных сфер хотя и взаимно близких, однако различающихся по ряду особенностей.

Во-вторых, небесспорным представляется принцип, сформулированный как «запрет на причинение вреда человеку по инициативе систем искусственного интеллекта и робототехники (по общему правилу, следует ограничивать разработку, оборот и применение систем искусственного интеллекта и робототехники, способных по своей инициативе целенаправленно причинять вред человеку)». Исходя из применения формальной логики к данному принципу получается, что если вред причинен человеку не по «инициативе» системы искусственного интеллекта или робота, а, скажем, по вине человека, использующего искусственный интеллект или робота, то такое причинение вреда допустимо, что, конечно же, неверно.

Далее, крайне спорной представляется и та часть рассматриваемого принципа, в соответствии с которой «по общему правилу, следует ограничивать разработку, оборот и применение систем искусственного интеллекта и робототехники, способных по своей инициативе целенаправленно причинять вред человеку». Думается, создание, оборот, а также использование искусственного интеллекта или робота, способных «по своей инициативе и целенаправленно» причинять вред человеку, должно быть запрещено, а не ограничиваться применением «полумер».

При формулировании правовых принципов в указанной сфере представляется необходимым обратить внимание на некоторые положения методологического характера.

1. Вести речь следует не о принципах «пользования» роботами, как это делается в отдельных документах, а о принципах, регулирующих более широкую сферу – отношения, связанные с разработкой, внедрением, оборотом, использованием роботов и т. д., что в целом можно обозначить как сферу робототехники.

2. Система таких принципов должна отражать не только технические аспекты, но и социальные, морально-этические стороны в сфере робототехники, что является принципиально важным.

3. Должна обеспечиваться корреляционная взаимосвязь правовых принципов в сфере робототехники с соответствующими правовыми принципами, регулирующими отношения, связанные с искусственным интеллектом.

4. Рассматриваемые принципы должны базироваться на положениях законодательства и отражать основные (сущностные) особенности регулирования отношений в сфере робототехники.

5. Развитие правового регулирования отношений в сфере современных технологий робототехники должно опираться на сотрудничество и взаимодействие с компетентными органами и организациями из дружественных стран.

С учетом отмеченного можно выделить ряд принципов в указанной сфере:

1) обеспечение безопасности технологий роботов: при обычных условиях и соблюдении требований к их эксплуатации они не должны причинять вред жизни и здоровью человека, окружающей среде;

2) стимулирование развития технологий робототехники посредством использования экономических, финансовых, правовых, организационных и других средств, регулирующих в единстве и взаимосвязи все элементы системы взаимоотношений субъектов в сфере робототехники, начиная с научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, внедрения их результатов и т. д. до использования роботов в реальном секторе экономики;

3) обеспечение баланса интересов всех участников системы взаимоотношений в сфере робототехники: разработчиков, производителей, пользователей и других лиц – с определением границ их ответственности за возможное наступление негативных последствий, связанных с использованием технологий робототехники;

4) равный доступ всех субъектов экономической деятельности в сфере робототехники к необходимой информации из государственных и муниципальных информационных фондов в целях разработки систем робототехники;

5) риск-ориентированный подход к регулированию отношений в сфере робототехники, предполагающий разработку индикаторов риска и сообразных с ними ограничительных норм, которые подлежат применению, когда использование технологий робототехники сопряжено с повышенным риском причинения вреда жизни, здоровью людей, окружающей среде, а также интересам общества и государства;

6) обеспечение технологического суверенитета и экономической безопасности России в сфере робототехники с учетом установок национальных проектов и программ, а также политико-директивных документов в области развития информационных технологий и цифровых преобразований;

7) нахождение в основе системы правового регулирования отношений в сфере робототехники морально-этических и нравственных начал с приоритетным обеспечением среди поставленных целей и задач благополучия и безопасности человека, защиты его конституционных прав и свобод; запретом умышленного причинения вреда человеку по «инициативе» систем робототехники; подконтрольностью человеку функций роботов сообразно степени их автономности;

8) взаимодействие с международными организациями в сфере роботостроения, а также сотрудничество с национальными органами и организациями дружественных государств.

Исходное значение для целей формирования системы нормативно-правового регулирования отношений в сфере робототехники имеют положения, касающиеся в целом построения данной регулятивной системы.

Прежде всего построение нормативных регуляторов в сфере робототехники может быть представлено в виде комплексного нормативного массива, центральное место в котором должны занимать нормы Федерального закона «Об основах правового регулирования отношений в сфере робототехники». На базе этого закона как основополагающего акта должно выстраиваться все последующее законодательство в данной сфере. При этом важно устранить имеющиеся бюрократические нормативно-правовые препятствия, мешающие развитию технологий робототехнических систем, а также не допустить чрезмерной регламентации, «зарегулированности» отношений в указанной сфере.

Характер, виды норм, их структурное построение и т. д. в рамках названного нормативного массива обусловлены рядом особенностей сферы технологий робототехники. Одна из таких особенностей заключается в том, что большинство робототехнических систем, даже с высокой степенью автономности их функций, не способны воспринимать морально-этические положения, а могут реагировать на определенные действия и операции технического и иного характера, что обусловливает технико-юридический характер соответствующей части норм среди нормативных правовых регуляторов отношений в сфере технологий робототехники. С этим обстоятельством связан и другой момент: поскольку в основе технологий робототехники лежат закономерности информационно-технического, математического, физического, кибернетического и иного естественно-научного характера, которые объективно не могут быть подвержены правовому регулированию, то в качестве предмета правового регулирования здесь выступают не сами по себе указанные технологии (технологии как таковые), а отношения, складывающиеся по их разработке, определению правового режима таких объектов, регулированию их оборота, использования в практической деятельности и т. д. между различными субъектами экономических отношений.

В целом систему правового регулирования отношений в сфере робототехники можно представить в следующем виде.

Первый уровень – это программно-политический документ концептуального характера, отражающий значение и место института робототехники в системе экономики, специфику робототехнической среды, обусловливающей сущностные особенности законодательства в указанной сфере, перспективы его развития и т. д. В принципиальном плане такой документ в России разработан – Концепция развития регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, которая в настоящее время, как представляется, нуждается в ряде поправок и дополнений, в том числе учитывающих: основные современные мировые тенденции в развитии систем робототехники, новейший к настоящему времени научно-технологический уровень, достигнутый в сфере робототехники; баланс интересов всех участников правоотношений в сфере робототехники; необходимость формирования в России органа, обладающего специальной компетенцией, – Федерального агентства по робототехнике и т. д.

Второй уровень непосредственно связан с формированием нормативных установлений, составляющих содержание предложенного в настоящей статье законопроекта – проекта федерального закона «Об основах правового регулирования отношений в сфере робототехники», который мог бы выступать в качестве базового, центрообразующего законодательного «ядра» в системе законодательства в сфере робототехники. Причем разработка и принятие такого федерального закона не сопряжена с коренной «ломкой» действующей системы российского законодательства; потребовалось бы лишь внесение ряда поправок в отдельные кодифицированные акты: Гражданский кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Налоговый кодекс РФ и некоторые другие законодательные акты.

Третий уровень должны занимать указы Президента РФ и постановления Правительства РФ – нормативные правовые акты, направленные главным образом на решение задач оперативного характера, возникающих при осуществлении правового регулирования отношений в сфере робототехники, в частности связанные с обеспечением своевременного финансирования инновационных проектов, имеющих ключевое значение для экономики Российской Федерации, решением организационных вопросов в указанной сфере и т. д.

Четвертый уровень отводится ведомственным нормативным правовым актам – актам федеральных министерств (ведомств, агентств, служб и т. д.), в которых должны учитываться существенные особенности, характерные для соответствующей отрасли (сектора) экономики, требующие правового регулирования.

Пятый уровень относится к правовому регулированию отношений в сфере робототехники с использованием законодательства субъектов Российской Федерации. Исходя из положений, закрепленных в ст. 71 и 72 Конституции РФ, необходимо четко определить вопросы в области систем робототехники, относящиеся к юрисдикции субъектов РФ, а также составляющие предмет компетенции Российской Федерации, и, кроме того, вопросы, составляющие предмет совместной компетенции РФ и ее субъектов.

Шестой уровень касается нормативных установлений, связанных с робототехникой, формирование которых относится к компетенции муниципальных образований, органов местного самоуправления.

Седьмой уровень – установление правил, требований, относящихся к компетенции саморегулируемых организаций: создание кодексов (сводов) этических правил поведения при разработке, внедрении и использовании технологий робототехники.

В порядке краткого резюме можно сделать следующие выводы.

1. Основной целью правового регулирования отношений в сфере робототехники являются стимулирование развития технологий робототехники посредством использования комплекса экономико-правовых, финансово-правовых, налоговых и иных средств; обеспечение безопасности использования роботов, баланса интересов всех участников отношений, связанных с созданием роботов, их оборотом, использованием; охрана и защита прав и законных интересов граждан.

2. Содержание законодательства в указанной сфере составляет комплексный нормативный массив, включающий в свой состав наряду с нормативными установлениями аналогового права специфические технико-юридические нормы, регулирующие различные отношения в области технологий робототехники, а также связанные с ними конкретные действия и операции технического характера.

3. Правовое урегулирование в сфере робототехники видится как комплексное, в своей основе единое и взаимосвязанное упорядочение общественных отношений, складывающихся по поводу научно-исследовательских, опытно-конструкторских, внедренческих работ в области роботостроения, использования роботов, обеспечения их безопасности и т. д.

4. Роботы являются объектами предпринимательских и гражданских правоотношений. Что касается наделения их таким «качественным» свойством, как правосубъектность, то данная проблема должна решаться не оперативным образом, а путем накопления и использования отечественного и зарубежного опыта в этой области, в том числе посредством применения экспериментальных правовых режимов в различных форматах практической деятельности.

Библиографический список

Erhardt J., Mona M. Rechtsperson Roboter – Philosophische Grundlagen Für den rechtlichen Umgang mit künstlicher Intelligenz // Intelligente Agenten und das Recht / hrsg. S. Gless, K. Seelmann. – Baden-Baden: Nomos, 2016. – S. 62–63.

Günther F. Automaterecht. – Berlin: Kästner, 1892. – 43 p.

Азимов А. Роботы и Империя / пер. с англ. А. Абдураимова, О. Максименко; худ. Г. Ябкевич. – Петергоф: Петербург, 1992. – 352 с.

Александров О. П., Казахбаева Г. У. Роботы и искусственный интеллект // Наука, техника и образование. – 2016. – № 12 (30). – С. 31–33.

Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2. – С. 105–121.

Гришин Д. С. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» // RoboTrends. URL: https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov?ysclid=mfju2oemuu790183864 (дата обращения: 25.03.2026).

Канке В. А. Общая философия науки: учеб. – М.: Омега-Л, 2009. – 354 с.

Мельникова Ю. 4 закона робототехники: как законодательно регулируется деятельность роботов в России. URL: https://dzen.ru/a/X_1T767vPHgpea9r?ysclid=mfa0drp4yp467680608 (дата обращения: 25.03.2026).

Синицын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: науч.-практ. пособие / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Инфотропик Медиа, 2020. – 212 с.

Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 36–55.

References

Aleksandrov, O. P. & Kazakhbaeva, G. U. (2016) Roboty i iskusstvennyi intellect [Robots and artificial intelligence]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie,* (12:30), 31–33.

Asimov, I. (1992) *Roboty i Imperiya* [Robot and Empire]. Peterhof, Peterburg, 352.

Erhardt, J. & Mona, M. (2016) Rechtsperson Roboter – Philosophische Grundlagen Für den rechtlichen Umgang mit künstlicher Intelligenz. Gless S., Seelmann K. (hrsg.) *Intelligente Agenten und das Recht*. Baden-Baden, Nomos, 61–96.

Gabov, A. V. (2018) Pravosub``ektnost`: traditsionnaya kategoriya prava v sovremennuyu epokhu [Legal personality: traditional category of law in the modern era]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii,* (2), 105–121.

Grishin, D. S. (2016) Proekt Federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenii v Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya otnoshenii v oblasti robototekhniki» [Draft Federal Law 'On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation to Improve the Legal Regulation of Relations in the Field of Robotics']. *RoboTrends,* available at: https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov?ysclid=mfju2oemuu790183864 (accessed: 25.03.2026).

Günther, F. (1892) *Automaterecht*. Berlin, Kästner, 43.

Kanke, V. A. (2009) *Obshchaya filosofiya nauki* [General philosophy of science]: textbook. Moscow, Omega-L, 354.

Mel'nikova, Yu. (2021) *4 zakona robototekhniki: kak zakonodatel`no reguliruetsya deyatel`nost` robotov v Rossii* [4 Laws of Robotics: How Robots Are Legally Regulated in Russia], available at: https://dzen.ru/a/X_1T767vPHgpea9r?ysclid=mfa0drp4yp467680608 (accessed: 25.03.2026).

Sinitsyn, S. A. (2020) *Rossiiskoe i zarubezhnoe grazhdanskoe pravo v usloviyakh robotizatsii i tsifrovizatsii. Opyt mezhdistsiplinarnogo i otraslevogo issledovaniya* [Legal Personality of an Electronic Entity: Theoretical and Methodological Approaches]: scientific and practical guide. Moscow, Infotropik Media, 212.

Yastrebov, O. A. (2018) Pravosub``ektnost` elektronnogo litsa: teoretiko-metodologicheskie podkhody [The legal capacity of electronic persons: theoretical and methodological approaches]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN,* 13 (2), 36–55.

Информация об авторе

Роман Иванович Васиян – заместитель генерального директора по правовому обеспечению и корпоративному управлению АО «Концерн „Уралвагонзавод“» (e-mail: R_Vasiyan@mail.ru).

Information about the author

Roman I. Vasiyan – Deputy General Director for Legal Support and Corporate Management of Uralvagonzavod Concern Joint Stock Company (e-mail: R_Vasiyan@mail.ru).

© Р. И. Васиян, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 29.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 30.03.2026

Для цитирования:
Бажина М. А. Интеллектуальные транспортные системы: правовые вызовы // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 94–102. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_94.

Information for citation:
Bazhina, M. A. (2026) Intellektual`nye transportnye sistemy: pravovye vyzovy [Intelligent Transportation Systems: Legal Challenges]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 94–102. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_94.

УДК 34.06
BISAC: 117000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_94
Научная статья

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СИСТЕМЫ: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

М. А. Бажина
Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-1237-0052

Статья посвящена одной из наиболее актуальных тем, связанных с правовым регулированием транспортно-логистической деятельности, а именно интеллектуальным транспортным системам. В настоящее время особенности в трактовке сущности самого понятия «интеллектуальные транспортные системы» предопределяют источники правового регулирования ИТС. Кроме того, происходит становление законодательства, регулирующего различные связи: «транспортное средство – все» (vehicle-to-everything, V2X), «транспортное средство – транспортное средство» (vehicle-to-vehicle, V2V), «транспортное средство – инфраструктура» (vehicle-to-infrastructure, V2I), «транспортное средство – облачное хранилище» (vehicle-to-cloud, V2C), «транспортное средство – пешеход» (vehicle-to-pedestrian, V2P), «транспортное средство – сеть» (vehicle-to-network, V2N), «инфраструктура – инфраструктура» (infrastructure-to-infrastructure, I2I). В статье делаются предложения по основным направлениям формирования законодательства, регулирующего транспортно-логистическую деятельность.

Ключевые слова: *интеллектуальные транспортные системы, беспилотные авиационные системы, безопасность, стандарты, кооперативные интеллектуальные транспортные системы*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

INTELLIGENT TRANSPORTATION SYSTEMS: LEGAL CHALLENGES

Mariya A. Bazhina
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0003-1237-0052

The article is devoted to one of the most pressing topics related to the legal regulation of transport and logistics activities – intelligent transport systems. Currently there are peculiarities in defining the essence of the concept of 'intelligent transport systems', which predetermine the sources of legal regulation of ITS. In addition legislation is currently being formed related to the regulation of various relationships: vehicle-to-everything (V2X), vehicle-to-vehicle (V2V), vehicle-to-infrastructure (V2I), vehicle-to-cloud (V2C), vehicle-to-pedestrian (V2P), vehicle-to-network (V2N), infrastructure-to-infrastructure (I2I). In this regard the article makes proposals for the main areas of development of current legislation related to the legal regulation of transport and logistics activities.

Keywords: *intelligent transport systems, unmanned aerial systems, safety, standards, cooperative intelligent transport systems*

Введение

В настоящее время такие аббревиатуры, как ИТС (интеллектуальные транспортные системы), БАС (беспилотные авиационные системы), ВАТС (высокоавтоматизированные транспортные средства) и т. д., привычны не только для представителей профессий технической направленности, но и для юристов. Связано это с тем, что внедрение данных систем, а также их элементов возможно только при разработке соответствующего нормативно-правового регулирования, которое должно определять, во-первых, сущностную составляющую данных явлений (речь идет о выстраивании понятийного аппарата, применяемого в этой сфере [Бажина, 2022]), во-вторых, единые стандарты, содержащие правила обращения отдельных элементов ИТС и всей системы в совокупности, в-третьих, механизм обеспечения безопасности их применения, в-четвертых, пределы контроля и надзора государственных органов для обеспечения оптимизации транспортных потоков, сокращения выбросов и повышения безопасности движения, что отвечает международным стратегиям развития[1] в современном мире [Cordoș, et al., 2025].

Особую значимость рассматриваемая проблематика приобретает в условиях реализации документов стратегического планирования, в которых цифровая трансформация и развитие транспортной инфраструктуры отнесены к числу приоритетных направлений государственной политики. Цифровая трансформация транспортной отрасли рассматривается государством не только как инструмент повышения

[1] Intelligent Transport Systems (ITS) for sustainable mobility // URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-07/Intelligent_Transport_Systems_for_Sustainable_Mobility.PDF (дата обращения: 01.04.2026); Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и план мероприятий по ее реализации (утв. распоряжением Правительства РФ от 21 июня 2023 г. № 1630-р); Стратегическое направление в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 19 декабря 2025 г. № 3887-р); Стратегическое направление в области цифровой трансформации транспортной отрасли РФ до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 3 ноября 2023 г. № 3097-р); Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р).

эффективности и качества транспортно-логистических услуг, но и как элемент обеспечения национальной безопасности, технологического суверенитета и устойчивости критической информационной инфраструктуры. В условиях внешнеполитических ограничений и санкционного давления данные аспекты приобретают дополнительное значение, что усиливает роль публично-правового регулирования в обозначенной сфере.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть особенности правового регулирования применения ИТС не только в России, но и в других странах и выделить существующие правовые вызовы.

В качестве основополагающих в настоящем исследовании следует назвать методы анализа, обобщения и сравнительно-правовой. Сравнительно-правовой метод является крайне актуальным при изучении вопросов правового регулирования цифровизации транспортно-логистической отрасли. Это связано с несколькими аспектами. Во-первых, транспортная сфера выступает кровеносной системой не только одного отдельно взятого государства, но всего международного пространства, так как обеспечивает международный обмен товарами. Представляется необходимым создание гармоничного и эффективного правового регулирования данной сферы [Анодина, 2000]. Во-вторых, обращение к иностранному опыту видится значимым в связи с тем, что национальное нормативно-правовое регулирование находится на стадии становления. Адаптирование лучших международных правовых практик к условиям конкретного государства видится не простым заимствованием, а способом полноценного развития нормативно-правового базиса [Ланцов, 2013].

Основная часть

1. Правовое регулирование интеллектуальных транспортных систем. В настоящее время нет единого подхода в отношении того, что понимается под интеллектуальной транспортной системой[2]. В Дорожной карте ЕЭК ООН по интеллектуальным транспортным системам на 2021–2025 годы, изданной Европейской экономической комиссией ООН в декабре 2020 г.[3], интеллектуальная транспортная система понимается как система транспорта, т. е. система внутреннего транспорта, к которой в целях мобильности применяются информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ).

В Преамбуле Директивы Европейского Парламента и Совета № 2010/40/ЕС от 7 июля 2010 г. «О рамках развертывания интеллектуальных транспортных систем в области автомобильного транспорта и для интерфейсов с другими видами транспорта»[4] (далее – Директива ЕС 2010 г.) интеллектуальные транспортные системы рассматриваются как совокупность приложений или технологий. Данные приложения направлены на обеспечение предоставления инновационных услуг, связанных с различными видами транспорта. С их помощью различные пользователи могут получать более полную информацию о состоянии транспортных сетей. Тем самым использование транспортных сетей становится более безопасным, скоординированным и «разумным».

В законодательстве Канады интеллектуальная транспортная система определяется как передовая и новейшая технология (в том числе с использованием компью-

[2] URL: https://www.jsae.or.jp/01info/org/its/its_2019_en.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

[3] Проект пересмотренной «дорожной карты» ЕЭК ООН по интеллектуальным транспортным системам // ЕЭК ООН. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-01/ECE-TRANS-2021-15r.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

[4] URL: https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-resilient-energy-union-with-a-climate-change-policy/file-electronic-freight-transport-information (дата обращения: 20.06.2025).

теров, датчиков, систем управления, связи и электронных устройств) на транспорте для спасения жизней, экономии времени, денег, сохранения энергии и окружающей среды[5].

В п. 3.1.2.4 Стандартов Международной организации по стандартизации ISO/TS14812:2022 «Intelligent transport systems – Vocabulary» дефиниция интеллектуальных транспортных систем дается через перечисление составляющих их элементов. К таковым относятся различного рода технологии: информационные, коммуникационные, сенсорные, контрольные технологии, предназначенные для использования в интересах наземной транспортной системы.

Ассоциация Atec ITS Франции, которая объединяет игроков сектора наземного транспорта, указывает, что ИТС – это результат соединения информационных и коммуникационных технологий с транспортными средствами и сетями, обеспечивающими мобильность людей и грузов[6]. Тем самым ИТС рассматривается как возможность управления внешними факторами (например, шумом, загрязнением, пробками и т. д.), повышения комфорта и безопасности передвижения товаров, людей, оптимизации государственной политики и управления инфраструктурой.

В российском правовом подходе сложилось понимание интеллектуальной транспортной системы как системы управления транспортным комплексом. В ГОСТ Р 56829-2015 «Национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальные транспортные системы. Термины и определения» ИТС трактуется как «система управления, интегрирующая современные информационные и телематические технологии и предназначенная для автоматизированного поиска и принятия к реализации максимально эффективных сценариев управления транспортно-дорожным комплексом региона, конкретным транспортным средством или группой транспортных средств с целью обеспечения заданной мобильности населения, максимизации показателей использования дорожной сети, повышения безопасности и эффективности транспортного процесса, комфортности для водителей и пользователей транспорта».

Данное понятие полностью повторяется в нескольких нормативных правовых актах: в Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования (утв. распоряжением Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р), а также в Концепции создания и функционирования национальной сети интеллектуальных транспортных систем на автомобильных дорогах общего пользования (утв. распоряжением Минтранса России от 30 сентября 2022 г. № АК-247-р).

В научной литературе выделяются разные подходы к определению сущности интеллектуальных транспортных систем. Так, И. З. Аюшеева рассматривает интеллектуальные транспортные системы в качестве платформы «для обеспечения коммуникации и взаимосвязи всех пользователей транспортных средств, владельцев транспортной инфраструктуры, а также органов и организаций, наделенных полномочиями в сфере управления транспортной отраслью» [Аюшеева, 2024: 80]. Использование такого подхода в определении ИТС представляется крайне узким. Связано это с тем, что интеллектуальные транспортные системы – это совокупность технологий, разработанных для повышения устойчивости, безопасности и эффективности транспортных сетей. Для улучшения пользовательского опыта и оптими-

[5] ITS Canada. URL: https://www.itscanada.ca/about/ (дата обращения: 20.01.2026).

[6] Systēme de transport intelligent et mobilite 3.0: definition, enjeux et acteurs // URL: https://www.ifpenergiesnouvelles.fr/sites/ifpen.fr/files/inline-images/NEWSROOM/Regards%20%C3%A9conomiques/Etudes%20%C3%A9conomiques/Panorama%202018/07-Panorama-2018_VF_Mobilite_3.0.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

зации управления дорожным движением эти системы интегрируют как программные, так и аппаратные модули [Henke, et al., 2021]. Они включают в себя:

датчики, камеры, которые в зависимости от состояния дорог, движения транспортных средств и транспортных потоков собирают данные в режиме реального времени, интеллектуальные светофоры с технологией GPS, снижающие заторы и управляющие динамическим движением;

устройства IoT для транспорта, включающие в себя дорожные устройства, датчики, камеры обнаружения и устройства управления светофорами;

системы обнаружения транспортных средств, предназначенные для отслеживания транспортных средств в критических зонах с использованием таких технологий, как электронные маяки, автоматическое распознавание номерных знаков и обнаружение магнитных сигнатур (например, на перекрестках и контрольно-пропускных пунктах);

программное обеспечение ИТС, обрабатывающее и анализирующее данные, собранные аппаратными компонентами, обеспечивая принятие решений в режиме реального времени и эффективное управление дорожным движением, что позволяет контролировать транспортные потоки, оптимизировать маршруты и снижать воздействие на окружающую среду (обеспечение связи «транспортное средство – все» (V2X));

платформы, обеспечивающие анализ данных: обрабатывая и интерпретируя данные, собранные с транспортных средств, платформы анализа данных улучшают транспортные потоки, повышают безопасность и снижают воздействие на окружающую среду[7];

карты высокого разрешения (HD), предоставляющие точные и актуальные геопространственные данные, являющиеся еще одной важной частью ИТС. Они необходимы для автономного вождения, управления дорожным движением и связи «транспортное средство – все» (V2X). В настоящее время в Европе используется ряд приложений, включая «HERE HD Live Map» и платформу «HD Map» от «TomTom», для облегчения процессов локализации и принятия решений для автономных транспортных средств. По сравнению с традиционными картами, карты HD обеспечивают точность до сантиметра при определении геометрии дороги, дорожных знаков, разметки полос и статических объектов [Skopeliti, et al., 2024]. Для поддержки автономных систем 4–5-го уровней [Бажина, 2025] и сложных подходов к управлению дорожным движением все большее значение приобретает интеграция HD-карт в инфраструктуру интеллектуальных транспортных систем.

Исходя из анализа работы ИТС, можно сделать вывод, что аппаратные и программные компоненты ИТС взаимодействуют друг с другом, создавая целостную систему, направленную на улучшение мобильности в городах. Представляется, что интеллектуальная транспортная система – это в большей степени интеграция управления, информационных и коммуникационных технологий с транспортной инфраструктурой. С точки зрения правового регулирования не совсем корректно рассматривать интеллектуальную транспортную систему как цифровую платформу и регулировать применение ИТС теми нормативными правовыми актами, которые посвящены цифровым платформам. Так, Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Рос-

[7] Здесь следует отметить, что в настоящее время в России развивается применение платформы ГосЛог, которая также должна включаться в качестве компонента ИТС для создания единой системы. Однако правовое регулирование данной платформы выстраивается пока самостоятельно, согласно существующим документам, регулирующим применение ИТС, на нормативном уровне она не рассматривается в качестве соответствующего компонента.

сийской Федерации», предметом регулирования которого является непосредственное взаимодействие между операторами посреднических цифровых платформ и иных лиц, может применяться к регулированию ИТС лишь в той части, в которой он касается одного из компонентов ИТС, а именно цифровых платформ (например, маркетплейс «РЖД Маркет»[8]). ИТС – более комплексное явление, соответственно, цифровые платформы выступают лишь одним из компонентов наряду с иными.

Указанный выше вывод требует дополнительных пояснений.

Во-первых, представленная система компонентов ИТС характерна только для развития ИТС для дорожного движения. Она не включает в себя иные виды транспорта, что необходимо при осуществлении смешанных перевозок. Такая интеграция должна быть обеспечена не только с технической точки зрения, но и с нормативной.

Во-вторых, названные компоненты касаются именно обеспечения взаимодействия транспортных средств между собой и с инфраструктурой (речь идет о создании кооперативных ИТС). При этом транспортно-логистическая деятельность, основу которой составляет перевозочный процесс, не может осуществляться без соответствующего документооборота. С этой точки зрения представляется, что к компонентам ИТС должна относиться также система электронного документооборота, сопровождающая перевозочный процесс. Такое включение необходимо для достижения прозрачности и эффективности перевозок, что является одной из задач, указанных в Транспортной стратегии РФ.

2. Интеллектуальные транспортные системы – основа взаимодействия транспортных средств и инфраструктуры. Развитие таких связей, как «транспортное средство – все» (vehicle-to-everything, V2X), «транспортное средство – транспортное средство» (vehicle-to-vehicle, V2V), «транспортное средство – инфраструктура» (vehicle-to-infrastructure, V2I), «транспортное средство – облачное хранилище» (vehicle-to-cloud, V2C), «транспортное средство – пешеход» (vehicle-to-pedestrian, V2P), «транспортное средство – сеть» (vehicle-to-network, V2N), «инфраструктура – инфраструктура» (infrastructure-to-infrastructure, I2I), предполагает обращение к понятию «C-ITS» – «cooperative intelligent transport systems» («кооперативные интеллектуальные транспортные системы»). В соответствии с Директивой ЕС 2023/2661[9], которой утверждены поправки в Директиву ЕС 2010 г., под «кооперативными интеллектуальными транспортными системами» понимаются интеллектуальные транспортные системы, позволяющие пользователям ИТС взаимодействовать и сотрудничать путем обмена защищенными и доверенными сообщениями без предварительного знания друг друга и без дискриминации. В ПНСТ 460-2020 «Интеллектуальные транспортные системы. Кооперативные интеллектуальные транспортные системы. Часть 1. Роли и ответственность в контексте архитектуры кооперативных интеллектуальных транспортных систем» дано также понятие «кооперативные интеллектуальные транспортные системы» (КИТС). Под ними понимается подмножество общих интеллектуальных транспортных систем, которое передает и обменивается информацией между станциями интеллектуальных транспортных систем для предоставления, обмена или получения данных и рекомендаций или оказания услуг с целью повышения безопасности, устойчивости, эффективности и комфорта за рамками автономных систем.

Исходя из анализа данных определений, можно сделать вывод, что современные транспортные средства должны напрямую взаимодействовать друг с другом и с до-

[8] URL: https://market.rzd.ru (дата обращения: 25.02.2026).

[9] Directive (EU) 2023/2661 of the European Parliament and of the Council of 22 November 2023 amending Directive 2010/40/EU on the framework for the deployment of Intelligent Transport Systems in the field of road transport and for interfaces with other modes of transport.

рожной инфраструктурой. Такое взаимодействие является областью применения кооперативных интеллектуальных транспортных систем (КИТС), которые позволят участникам дорожного движения и организаторам перевозок обмениваться информацией и использовать ее для координации своих действий. Этот элемент сотрудничества, обеспечиваемый цифровой связью между транспортными средствами, а также между транспортными средствами и транспортной инфраструктурой, значительно повышает безопасность дорожного движения, эффективность движения и комфорт вождения, помогая водителю принимать правильные решения и адаптироваться к дорожной ситуации.

Развитие КИТС предполагает большую уязвимость транспортной системы от хакерских атак и кибератак. Поэтому кибербезопасность коммуникаций C-ITS имеет решающее значение и требует выработки соответствующего правового регулирования не только на национальном уровне, но и на международном. Последний аспект представляется наиболее значимым для исключения фрагментарности положений в области безопасности, что необходимо для обеспечения совместимости и безопасности конечных пользователей.

Так, Европейской комиссией в 2017 г. была принята Рамочная политика безопасности и управления для развертывания и эксплуатации европейских кооперативных интеллектуальных транспортных систем (C-ITS)[10], в соответствии с которой предложена общеевропейская система безопасности на основе технологии инфраструктуры открытых ключей для транспортных средств и элементов общественной инфраструктуры, включая процесс оценки соответствия, необходимо вовлечение всех заинтересованных сторон. В документе указывается на ключевую задачу по созданию необходимой системы управления на уровне ЕС, на национальном и отраслевом уровнях с участием всех основных заинтересованных сторон, в том числе государственных органов (например, министерства транспорта и ответственных национальных ассоциаций безопасности), операторов дорожного движения, производителей транспортных средств, поставщиков услуг C-ITS и операторов. В акте представлена основа соответствующей структуры взаимодействия на различных уровнях.

Согласно руководству по архитектуре для кооперативных и интеллектуальных транспортных систем (ARC-IT)[11] Министерства транспорта США (USDOT) криптографическая безопасность является основополагающим требованием для всех приложений интеллектуальных транспортных систем для обеспечения надежной передачи данных между транспортными средствами, придорожными блоками (RSU) и узлами инфраструктуры.

Таким образом, основополагающим для внедрения и применения кооперативных интеллектуальных транспортных систем выступает обеспечение безопасности при взаимосвязи устройств. Поэтому разработка технического регулирования должна быть направлена на определение правил всех видов взаимодействия, указанных выше, не на основе добровольного исполнения, а на основе принципа общеобязательности.

Выводы

Проведенное исследование – основа для дальнейшей разработки предложений по совершенствованию транспортного законодательства в сфере правового регули-

[10] Security Policy & Governance Framework for Deployment and Operation of European Cooperative Intelligent Transport Systems (C-ITS) // URL: https://cpoc.jrc.ec.europa.eu/data/documents/c-its_security_policy_release_1.pdf (дата обращения: 22.01.2026).

[11] URL: https://www.arc-it.net (дата обращения: 25.02.2026).

рования интеллектуальных транспортных систем. В качестве основных выводов можно указать следующие.

1. Разработка правового регулирования интеллектуальных транспортных систем должна основываться на принципе интеграции правового регулирования по видам транспорта, а также на межнациональном уровне.

2. Общеобязательность технических требований должна быть основой для определения правил работы кооперативных интеллектуальных транспортных систем.

Библиографический список

A Comprehensive Survey on High-Definition Map Generation and Maintenance / A. Skopeliti [et al.] // ISPRS Int. J. Geo-Inf. – 2024. – 13(7):232.

A Smart Road Application: The A2 Mediterranean Highway Project in Italy / I. Henke [et al.] // Lect. Notes Netw. Syst. – 2021. – 227. – P. 690–700.

An Overview of Intelligent Transportation Systems in Europe / N. Cordoș [et al.] // World Electric Vehicle Journal. – 2025. – 16(7):387. – URL: https://www.mdpi.com/2032-6653/16/7/387 (дата обращения: 01.04.2026).

Анодина Т. Авиационная дипломатия // Международная жизнь. – 2000. – № 12. – С. 26–30.

Аюшеева И. З. Интеллектуальные транспортные системы: проблемы определения гражданско-правового режима // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – № 11. – С. 78–87.

Бажина М. А. De lega ferende система понятийного аппарата транспортного права // Транспортное право. – 2022. – № 4. – С. 34–39.

Бажина М. А. Интеллектуальные транспортные системы в транспортной деятельности: проблемы правового регулирования: моногр. – М.: Проспект, 2025. – 112 с.

Ланцов С. А. Теоретические концепции международной интеграции и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2013. – Вып. 2. – С. 65–74.

References

Anodina, T. (2000) Aviatsionnaya diplomatiya [Aviation diplomacy]. *Mezhdunarodnaya zhizn `*, (12), 26–30.

Ayusheeva, I. Z. (2024) Intellektual`nye transportnye sistemy: problemy opredeleniya grazhdansko-pravovogo rezhima [Intelligent Transport Systems: Problems of Defining the Civil Law Regime]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, (11), 78–87.

Bazhina, M. A. (2022) De lega ferende sistema ponyatiinogo apparata transportnogo prava [De lege ferenda system of the conceptual framework of transport law]. *Transportnoe pravo*, (4), 34–39.

Bazhina, M. A. (2025) *Intellektual`nye transportnye sistemy v transportnoi deyatel`nosti: problemy pravovogo regulirovaniya* [Intelligent Transport Systems in Transport Activities: Legal Regulation Issues]: monography. Moscow, Prospekt, 112.

Cordoș, N., et al. (2025) An Overview of Intelligent Transportation Systems in Europe. *World Electric Vehicle Journal*, (16:7:387), available at: https://www.mdpi.com/2032-6653/16/7/387 (accessed: 01.04.2026).

Henke, I., et al. (2021) A Smart Road Application: The A2 Mediterranean Highway Project in Italy. *Lect. Notes Netw. Syst*., (227), 690–700.

Lantsov, S. A. (2013) Teoreticheskie kontseptsii mezhdunarodnoi integratsii i perspektivy integratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve [Theoretical Concepts of

International Integration and Prospects for Integration Processes in the Post-Soviet Space]. *Vestnik SPbGU. Ser. 6*, (2), 65–74

Skopeliti, A., et al. (2024) A Comprehensive Survey on High-Definition Map Generation and Maintenance. *ISPRS Int. J. Geo-Inf.*, 13(7):232.

Информация об авторе

Мария Анатольевна Бажина – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права имени В. С. Якушева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: mashsol@mail.ru).

Information about the author

Maria A. Bazhina – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Business Law named after V. S. Yakushev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: mashsol@mail.ru).

© М. А. Бажина, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 15.04.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 16.04.2026

Для цитирования:
Волков Ю. В. Искусственный интеллект как предмет регулирования // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 103–112. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_103.
Information for citation:
Volkov, Yu. V. (2026) Iskusstvennyi intellekt kak predmet regulirovaniya [Artifical Intellegence as a Subject of Regulation]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 103–112. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_103.

УДК 340 (34.09)
BISAC: 099000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_103
Научная статья

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРЕДМЕТ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ю. В. Волков
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0001-9917-717X

Анализ блока вопросов о возможности регулирования и формирования норм права об искусственном интеллекте – основная цель исследования. Регулирующее воздействие на объекты (системы и технологии) искусственного интеллекта – предмет многих современных дискуссий. В задачи статьи входят следующие: изучение возможности регулирования обозначенной сферы; анализ терминологии; дискретизация объекта исследований; выбор средств и методов регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта. В ходе исследования применялись диалектический, формально-юридический, сравнительный методы, а также метод структурной семантики. В результате установлено, что терминология предметной сферы находится в стадии формирования. Отдельные понятия в толковании специалистов и представителей регуляторной сферы имеют существенные различия. В первую очередь необходимо формирование тезауруса для сортировки и выбора основных (ключевых) терминов. Вопрос теоретического плана связан с разработкой структуры нового акта. Определение предметных сфер регулирования является очередной задачей. Необходимо учесть научный опыт разработчиков информационных актов и иных законов, исключить возможность регулирования отраслевых отношений актами (законами, кодексами) других отраслей. Обобщенный акт должен состоять из достаточного количества разделов и статей, чтобы заменить действующие в отрасли законы. Существующий проект закона нуждается в доработке. Представлены отдельные рекомендации по формированию норм об искусственном интеллекте. Результаты могут быть использованы для законотворческой деятельности, а также для дальнейших исследований. Отдельные положения возможно применить в образовательном процессе для факультативных курсов или студенческих научных кружков.

Ключевые слова: *закон, интеллект, информация, норма, право, систематизация, терминология*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

ARTIFICAL INTELLEGENCE AS A SUBJECT OF REGULATION

Yurii V. Volkov
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0001-9917-717X

The main objective of the study is to analyze a set of issues related to the possibility of regulating and formulating legal norms on artificial intelligence. The regulatory impact on artificial intelligence objects (systems and technologies) is a subject of numerous contemporary debates. The objectives of the article include the following issues: the possibility of regulating the designated area; terminology analysis; discretization of the research object; selection of means and methods for regulating relations in the field of artificial intelligence. The study utilized dialectical, formal-legal, comparative methods and the method of structural semantics. The study established that the terminology of the subject area is in the process of formation. Certain concepts differ significantly in interpretation by specialists and representatives of the regulatory sphere. First of all, it is necessary to formulate a comprehensive thesaurus for sorting and selecting the main (key) terms. The theoretical aspect is related to the development of the structure of the new act. Determining the subject areas of regulation is the next task. It is necessary to take into account the scientific experience of the developers of information acts and other laws, exclude regulation of industry relations by acts of other branches. The general act should consist of a sufficient number of sections and articles to replace existing industry laws. The existing draft law requires revision. Specific recommendations for developing regulations on artificial intelligence are presented. The results can be used for legislative activity, as well as for further research. Certain provisions can be applied in the educational process for elective courses or student research clubs.

Keywords: *act, intelligence, information, law, norm, right, system, terminology*

Введение

Развитие информационных технологий, особенно направлений, связанных с использованием технологий и систем искусственного интеллекта, оказывает все возрастающее влияние на жизнь современного человека, вплоть до реальных столкновений на улице[1]. Мировые СМИ обошли кадры новостей, на которых робот-андроид ударил мальчика-зрителя во время показательных выступлений. Законодательная рефлексия ожидаема и необходима. Вопрос: какой она будет? Важным этапом в процессе правового регулирования должно стать научное осмысление самой темы, терминов, принципов и приемов регулирования. Один из первых вопросов – понятие искусственного интеллекта в российском и зарубежном законодательстве.

Дискуссия о трактовке ИИ, пользе и возможных рисках использования вычислительных машин началась практически с момента их создания и поддерживалась периодическим изданием «Проблемы кибернетики» (1958 г. – начало 80-х гг. XX в.). Обсуждение правовых аспектов использования вычислительной техники проходило тогда же, с 1964 г. в рамках всесоюзных совещаний «Кибернетика и право» [Керимов, Кудрявцев, Эйсман, 1970]. В дальнейшем исследования концентрировались в рамках направления «правовая кибернетика» (позднее – правовая информатика и информационное право). 15–17 мая 2017 г. в Женеве состоялся первый Всемирный

[1] Раскрыта судьба «умных» трамваев после наезда одного из них на петербуржцев // News.ru. 2024. 13 апр.

саммит «Искусственный интеллект во благо». Интерес к направлению, в том числе как предмету правового регулирования, растет во всем мире. Практически ежегодно с 2017 г. разные страны и организации (в структуре ООН) выпускают специальные обзоры (Белые книги) по вопросу классификации и рейтингов стран в вопросе развития искусственного интеллекта [Dambrot, et al., 2018: 222].

Методика

Основу приемов исследования составили диалектический, логический [Арно, Николь, 1991], формально-юридический (догматический) и сравнительный методы. Анализ текстов и терминов проводился с использованием метода структурной семантики [Греймас, 2004: 151] и контент-анализа [Тичер и др., 2009: 99–101]. Выбор литературы определяется предметом исследования. Ограниченная ретроспектива источников обусловлена задачей показа исторической глубины вопроса и его комплексным характером, а также сложностью отдельных аспектов.

Основная часть

1. Вопросы терминологии

Существует несколько точек зрения по вопросу происхождения термина и направления, именуемого в русскоязычных текстах «искусственным интеллектом» (ИИ)[2]. Впервые термин «Artificial Intelligence» озвучил Маккарти (McCarthy) на конференции в Дартмурском университете (Dartmouth College) в 1956 г. Однако представляется более корректным соотносить его появление с выходом статьи Алана Тюринга (A. M. Turing) «Вычислительная техника и интеллект» [Turing, 1950]. В работе впервые вводились понятия «электронный компьютер», «цифровой компьютер», «думающая машина». Понятие «искусственный интеллект» формировалось на основе и в связи с активным использованием вычислительной техники, компьютеров, и к концу XX в. закрепилась следующая дефиниция: ИИ – это «совокупность устройства и компьютерных программ, которые имитируют человеческий интеллект» [Collin, 2002: 38].

В литературе на русском языке термин «искусственный интеллект» появился в 60–70-х гг. XX в. и толковался как «электронные вычислительные машины, снабженные соответствующими программами, либо программно-управляемые роботы, которые по своим характеристикам приближаются к человеческим феноменам восприятия и мышления» [Бирюков, 1978]. Аналогично именовалось и соответствующее научное направление. Однако еще в 1975 г. (для американских читателей) Э. Хант отмечал, что на русский язык слово «intelligence» было переведено как «интеллект», хотя «интеллект» имеет иной эквивалент в английском – «intellect». (Советские читатели познакомились с изданием в 1978 г. [Хант, 1978].) Слово «intelligence» используется в устойчивых сочетаниях «Military Intelligence» (МИ5 и МИ6) и «Central Intelligence Agency» (ЦРУ) и переводится как «разведка» (служба, способная выполнять сложные задачи). Следовательно, для «Artificial Intelligence» подходящим семантическим эквивалентом можно считать вариант «система для решения сложных задач». Именно в таком семантическом поле трактуется рассма-

[2] См., например: История Искусственного Интеллекта. URL: https://wiki.programstore.ru/istoriya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 10.03.2026); Искусственный интеллект: краткая история, развитие, перспективы. URL: https://timeweb.com/ru/community/articles/chto-takoe-iskusstvennyy-intellekt (дата обращения: 10.03.2026).

триваемое понятие. В русскоязычном пространстве произошла подмена словосочетания «Artificial Intelligence» на более антропогенное. Оно ассоциируется с представлением об искусственном разуме. При этом сохраняются и иные трактовки, например ИИ как «раздел информатики» [Брукшир, 2004: 447]. А технические решения с использованием ИИ обозначаются различными лингвистическими конструкциями: «искусственные нейронные сети» [Брукшир, 2004: 465], «машинный интеллект, или интеллектуальные машины» [Jackson, 1985: 2–4]. Этот момент необходимо учитывать и при разработке документов и регулировании.

2. Регулирование технологичной сферы

Вопрос о возможности регулирования высокотехнологичных сфер возник не впервые. Законодательство о техническом или технологическом регулировании в разных странах формулируется разными способами: путем разработки низовых потребительских документов (например, в Британском Содружестве их именуют кодексами или потребительскими кодексами) с последующим принятием полного закона; посредством принятия кодекса (закона), который регулирует предметную сферу целиком. Национальный вариант информационного законодательства реализован в Финляндии, где 1 января 2015 г. вступил в силу Кодекс информационного общества[3]. Он состоит из 13 разделов, 352 статей. Кодексом введены в оборот 43 дефиниции. С его принятием утратили силу восемь отраслевых законов: о радиочастотах и телекоммуникационном оборудовании (1015/2001); о предоставлении услуг информационного общества (458/2002); о доменных именах (228/2003); о рынке связи (393/2003) и др. Значение Кодекса отмечено в различных исследованиях. Так, финский ученый Аксель Урид (Axel Wrede) пишет, что Кодекс содержит требования, касающиеся информационной безопасности сообщений; расширены полномочия, повышена ответственность операторов, закреплены локальные нормы, ранее известные как Lex Nokia (125/2009), что дает компании право контролировать электронную почту и интернет-деятельность сотрудников [Wrede, 2016: 4, 13]. Названные процессы и процедуры во всем мире передаются для контроля службам искусственного интеллекта (алгоритмам) либо на аутсорсинг.

Вероятно, в какой-то момент российское информационное законодательство, в том числе об ИИ, будет обладать сравнимыми параметрами (массивом, проникновением в разные сферы, ветвлением), правоведы должны быть готовы к наступлению этого момента. Однако прежде термины и их толкование должны получить закрепление в технической сфере. В этом направлении развивается работа по стандартизации сферы ИИ. В России принято более 140 ГОСТов по вопросам ИИ. Большее их количество относится к медицинской тематике. В числе первых были приняты ГОСТ Р 59921.0-2022 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Основные положения», ГОСТ Р 59921.9-2022 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Алгоритмы анализа данных в клинической физиологии. Методы испытаний. Общие требования». Более 90 стандартов, принятых в медицинской сфере, создают базу как для технического регулирования, так и для формирования нормативной правовой базы. Необходим правовой анализ этих материалов на предмет формирования аналогичных правовых концептов в российском праве для последующей адаптации правовой сферы к систематизации норм об ИИ.

[3] Tietoyhteiskuntakaari 917/2014 // URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2014/en20140917.pdf (дата обращения: 30.07.2017).

Общие основы стандартизации сферы ИИ заложены еще в 2020 г. такими документами, как ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» и аналогичные. На законодательном уровне использование информационных систем и технологий регулируется Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4] (далее – Закон об информации). Основные комплексные нормы об информационных системах (включая формы собственности) описаны в законодательстве об информации. Кроме того, четвертая часть Гражданского кодекса содержит нормы о программах для ЭВМ и базах данных. Так сложилось, что нормы об обороте некоторых элементов информационных систем сосредоточены в гражданском законодательстве, а не в специальном, отраслевом. Удобно ли это пользователям, правоведам, специалистам в сфере применения права – отдельный вопрос для исследований. Еще один блок, который часто не учитывают в процессе описания проблемы, – это законодательство о связи[5]. Любая, даже самая автономная, система с ИИ имеет связь (в настоящее время в основном по радиочастотному каналу) с центром управления. Соответственно, рассматривая вопрос о систематизации столь комплексного объекта, необходимо учитывать названные блоки норм. Отечественная отрасль связи стандартизирована значительно полнее, чем право и медицина. Это может послужить отправным моментом для развития технического регулирования ИИ как в праве, так и в других сферах, где значение систем ИИ будет повышаться.

Один из основных вопросов в ходе решения данной проблемы: каким тезаурусом (научным словарным запасом) пользоваться? Л. К. Терещенко отметила ряд проблем: «…отсутствие юристов среди разработчиков закона (ФЗ от ИИТиЗИ. – *Ю. В.*); заимствование (калькирование) зарубежных терминов; невозможность вписать новые явления в существующие правовые рамки» [Терещенко, 2016]. Закон об информации содержит все необходимые, как представляется, базовые термины: «информация», «информационные технологии», «информационные системы» (ст. 2). Термины обозначены как базовые с учетом возможности их использования для дальнейшей разработки новых. Далее требуется дополнять законодательный тезаурус и терминологию ГОСТов терминами, необходимыми с точки зрения развития ИИ.

3. Программные документы и перспективное законодательство

В Российской Федерации определение ИИ появилось в 2019 г. в программном документе[6]. В документ вносились поправки, но существенно понятие не изменилось[7].

Сейчас в России разработан и представлен для обсуждения проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Проект). Рассмотрим некоторые его особенности.

Статья 3 (1) Проекта содержит следующее определение: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

[5] Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О связи».

[6] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»).

[7] Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 „О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации“ и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом».

заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Из дефиниции видно, что на современном этапе законотворчества «антропогенный» признак продолжает превалировать. Классификация ИИ содержит определение систем, технологий и сервисов. Но нет полного перечня функций и признаков. Не вполне понятно, является ли это определение ограничительным или расширительным.

К субъектному составу участников отношений также имеются вопросы. В перечень субъектов включены: 1) разработчик; 2) оператор; 3) владелец; 4) пользователь; 5) органы государственной власти в пределах их полномочий (ст. 6 Проекта). При этом разработчик – физическое или юридическое лицо, оператор – гражданин, а владелец сервиса искусственного интеллекта – лицо, обладающее соответствующими правами. Иными словами, за основу правосубъектности участников правоотношений в сфере оборота искусственного интеллекта приняты разные субъекты права (субъекты права разных отраслей). Соответственно, и субъекты правоотношений в сфере оборота искусственного интеллекта будут наделены правовыми статусами, которые невозможно привести к единой правовой системе (к «единому знаменателю»), приписать им единую отраслевую принадлежность. Данная особенность выводит проблему на теоретический уровень. И без ее решения дальнейшая разработка нормативной базы представляется затруднительной (если не сказать, абсурдной).

Проект имеет и другие недостатки. Например, есть две отсылочные нормы на Закон об информации и множество бланкетных ссылок. Закон в такой важной предметной области должен быть максимально самодостаточным.

Сравнивая предметные сферы информационного законодательства и перспективного законодательства об ИИ, необходимо отметить, что последняя может быть включена в первую. Выделение специального законодательства об ИИ нерационально. Можно привести работу корейских исследователей по проблеме безопасности в общественных местах (прогнозирование с использованием искусственного интеллекта). Авторы утверждают, что достигнута высокая вероятность (более 90 %) прогнозирования преступлений [Kim, Jeong, 2021]. Перечень сфер, где возможно применение ИИ, весьма обширен. И выделение норм об охране общественного порядка с использованием ИИ нерационально. Общим во всех подобных нормах является алгоритмическая, информационная и технологическая составляющие. Достаточно понятно и признано практически всеми, что ИИ – это алгоритм особого рода, выполняющий операции с данными (информацией) на технологической основе. Следовательно, отношения с ИИ должны регулироваться нормами права об информации, информационных технологиях [Бачило, 2014], естественно, с разработкой новых норм об алгоритмизации, сетевом взаимодействии (в том числе обучении) и, вероятно, нормами о защите ИИ. Предложенная предметная сфера может быть и, видимо, будет предметом дискуссии о направлении систематизации отношений по поводу ИИ.

Что касается зарубежной законодательной практики, отдельные страны приступили к разработке законодательства. В публичном пространстве доступны проекты законов, представленные Вьетнамом, Индией, США. Англия, подготовив проект в 2023 г., столкнулась со множеством проблем и вопросов, в результате проект был отправлен на доработку, а новый в публичную сферу не выставлен.

Наибольшее продвижение в данном вопросе отмечено в Европейском союзе. Достаточно полный сравнительный анализ правовой базы регулирования технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации и в ЕС провел Д. В. Кузьмин [Кузьмин, 2020], однако с момента публикации законодательство существенно изменилось. Европа занимается вопросом регулирования отношений в сфере ИИ с 2008 г. На современном этапе действует Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского Парламента и Совета от 13 июня 2024 г. (Закон об искусственном интеллекте). Он гармонизировал девять документов начиная с Регламента (ЕС) № 300/2008.

Примечательны несколько моментов (полный анализ документа с учетом его объема может быть размещен в отдельном цикле публикаций) для сравнения с российскими подходами. Статья 3 (1) Регламента 2024/1689: «„Система искусственного интеллекта“ означает машинную систему, которая предназначена для работы с различными уровнями автономии и которая может проявлять адаптивность после развертывания, и которая для достижения явных или неявных целей на основе получаемых входных данных определяет, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду». В документе также отмечается, что термин «машинный» относится к тому факту, что системы искусственного интеллекта работают на машинах. Существенными признаками систем искусственного интеллекта названы: 1) автономность, что означает обладание определенной степенью независимости действий от участия человека и способностью работать без вмешательства человека; 2) адаптивность – возможность самообучения, т. е. изменения в процессе использования.

4. Практическое применение ИИ в юридической сфере

На современном этапе авторы критически относятся к внедрению ИИ, прогнозируя возможность наступления негативных последствий. Огромную работу по изучению правовых аспектов, связанных с ИИ, провел П. М. Морхарт. Он характеризует ИИ в начале исследования как «киберфизические» или «антропоформные» системы [Морхат, 2017: 7]. Далее автор расширяет определение, добавляя черты автономности, самоорганизованности, виртуальности, киберфизичности, био-кибернетичности, системности и пр. [Морхат, 2017: 69]. Это делает определение беспредельно широким и позволяет найти какой-либо из перечисленных автором признаков в любой существующей системе. Следует отметить, что автор отдельно дал и более краткое определение [Морхат, 2019: 6].

Вместе с тем для целей регулирования, в том числе кодификации, получено исчерпывающее множество признаков, описанных правовым языком. С момента, когда руководитель одного из российских банков заявил о замене тысяч юристов системой ИИ (2017 г.), прошло достаточно времени. Возможности ИИ решать практические юридические задачи были проанализированы на примере всех доступных для российского исследователя систем ИИ (более 10 по состоянию на июль 2025 г.). Анализ показал, что только одна система справляется с простейшей одноходовой задачей, остальные даже при наводящих вопросах не могут дать правильное решение [Волков, 2025]. Позитивные и восторженные отзывы в части замены юристов системами ИИ весьма часто связаны с тем, что подлинно юридические задачи (анализ ситуации и правовая оценка) подменяются квази- или околоюридическими (составление или поиск документа).

Заключение

Рассмотренное позволяет сделать общий вывод о необходимости продолжения разработки и систематизации (с перспективой кодификации) правовых норм об искусственном интеллекте. Вне зависимости от выбранного формата итогового акта предстоит работа по следующим направлениям: формирование тезауруса для выбора основных терминов, подлежащих проработке в первую очередь и включению в нормативный акт; определение предметных (в том числе перспективных) сфер регулирования. С их учетом будет формироваться особенная часть (кодекса, закона) и некоторые нормы общей части. Необходимо учесть (пусть и не реализованный в конечные акты) научный опыт разработчиков Информационного кодекса и Кодекса связи, привлечь их к разработке законодательства об ИИ. Отдельная задача – зафиксировать особый правовой режим ИИ, исключив возможность регулирования отраслевых отношений актами (законами, кодексами) других отраслей. Обобщенный отраслевой акт должен состоять из достаточного количества разделов и статей, чтобы заменить (по возможности, все) действующие в отрасли законы (за образец можно принять Кодекс информационного общества Финляндии). Все предложенное является приглашением к дискуссии и отражает только основные идеи автора.

Библиографический список

Collin S. M. H. Dictionary of Information Technology. – 3rd ed. – L.: Peter Collin Publishing Ltd., 2002. – 602 p.

Jackson P. Introduction to artificial intelligence. – 2nd ed. – N. Y.: Dover Publications, Inc., 1985. – 454 p.

Kim K. S., Jeong Y. H. A Study on Crime Prediction to Reduce Crime Rate Based on Artificial Intelligence // Korean Journal of Artificial Intelligence. – 2021. – № 9-1. – P. 15–20. – DOI: http://dx.doi.org/10.24225/kjai.2021.9.1.15.

Symbiotic Autonomous Systems, White Paper II October 2018 / M. Dambrot [et al.]; IEEE. – October 2018. – 222 p.

Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind a quarterly review of psychology and philosophy. – 1950. – Vol. LIX. – № 236. – P. 433–460.

Wrede A. V. W. Preventing data leaks caused by employee error in organizations: Security Management Bachelor's Thesis. – Leppävaara: Laurea University of Applied, 2016. – 43 p.

Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. – М.: Наука, 1991. – 418 с.

Бирюков Б. В. Проблема возможностей «искусственного интеллекта» // Современные проблемы кибернетики: сб. / пер. с англ. – М.: Знание, 1978. – С. 3–14.

Брукшир Дж. Информатика и вычислительная техника. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 620 с.

Волков Ю. В. Возможности систем искусственного интеллекта решать правовые проблемы: отчет об исследовании отдельных систем искусственного интеллекта. – Екатеринбург: УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева; Клуб ИИНИ, 2025. – 18 с.

Греймас А. Ж. Структурная семантика: поиск метода. – М.: Академ. проект, 2004. – 368 с.

Керимов Д. А., Кудрявцев В. Н., Эйсман А. А. Кибернетика и право. – М.: Знание, 1970. – 80 с.

Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. – М.: ИГП РАН, 2014. – 192 с.

Кузьмин Д. В. Сравнительный анализ правовой базы регулирования технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации и в ЕС // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2020. – № 12. – С. 143–149.

Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер [и др.]; пер. с англ. – Харьков: Гуманитар. центр, 2009. – 356 с.

Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: науч. моногр. / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

Морхат П. М. Право и искусственный интеллект: тезаурус / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки Веди, 2019. – 52 с.

Терещенко Л. К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. – 2016. – № 10 (238). – С. 101–108.

Хант Э. Искусственный интеллект. – М.: Мир, 1978. – 281 с.

References

Arno, A. & Nikol', P. (1991) *Logika, ili iskusstvo myslit`* [Logic, or the art of thinking]. Moscow, Nauka, 418.

Bachilo, I. L. (ed.) (2014) *Kontseptsiya Informatsionnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [The concept of the Information Code of the Russian Federation]. Moscow, IGP RAN, 192.

Biryukov, B. V. (1978) Problema vozmozhnostei «iskusstvennogo intellekta» [The problem of 'artificial intelligence' capabilities]. *Sovremennye problemy kibernetiki* [Modern problems of cybernetics]: conference papers. Moscow, Znanie, 3–14.

Brukshir, Dzh. (2004) *Informatika i vychislitel`naya tekhnika* [Computer Science and Engineering], 7th ed. Saint-Petersburg, Piter, 620.

Collin, S. M. H. (2002) *Dictionary of Information Technology*, 7th ed. London, Peter Collin Publishing Ltd., 602.

Dambrot, M., et al. (2018*) Symbiotic Autonomous Systems, White Paper II*. October 2018. IEEE. 222.

Grejmas, A. Zh. (2004) *Strukturnaya semantika: poisk metoda* [Structural Semantics: Finding a Method]. Moscow, Akademicheskii proekt, 368.

Hant, E. (1978) *Iskusstvennyi intellekt* [Artificial intelligence]. Moscow, Mir, 281.

Jackson, P. (1985) *Introduction to artificial intelligence, 2nd ed.* New York, Dover Publications, Inc., 454.

Kerimov, D. A. & Kudryavtsev, V. N. & Eisman, A. A. (1970) *Kibernetika i pravo* [Cybernetics and law]. Moscow, Znanie, 80.

Kim, K. S. & Jeong, Y. H. (2021) A Study on Crime Prediction to Reduce Crime Rate Based on Artificial Intelligence. *Korean Journal of Artificial Intelligence*, (9-1), 15–20, DOI: http://dx.doi.org/10.24225/kjai.2021.9.1.15.

Kuz`min, D. V. (2020) Sravnitel`nyi analiz pravovoi bazy regulirovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii i v ES [Comparative Analysis of the Legal Framework for the Regulation of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation and the EU]. *Sovremennaya nauka: actual`nye problemy teorii i praktiki*, (12), 143–149.

Morhat, P. M. (2017) *Iskusstvennyi intellekt: pravovoi vzglyad* [Artificial intelligence: a legal view]: monography. Moscow, Buki Vedi, 257.

Morhat, P. M. (2019) *Pravo i iskusstvennyi intellekt* [Law and artificial intelligence]: tezaurus. Moscow, Buki Vedi, 52.

Tereshchenko, L. K. (2016) Ponyatiinyi apparat informatsionnogo i telekommunikatsionnogo prava: problemy pravoprimeneniya [The Conceptual Framework of the Information and Telecommunication Law: Enforcement Issues]. *Zhurnal rossiiskogo prava,* (10:238), 101–108.

Ticher, S., et al. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Kharkiv, Gumanitarnyi tsentr, 356.

Turing, A. M. (1950) Computing Machinery and Intelligence. *Mind a quarterly review of psychology and philosophy*, LIX (236), 433–460.

Volkov, Yu. V. (2025) *Vozmozhnosti sistem iskusstvennogo intellekta reshat` pravovye problemy: otchyot ob issledovanii otdel`nyh sistem iskusstvennogo intellekta* [The ability of artificial intelligence systems to solve legal problems: a report on the study of individual artificial intelligence systems]. Ekaterinburg, UrGYuU imeni V. F. Yakovleva, Klub IINI, 18.

Wrede, A. V. W. (2016) *Preventing data leaks caused by employee error in organizations: Security Management Bachelor's Thesis*. Leppävaara, Laurea University of Applied, 43.

Информация об авторе

Юрий Викторович Волков – доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент (e-mail: yurii.volkov@usla.ru).

Information about the author

Yurii V. Volkov – Associate Professor of the Department of Information Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor (e-mail: yurii.volkov@usla.ru).

© Ю. В. Волков, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 15.04.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 16.04.2026

Для цитирования:
Ренц И. Г., Ярков В. В. Защита экономических интересов российских лиц в условиях национализации юрисдикции // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 113–122. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_113.

Information for citation:
Renz, I. G. & Yarkov, V. V. (2026) Zashchita ekonomicheskikh interesov rossiiskikh lits v usloviyakh natsionalizatsii yurisdiktsii [Protecting the Economic Interests of Russian Individuals in the Context of Nationalization of Jurisdiction]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 113–122. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_113.

УДК 347
BISAC: 064000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_113
Научная статья

ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЮРИСДИКЦИИ

И. Г. Ренц
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-2810-8454

В. В. Ярков
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-2644-5940

В статье рассматривается тенденция к национализации юрисдикции в российском праве как ответ на ограничение доступности правовой защиты за рубежом. На основе анализа законодательства, судебной практики и правовых позиций Конституционного Суда РФ выделяются три направления этого процесса: формирование процессуальных механизмов антисанкционной защиты (ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ), расширение компетенции арбитражных судов по делам о несостоятельности иностранных лиц и расширение полномочий нотариусов и судов в делах о международном наследовании на основе доктрины необходимого форума. Отмечаются преимущества и риски одностороннего расширения юрисдикции, делается вывод о вынужденном и переходном характере данных мер.

Ключевые слова: *национализация юрисдикции, международная компетенция, антисанкционная защита, исключительная компетенция арбитражных судов, трансграничная несостоятельность, международное наследование, необходимый форум (forum necessitatis), юрисдикционный конфликт*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

PROTECTING THE ECONOMIC INTERESTS OF RUSSIAN INDIVIDUALS IN THE CONTEXT OF NATIONALIZATION OF JURISDICTION

Igor G. Renz
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0003-2810-8454
Vladimir V. Yarkov
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0003-2644-5940

The article examines the trend towards nationalisation of jurisdiction in Russian law as a response to the diminishing availability of legal protection abroad. Based on the analysis of legislation, judicial practice and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation three dimensions of this process are identified: the development of procedural anti-sanctions mechanisms (Art. 248.1 and 248.2 of the Russian Arbitrazh Procedure Code), the expansion of arbitrazh court jurisdiction over cross-border insolvency of foreign persons and the broadening of notarial and judicial competence in international succession cases through the doctrine of forum necessitatis. The advantages and risks of unilateral jurisdictional expansion are assessed, leading to the conclusion that these measures are of a forced and transitional nature.

Keywords: *nationalisation of jurisdiction, international competence, anti-sanctions protection, exclusive jurisdiction of arbitration courts, cross-border insolvency, international succession, forum necessitatis, jurisdictional conflict*

Постановка вопроса. Проблематика защиты экономических интересов российских лиц в современный период актуальна как никогда. Тому есть ряд причин экономического, правового и политического характера. Одной из ключевых тенденций последних десятилетий является **национализация** юрисдикции. Специалистам и практикующим юристам известно иное, достаточно широкое понимание судами системы общего права, особенно английскими, своей компетенции, что позволяет им принимать к рассмотрению дела буквально со всего света, в условиях относительно невысокого стандарта доказывания наличия возможности рассмотрения дела.

В России первым шагом к расширению компетенции российских судов стала норма п. 10 ч. 2 ст. 247 АПК РФ, согласно которой арбитражные суды рассматривают дела с участием иностранных лиц «в других случаях при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации». Это понятие довольно широкое, позволяющее определять его содержание в зависимости от конкретной юридико-фактической ситуации.

В последние несколько лет в условиях новой политико-правовой ситуации появилось несколько новых правовых средств в процессуальном законодательстве и судебной практике, которые позволяют перевести те либо иные юридические дела в российскую юрисдикцию. Очевидной целью национализации юрисдикции является, скорее всего, расширение возможности защиты прав и интересов российских лиц в условиях снижения, а порой и недоступности судебной и иной правовой защиты за рубежом, особенно в государствах, отнесенных к числу недружественных. В таком случае российское лицо имеет возможность получить необходимую

правовую защиту в судах и иных юрисдикционных органах нашей страны. В качестве результата можно констатировать ярко обозначившуюся тенденцию к национализации юрисдикции и созданию таких правовых условий, которые расширяют возможности российских судов и нотариусов по рассмотрению юридических дел. Отдельная проблематика – это решение вопроса о признании последствий такой национализации юрисдикции в иностранных правопорядках, здесь много аспектов экономического и правового характера, которые заслуживают отдельного анализа. Сложность еще и в том, что юрисдикция – это, говоря словами бывшей судьи и председателя Международного суда ООН Розалин Хиггинс, «сердце самого суверенитета» [Higgins, 1994].

Можно выделить, по крайней мере, три направления этого процесса, которые отражают тенденцию национализации юрисдикции за последние несколько лет.

Во-первых, это **процессуальные средства антисанкционной защиты (ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ)**. В 2020 г. Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ для расширения судебной защиты российских юридических и физических лиц, ставших объектом ограничительных мер со стороны иностранных государств, государственных объединений и (или) союзов и (или) государственных (межгосударственных) учреждений иностранного государства или государственного объединения и (или) союза, в АПК РФ введены новые юридические инструменты – это ст. 248.1 АПК РФ, в которой определены условия применения положений об исключительной компетенции арбитражных судов РФ по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, а также ст. 248.2 АПК РФ, позволяющая заинтересованному лицу получить приказ суда о запрете на возбуждение и (или) продолжение иностранного судебного или арбитражного процесса, в определенной степени аналогичный английскому «anti-suit injunction», если дело подпадает под критерии ст. 248.1 АПК РФ [Ярков, 2023]. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ к исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации относятся споры «с участием лиц, в отношении которых применяются меры ограничительного характера иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза».

В основе этих мер – позиция Конституционного Суда РФ, который указал на незаконность санкций и следования им, рассматривая такое следование как недобросовестное поведение. В постановлении Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „ПАГ“» было отмечено: «…следование… режиму санкций против Российской Федерации, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение».

Введение правил исключительной компетенции как меры антисанкционного характера означает, что суды других государств и иные юрисдикционные органы, в том числе международные коммерческие арбитражи и третейские суды, не вправе принимать к рассмотрению соответствующие категории дел. Поэтому если российский суд установит свою исключительную компетенцию, то такое дело может быть рассмотрено только арбитражным судом РФ.

Характерно, что указанное правило об исключительной компетенции действует в отношении как арбитражной оговорки, так и пророгационного соглашения: Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ объединил данные виды соглашений в категорию юрисдикционной оговорки и, сославшись на международную практику, указал, что наличие такой оговорки наделяет избранный в ней форум исключительной юрисдикцией при условии, что спор не отнесен к исключительной юрисдикции суда какой-либо страны[1].

В 2025 г. Конституционный Суд РФ принял три определения относительно применения ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ: от 29 апреля 2025 г. № 999-О[2], от 14 октября 2025 г. № 2615-О[3] и от 25 декабря 2025 г. № 3328-О[4]. Суд еще раз подчеркнул, что данные нормы установили исключительную компетенцию арбитражных судов, более подробно раскрыв условия их применения. Так, в п. 2 определения от 25 декабря 2025 г. № 3328-О закреплено, что «согласно статье 248.1 (АПК РФ) в предусмотренных ею случаях к **исключительной компетенции** арбитражных судов в Российской Федерации относятся дела по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, а в силу его статьи 248.2 указанным лицам предоставляется право заявлять в российском арбитражном суде об установлении запрета инициировать или продолжать разбирательство по спорам с их участием в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже».

Стоит оговориться, что принуждение к своему суду в условиях санкционной войны не всегда эффективно в ситуации, когда за рубежом в разбирательствах с «российским элементом» используются аналогичные меры [Козырин, 2025]. Это не говоря уже о концептуальной проблеме, справедливо отмеченной английским практиком Томасом Рафаэлем в монографии об *anti-suit injunctions*: такой запрет – всегда «крайняя мера, граничащая с вмешательством в суверенитет иностранных судов» [Raphael, 2019]. Поэтому, чтобы промежуточная процессуальная победа не стала пирровой, важно оценивать в каждом случае перспективы исполнения антиискового запрета с учетом доступных имущественных активов оппонента, в том числе в трех нейтральных юрисдикциях[5]. Реальность угрозы обращения на них взыскания по приказу суда об астрэнте или же в качестве компенсации убытков способно скорректировать процессуальное поведение участников трансграничного экономического спора.

Во-вторых, **расширение компетенции российских судов в отношении решения вопроса о признании несостоятельными иностранных лиц**. Цель здесь была та же самая, а именно предоставление возможности российским кредиторам по удов-

[1] См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 2572/13 по делу № А27-7409/2011.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 29 апреля 2025 г. № 999-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании „OWH SE i.L.“ на нарушение ее конституционных прав статьями 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2025 г. № 2615-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новицкого Евгения Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьями 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2025 г. № 3328-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании „Дойче Банк Акциенгезельшафт“ на нарушение ее конституционных прав статьей 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

[5] См., например, аналитический доклад одной из известных международных юридических фирм, активно участвующей в санкционных спорах: Russian Disputes and Anti-Suit Injunctions: Arbitration and State Courts – Allies, Adversaries, or Both? / N. Rubins [et al.] // Freshfields Bruckhaus Deringer, International Arbitration in 2025 (January 2025). URL: https://www.freshfields.com/globalassets/our-thinking/campaigns/international-arbitration-in-2025/international-arbitration-in-2025.pdf. P. 14–16 (дата обращения: 26.03.2026).

летворению их требований за счет имущества иностранных лиц, которое находится в пределах досягаемости – на территории Российской Федерации. Тем самым наряду с участием в банкротных процедурах за рубежом российские лица получают возможность хотя бы частично защиты своих имущественных прав в российской юрисдикции [дополнительно см.: Балданов, 2024]. Кроме того, подобная локализация банкротного процесса в национальной юрисдикции может выступать в качестве своеобразного антисанкционного механизма [Долганичев, Сильченко, 2025].

Актуальность вопроса заключается в том, что к началу 2026 г. число иностранных граждан, находящихся в России, составило 5,7 млн человек. Такую предварительную цифру озвучил начальник аналитического управления миграционной службы МВД Александр Пережогин во время конференции «Новая миграционная политика РФ»[6].

Первая практика по признанию несостоятельными иностранных граждан была отрицательной. Так, в определении Арбитражного суда Краснодарского края от 26 мая 2016 г. по делу № А32-747/2015 было, кроме всего, сказано: «При этом должник как физическое лицо является иностранным гражданином, а положения ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“ не предусматривают проведение процедур банкротства в отношении иностранного гражданина. С учетом изложенного производство по делу о банкротстве следует прекратить».

Затем практика развернулась, в связи с чем представляет интерес дело Брискина[7]. Вначале суд первой инстанции прекратил производство по делу, поскольку Брискин не является гражданином Российской Федерации, а положения Закона о банкротстве не предусматривают применения его норм к лицам, не имеющим гражданства РФ. Кассационная инстанция решила дело иначе. Вывод судов о том, что положения Закона о банкротстве не предусматривают применения его норм к лицам, не имеющим гражданства РФ, не основан на приведенных нормах материального права. Кассационный суд отметил следующее. Согласно ч. 3 ст. 62 Конституции РФ иностранные граждане пользуются в России правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ. В силу ст. 4 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Согласно ст. 1196 ГК РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами, кроме случаев, установленных законом.

В соответствии с п. 3 ст. 1 ФЗ о банкротстве отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, регулируются данным Федеральным законом. Под должником ФЗ о банкротстве понимает гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, или юридическое лицо, оказавшихся неспособными удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение срока, установленного настоящим Федеральным законом (ст. 2 ФЗ о банкротстве). Таким образом, ФЗ о банкротстве не связывает определение понятия гражданина-должника с наличием у него статуса гражданина РФ.

[6] См. текст интервью: URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/29/1172466-kolichestvo-migrantov-v-rf-sokratilos (дата обращения: 26.03.2026).

[7] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 июля 2016 г. № Ф05-8738/2016 по делу № А40-186978/2015. См. аналогичные дела: определение Арбитражного суда ЯНАО от 30 июня 2016 г. по делу № А81-6187/2015; постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 июля 2018 г. № Ф05-12224/2018 по делу № А40-187534/2017.

Такой же подход в судебной практике проявился в отношении возможности признания несостоятельными иностранных юридических лиц, которые так или иначе имеют экономические интересы и имущество на территории нашей страны. Верховный Суд РФ в определении от 8 октября 2020 г. по делу № 310-ЭС20-3002, А83-6324/2018 сформулировал *ratio decidendi* следующую правовую позицию: «Осуществление должником в Российской Федерации не носящей временного характера экономической деятельности (имеет недвижимое имущество, арендует и использует на ином праве публичные земельные участки) свидетельствует об образовании предприятия должника в целях удовлетворения требований к нему в рамках юрисдикции по месту нахождения имущества и за счет такого имущества, в том числе в целях установления места неосновного производства в трансграничном банкротстве (например, статья 2 Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности).

Таким образом, заявленные Департаментом требования относятся к компетенции арбитражных судов Российской Федерации и в отсутствие специальных международных договоров по вопросам взаимного признания и приведения в исполнение судебных решений по делам о несостоятельности (банкротстве), стороной которых являлась бы Российская Федерация, не могут быть рассмотрены в юрисдикции иностранного государства, в том числе в рамках иностранного дела о банкротстве».

Другим прецедентным делом стало признание Арбитражным судом Челябинской области несостоятельным общества «Пандора консалтинг», зарегистрированного в торговом реестре компаний острова Невис, т. е. иностранного юридического лица[8]. Хотя в этом деле довольно много различных нюансов, заслуживает внимания исходный пункт признания судом своей компетенции – осуществление должником деятельности именно на российской территории.

Ключевое значение для формирования практики и подтверждения компетенции российских судов на рассмотрение дел о признании несостоятельными иностранных юридических лиц приобрело определение Верховного Суда РФ от 8 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022 (дело Вествок). Здесь были сформулированы критерии для открытия в арбитражном суде основного или дополнительного производства, что может позволить российским лицам удовлетворять свои имущественные требования в рамках российского производства по признанию несостоятельными независимо от процедур банкротства в иных юрисдикциях [Ярков, 2025; Мохова, 2024].

Примечательно, что российский подход здесь не столько противоречит международному юрисдикционному стандарту, сколько применяет его в одностороннем порядке без участия в соответствующем международном инструменте. Россия не является участницей Типового закона ЮНСИТРАЛ и не имеет двусторонних договоров о признании банкротных процедур с большинством государств. Это создает своеобразный парадокс: российские суды пользуются концепцией модернизированного универсализма, той самой «золотой нитью трансграничного банкротства», как ее называют [Chan, 2016], но при этом не обеспечивают взаимности, без которой эта концепция, кажется, теряет смысл. По крайней мере, ее согласованность оказывается под ударом.

Так или иначе, возникает ситуация, когда внутреннее законодательство и судебная практика заполняют вакуум, образовавшийся вследствие отсутствия международно-правовой базы: происходит захват юрисдикции на основе лучших практик, выкристаллизовавшихся в инструментах мягкого и регионального права.

[8] См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22 ноября 2022 г. № Ф09-7647/22 по делу № А76-31539/2021; определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 309-ЭС23-1409 по делу № А76-31539/2021.

В-третьих, **расширение компетенции российских судов и нотариусов по удостоверению наследственных прав в условиях малой, а порой и полной недоступности правовой помощи в иностранных юрисдикциях**. В связи с этим заслуживают внимания правовые позиции, выработанные в постановлении Конституционного Суда РФ от 26 марта 2024 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Э. Стаценко».

Суть позиции Конституционного Суда состоит в закреплении широкого подхода к определению компетенции российских юрисдикционных властей в делах о международном наследовании на основе доктрины необходимого форума (*forum necessitatis*) [Зазулина, Ренц, 2024]. Несмотря на популярность и видимую простоту, вынужденная компетенция в трансграничных делах может быть связана не только с попыткой одностороннего решения коллизии юрисдикций, прежде всего негативного свойства, но и с практическими соображениями эффективности, удобства, что ставит вопрос о необходимости ее разумного ограничения [Nwapi, 2014; примеры расширительного толкования доктрины необходимого форума см.: Mora, 2018]. Отныне, если иное не следует из международного договора, для признания себя компетентными и открытия наследственного производства российскому нотариусу или суду в случае спора о заграничном наследстве достаточно обнаружить в его составе любое движимое имущество на национальной территории и проверить соблюдение ряда специальных условий: наличие российского гражданства у наследодателя; невозможность осуществления наследником своих прав на местные активы наследства без их оформления нотариусом и (или) признания судом; невозможность или существенная затруднительность обращения наследника к компетентным иностранным властям по последнему месту жительства наследодателя за рубежом.

Санкционированное Конституционным Судом отступление от жесткой связанности наследственной процедуры и применимого права дает ряд преимуществ, по крайней мере, в текущей международно-правовой реальности с ослаблением, а иногда и разрывом традиционных правовых контактов с некоторыми недружественными государствами. Прежде всего, у наследников, не имеющих достаточных ресурсов или столкнувшихся с проблемами сопровождения наследственного дела за рубежом, появляется возможность защитить свои права в более доступном российском форуме. Тем самым предотвращается «замораживание» наследственного имущества, его длительное выключение из оборота в ожидании иностранного титула. Кроме того, в одностороннем порядке снимаются негативные последствия непризнания иностранных актов о наследовании, когда посмертные преемники, уже получившие подтверждение своих прав за рубежом, не могут реализовать их в отношении российских активов, например, в силу отсутствия международного договора или несоответствия полученных ими документов установленной форме.

В то же время нельзя не учитывать определенные риски одностороннего расширения юрисдикции в наследственных делах. Расширение компетенции российских властей не устраняет необходимости применять иностранное наследственное право, установление содержания и реализация которого на местной почве сопряжены со значительными трудностями. Одностороннее определение собственной компетенции чревато увеличением положительных юрисдикционных конфликтов с иностранными властями и появлением противоречивых решений по одному и тому же наследственному делу. Кроме того, кажется, что допускаемый Конституционным Судом своеобразный захват компетенции в трансграничных наследствах по мотиву юридической или фактической «слабости» местного наследника спосо-

бен приводить к злоупотреблениям, игнорированию интересов иных наследственных выгодоприобретателей, в том числе находящихся не в российской юрисдикции. Неслучайно Конституционный Суд подчеркивает промежуточный характер своего подхода, призывая законодателя к поиску более стабильных и предсказуемых правовых форм трансграничного наследования.

Тем не менее сам факт расширения юрисдикции российских нотариусов в наследственных делах показателен: он наглядно демонстрирует распространение тенденции к национализации юрисдикции за пределы судебных процедур – в сферу бесспорного производства и нотариальной деятельности. При этом нет никаких значимых препятствий считать, что данный подход не может быть экстраполирован и на спорную юрисдикцию, на рассмотрение трансграничных наследственных споров.

Заключение. В целом можно констатировать формирование в российском праве устойчивой тенденции к национализации юрисдикции, обусловленной необходимостью защиты экономических интересов российских лиц в условиях ограниченной доступности правовой помощи и (или) гарантий эффективной правовой защиты за рубежом. Эта тенденция, в реальности более обширная, проявляется, как минимум, в трех направлениях: эволюции процессуальных механизмов антисанкционной защиты (ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ), расширении компетенции российских арбитражных судов по делам о несостоятельности иностранных лиц, а также расширении полномочий местных нотариусов и судов в делах о международном наследовании.

Каждое из этих направлений имеет свою специфику, однако все они объединены общей логикой: расширение юрисдикционных полномочий российских органов в ответ на ситуацию, когда обращение к иностранным юрисдикциям становится невозможным, затруднительным или неэффективным. В основе этого процесса лежат как правовые основания, прежде всего позиции Конституционного Суда РФ о незаконности санкционного давления и необходимости обеспечения судебной защиты, так и прагматические соображения защиты имущественных прав российских лиц. При сохранении текущего геополитического давления и внутреннего запроса на усиление юрисдикционной суверенности разумно ожидать расширения использования внутригосударственных механизмов захвата международной компетенции на другие правовые области и дела, независимо от их частноправовой или публичной природы.

Вместе с тем одностороннее расширение собственной юрисдикции в международных делах порождает ряд серьезных вопросов, которые требуют дальнейшего осмысления. Вопрос признания иностранными правопорядками решений, вынесенных в рамках национализированной юрисдикции, остается открытым[9]. Конкуренция юрисдикций, риск появления противоречащих друг другу актов, сложности применения иностранного материального права в российских процессуальных формах – все это свидетельствует о том, что национализация юрисдикции не может рассматриваться как самодостаточное и окончательное решение. Конфликт юрисдикций как любой иной лучше решать на основании согласования воль государств-интересантов, а не силовым путем с ограниченным ресурсом.

[9] Еще в 1924 г. Постоянная палата Международного правосудия в деле *«Mavrommatis»* сформулировала принцип о том, что первейшая обязанность государства – защита своих граждан. См.: Mavrommatis Palestine Concessions *(Greece v. Great Britain),* Judgment, 30 August 1924 // PCIJ. Series A. No. 2. P. 12. Но одно дело – защитить, а другое – добиться, чтобы защита имела трансграничный эффект. Примечательно другое дело, в котором МС ООН в деле *«Jurisdictional Immunities»* подтвердил, что государства не обязаны признавать юрисдикционные притязания других государств, выходящие за пределы общепризнанных оснований компетенции. Ср.: Jurisdictional Immunities of the State *(Germany v. Italy: Greece Intervening)*, Judgment // I. C. J. Reports. 2012. P. 99.

Поэтому такая национализация для российского правопорядка есть вынужденная мера очередного переходного периода, эффективность которой будет определяться, с одной стороны, взвешенностью правоприменительной практики, а с другой – готовностью законодателя к выработке более системных и сбалансированных подходов, учитывающих как интересы российских лиц, так и необходимость международной координации юрисдикций в трансграничных делах.

Библиографический список

Chan Ho L. Cross-Border Insolvency: Principles and Practice. – L.: Sweet & Maxwell, 2016. – 351 p.

Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: OUP, 1994. – 298 p.

Mora P. D. Universal Civil Jurisdiction and Forum Necessitatis: The Confusion of Public and Private International Law in Naït-Liman v. Switzerland // Netherlands International Law Review. – 2018. – Vol. 65. – P. 155–183.

Nwapi Ch. A Necessary Look at Necessity Jurisdiction // University of British Columbia Law Review. – 2014. – Vol. 47. – № 1. – P. 211–273.

Raphael T. The Anti-Suit Injunction. – 2nd ed. – Oxford: OUP, 2019. – 478 p.

Балданов Р. В. Подсудность в трансграничном банкротстве // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 4. – С. 208–216.

Долганичев В. В., Сильченко В. Ю. Банкротство иностранных лиц как часть антисанкционного процесса // Российское право: образование, практика, наука. – 2025. – № 4. – С. 34–41.

Зазулина Л. Д., Ренц И. Г. Необходимый форум в делах о международном наследовании: что дальше? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 8. – С. 7–11.

Козырин А. А. Исполнение антиисковых запретов: постановка теоретических и практических проблем российского регулирования // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 7. – С. 302–304.

Мохова Е. В. Банкротство иностранных компаний в Российской Федерации: теоретические основы, развитие судебной практики, проблемы и перспективы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 5. – С. 107–136.

Ярков В. В. Компетенция российских судов по делам о несостоятельности иностранных юридических лиц // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 8. – С. 45–48.

Ярков В. В. Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 3. – С. 65–73.

References

Chan, Ho L. (2016) *Cross-Border Insolvency: Principles and Practice*. London, Sweet & Maxwell, 351.

Baldanov, R. V. (2024) Podsudnost` v transgranichnom bankrotstve [Jurisdiction in cross-border bankruptcy]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, (4), 208–216.

Dolganichev, V. V. & Sil`chenko, V. Yu. (2025) Bankrotstvo inostrannykh lits kak chast` antisanktsionnogo protsessa [Bankruptcy of Foreign Entities as Part of the Anti-Sanctions Procedure]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (4), 34–41.

Higgins, R. (1994) *Problems and Process: International Law and How We Use It*. Oxford, OUP, 298.

Kozyrin, A. A. (2025) Ispolnenie antiiskovykh zapretov: postanovka teoreticheskikh i prakticheskikh problem rossiiskogo regulirovaniya [Enforcement of anti-suit injunctions: to the theoretical and practical issues of Russian regulation]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, (7), 302–304.

Mokhova, E. V. (2024) Bankrotstvo inostrannykh kompanii v Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie osnovy, razvitie sudebnoi praktiki, problemy i perspektivy [Bankruptcy of Foreign Companies in the Russian Federation: Theoretical Foundations, Development of Judicial Practice, Problems and Prospects]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, (5), 107–136.

Mora, P. D. (2018) Universal Civil Jurisdiction and Forum Necessitatis: The Confusion of Public and Private International Law in Naït-Liman v. Switzerland. *Netherlands International Law Review*, (65), 155–183.

Nwapi, Ch. (2014) A Necessary Look at Necessity Jurisdiction. *University of British Columbia Law Review*, 47 (1), 211–273.

Raphael, T. (2019) The Anti-Suit Injunction, 2nd ed. Oxford, OUP, 478.

Yarkov, V. V. (2023) Soderzhit li stat`ya 248.1 APK RF prezumptsiyu ogranicheniya protsessual`nykh prav rossiiskikh lits v usloviyakh sanktsii? [Does Article 248.1 of the CPC of the Russian Federation Establish a Presumption of Restriction of the Procedural Rights of Russian Persons under Sanctions?]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (3), 65–73.

Yarkov, V. V. (2025) Kompetentsiya rossiiskikh sudov po delam o nesostoyatel`nosti inostrannykh yuridicheskikh lits [Competence of Russian Courts in Cases of Insolvency of Foreign Legal Entities]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, (8), 45–48.

Zazulina, L. D. & Renz, I. G. (2024) Neobkhodimyi forum v delakh o mezhdunarodnom nasledovanii: chto dal`she? [The Required Forum for International Inheritance Cases: What's Next?]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, (8), 7–11.

Информация об авторах

Игорь Геннадьевич Ренц – доктор юридических наук, профессор, доктор права (Университет Париж Восток/Франция), заведующий кафедрой международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: igor.oursoff@gmail.com).

Владимир Владимирович Ярков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, заслуженный деятель науки РФ (e-mail: yarkov5995@gmail.com).

Information about the authors

Igor G. Renz – Doctor of Juridical Sciences, Doctor of Law (University of Paris 12, France), Professor, Head of the Department of International Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: igor.oursoff@gmail.com).

Vladimir V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Honored Scientist of the Russian Federation (e-mail: yarkov5995@gmail.com).

© И. Г. Ренц, 2026
© В. В. Ярков, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2026

Для цитирования:
Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Трансформация трудового правоотношения и социально-обеспечительных правоотношений в условиях формирования шестого технологического уклада // European and Asian Law Review. 2026. № 2. Т. 9. С. 123–145. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_123.

Information for citation:
Vasilyeva, Yu. V. & Shuraleva, S. V. (2026) Transformatsiya trudovogo pravootnosheniya i sotsial`no-obespechitel`nykh pravootnoshenii v usloviyakh formirovaniya shestogo tekhnologicheskogo uklada [Transformation of Labor Relations and Social Security Relations in the Context of the Formation of the Sixth Technological Order]. *European and Asian Law Review*. 9 (2), 123–145. DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_123.

УДК 349
BISAC: 054000
DOI: 10.34076/27821668_2026_9_2_123
Научная статья

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Ю. В. Васильева
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ORCID ID: 0000-0002-8010-340X
С. В. Шуралева
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ORCID ID: 0000-0003-1220-1179

Авторы рассматривают соотношение понятий «научно-технический прогресс», «научно-техническая революция», «технологический уклад», затем на основе анализа социально-экономических вызовов четвертой научно-технической революции и шестого технологического уклада обобщают основные направления трансформации трудового и социально-обеспечительных правоотношений.

Ключевые слова: *научно-технический прогресс, научно-техническая революция, промышленная революция, технологический уклад, трансформация трудового и социально-обеспечительных правоотношений, платформенная занятость, рабочее время, неприкосновенность частной жизни, цифровой суверенитет работника, гарантированный минимум, безусловный базовый доход*

Copyright© 2026. The Authors. Published by Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
This is an open access article distributed under the CC BY-NC 4.0. license http://creativecommons.org//license/by-nc/4.0/

TRANSFORMATION OF LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE SIXTH TECHNOLOGICAL ORDER

Yulia V. Vasilyeva
Perm State National Research University
ORCID ID: 0000-0002-8010-340X
Svetlana V. Shuraleva
Perm State National Research University
ORCID ID: 0000-0003-1220-1179

The authors consider the relationship between the concepts of 'scientific and technological progress', 'scientific and technological revolution' and 'technological order', then based on the analysis of the socio-economic challenges of the fourth scientific and technological revolution and the sixth technological order they summarize the main directions of transformation of labor and social security relations.

Keywords: *scientific and technological progress, scientific and technological revolution, industrial revolution, technological structure, transformation of labor and social security relations, platform employment, working hours, privacy, digital sovereignty of the employee, guaranteed minimum, unconditional basic income*

Введение

Мы являемся свидетелями впечатляющих и глобальных по масштабам социально-экономических и политических перемен. Экономика «дымящихся труб» уступает место экономике больших данных, алгоритмов, цифровых платформ. Эти процессы переплетаются со сменой мирохозяйственного уклада, формированием в Юго-Восточной Азии нового «ядра» мировой экономики.

Наше государство вынуждено проходить адаптацию к жизни в «новом дивном мире» в судьбоносный исторический период, параллельно решая сложнейшие задачи снижения потерь от военных действий, санкционного давления, обеспечения технологического суверенитета, поиска областей, в которых можно захватить технологическое лидерство.

На мезо- и микроуровнях свои трансформационные циклы проходят отрасли экономики, организации и предприятия, сообщества людей и отдельные индивиды. Меняются потребности, социальные связи, возникают новые точки роста и уязвимости, требования к уровню развития человеческого капитала, способы и правовые формы организации труда.

Жизнь «на высоких скоростях» неизменно создает разрыв между социальной реальностью и правовым ее отражением: право может реагировать с задержкой. В этих условиях лучший вариант для науки трудового права и права социального обеспечения в период четвертой научно-технической революции, опосредующей переход к шестому технологическому укладу, – действовать на опережение: создавать правовые рамки для управления социальным рисками, обновлять существующие и прогнозировать перспективные правовые конструкции, участвовать в генерации смыслов и ценностей для создаваемых сегодня технологий и отношений будущего.

Основная часть

Научно-технический прогресс, научно-техническая революция, технологический уклад: современный дискурс и новые вызовы в сфере труда, занятости и социального обеспечения

В современном дискурсе (экономическом, технологическом, управленческом, правовом) часто используются термины «технологический уклад», «научно-техническая революция» (далее – НТР), «научно-технический прогресс» (далее – НТП).

В экономической литературе можно встретить точку зрения о том, что отличия между концепциями индустриальных революций и технологических укладов носят преимущественно терминологический характер. Полагаем, что, несмотря на кажущееся смысловое сходство, эти понятия описывают разные уровни и динамику изменений в социально-экономической сфере.

Научно-технический прогресс представляет собой процесс и результат совершенствования техники, технологии, энергетики, товаров и услуг на базе использования результатов научных исследований в целях достижения экономического, социального, экологического и информационного эффекта. НТП включает развитие науки (приращение новых знаний) и инновации (превращение новых знаний в рыночный продукт, в объект массового применения)[1].

Семантическое значение слова «прогресс» (лат. *progressus* – движение вперед, успех) – направление поступательного развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, – указывает на непрерывность, преемственность, восходящее направление взаимосвязанного развития науки и техники, которое выражается в накоплении научных знаний, совершенствовании технологий, возникновении инноваций.

НТП можно сравнить с общим вектором происходящих изменений на уровне как отдельных технологий, так и отраслей промышленности, факторов производства. В правовом дискурсе НТП в большей степени ассоциируется с адаптацией правового регулирования к новым технологиям без концептуальных изменений.

Стоит отметить, что в 1960–1980-е гг. влияние научно-технического прогресса на развитие трудового права активно обсуждалось в науке [Негру, 1972; Сойфер, 1966; Иванов, 1974; Шалито, 1967; Шептулина, 1972], однако в 1990-х гг. и 2000-х гг. данная проблема практически исчезла из поля зрения специалистов в области трудового права, хотя исключения все же были [Воронцов, 2007; Кудрин, 1998].

НТР характеризуется коренным преобразованием всей технологической базы общества, сменой места человека в процессе производства, это качественный скачок в структуре производительных сил. И. С. Аверина, говоря об экономическом аспекте термина «революция», утверждает, что она представляет собой коренной перелом в базисе хозяйственной системы, который провоцирует изменения во всех областях жизни общества [Аверина, 2021: 56].

Вторая половина XVIII в. ознаменовала начало промышленных (индустриальных) революций, каждая из которых основывалась на определенных источниках энергии, факторах производства и ключевых инновациях. Именно тогда наука стала непосредственной производительной силой, дающей стимул развитию производства.

Один из лауреатов Нобелевской премии по экономике за 2025 г., израильский и американский экономист Д. Мокир показал, что устойчивый экономический рост

[1] Научно-технический прогресс // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/nauchno-tekhnicheskii-progress-ddda67 (дата обращения: 29.03.2026).

на основе технологических инноваций возможен только если существует продуктивная связь между позициональными знаниями (о природных явлениях и их закономерностях) и прескриптивными знаниями (в виде чертежей, схем, описаний, инструкций и т. д. о том, «как делать» что-либо, – технологиями). До середины XVIII в. такая взаимосвязь отсутствовала, многие накопленные знания не находили практического применения, а существовавшие инновации носили спорадический характер и не оказывали влияния на долгосрочную экономическую динамику [Трофимов, 2025].

Среди прочих выводов Д. Мокира в контексте настоящей статьи заслуживает внимания тезис о процессах реализации инноваций на микроуровне, ведущую роль в которых сыграли рядовые инженеры и мастера [Трофимов, 2025]. Они составляли высокообразованную трудовую элиту, обучавшуюся в школах и на производствах, способную хорошо разбираться в новых идеях и осуществлять их внедрение, обеспечивать эффективную обратную связь с изобретателями. Этот пример и в современных условиях подчеркивает важность квалифицированного труда как основного ресурса для успешного внедрения инноваций, завоевания и удержания технологического лидерства.

Современному этапу развития общества соответствует четвертая промышленная революция, создающая мир, в котором виртуальные и физические системы производства гибко взаимодействуют между собой на глобальном уровне [Шваб, 2017: 16], при этом одновременно возникают волны прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах, до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений [Шваб, 2017: 17].

Таким образом, НТР отличает системный характер изменений и дискретность. Технологические революции обеспечивают «дискретный скачок» – «переход через неустойчивый период из одного относительно устойчивого состояния системы экономики в другое, более развитое, чем предыдущее» [Родионов, 2012: 13]. В регуляторной плоскости НТР обнажает кризисные явления, обозначает потребность в генерации новых смыслов и концепций правового регулирования, что в итоге приводит к парадигмальным сдвигам.

Категория «технологический уклад» основывается на понятии цикличности в экономике, сформулированном выдающимся отечественным экономистом Н. Д. Кондратьевым. В современной экономической литературе выделяют структурно-функциональный (Б. Карлссон, Р. Станкевич), факторный (В. И. Белоусов, А. В. Белоусов), воспроизводственный (И. В. Липсиц, А. А. Нещадин), системный (С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов, В. И. Маевский, Й. Шумпетер, Ю. В. Яковец, Р. М. Нижегородцев, К. Перес) подходы к пониманию технологического уклада [Аверина, 2021: 53–55].

На наш взгляд, наиболее масштабно категория технологического уклада рассматривается в рамках системного подхода. В. М. Авербух технологический уклад (волну) определяет как совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства [Авербух, 2010: 159]. Ученый отмечает, что переход от более низких укладов к более высоким, прогрессивным происходит в связи с научным и технико-технологическим прогрессом.

С. Ю. Глазьев под технологическим укладом предлагает понимать группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включая добычу и получе-

ние первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления [Глазьев, 2020: 16]. Это определение учитывает не только технологии, которые лежат в основе того или иного технологического уклада, но и производственные системы, которые эти технологии используют.

В. В. Глущенко предлагает одну из наиболее широких трактовок технологического уклада как комплексного объединения технологий производственной и финансовой деятельности, характерных обычаев делового оборота, процедур осуществления бизнеса, моделей управления в обществе и производстве, социально-производственных отношений на определенном этапе их исторического, социального, экономического, технологического и культурного развития [Глущенко, 2020]. Ученый делает акцент не только на технологическую, производственную, но и на институциональную составляющую и допускает, что технологический уклад может быть признан ядром социально-экономических отношений на конкретном этапе развития общества.

В настоящее время экономическая наука выделяет шесть технологических укладов (седьмой гипотетически прогнозируется). В основу шестого технологического уклада входит комплекс нано-, биоинженерных и аддитивных технологий, которые, наряду с информационно-коммуникационными и когнитивными технологиями составляют ключевой фактор роста нового технологического уклада.

Переход к шестому технологическому укладу, свидетелями и участниками которого мы являемся, во-первых, «совершается через очередную НТР, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики»; во-вторых, усложняется параллельной сменой мирохозяйственного уклада: от имперского к интегральному. Американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским [Глазьев, 2022: 95]. Современное положение России характеризуется тем, что она, унаследовав от СССР технологически многоукладную экономику, после его распада испытала последствия стихийной деиндустриализации и переместилась на сырьевую периферию имперского мирохозяйственного уклада [Глазьев и др., 2020: 157].

Таким образом, с определенной долей упрощения можно предложить следующее соотношение понятий «научно-технический прогресс», «научно-техническая революция» и «технологический уклад»: если НТП представляет собой поступательное эволюционное развитие техники, технологии, приращение научного знания в отдельных областях или отраслях промышленности, то НТР связана с появлением прорывных научных открытий и технологий, коренным образом преобразующих все сферы жизни общества; это неустойчивый период скачкообразных и системных изменений, в результате которых происходит смена технологического уклада.

Революционные изменения, которые несет в себе НТР, становятся базисными для нового нарождающегося технологического уклада. Возможно, поэтому вызовы четвертой НТР и нового технологического уклада, обозначаемые в научной литературе, во многом отражают и дополняют друг друга.

К. Шваб характеризует неравенство как системный вызов четвертой промышленной революции: ее главными выгодоприобретателями являются поставщики интеллектуального или физического капитала – изобретатели, инвесторы, акционеры, что объясняет растущий разрыв в благосостоянии между теми, кто живет результатами собственного труда, и теми, кто владеет капиталом [Шваб, 2017: 23].

Неравенство, провоцируемое четвертой НТР, можно увидеть и в углублении социально-экономической «пропасти» между технологически развитыми, влиятель-

ными государствами и так называемыми странами «третьего мира»; и в нарастании неравенства среди уязвимых групп работников, в том числе гендерного неравенства в сфере труда, что объясняет интерес исследователей к этой проблематике [Рязанцева, 2017].

В числе прочих вызовов четвертой НТР и шестого технологического уклада, имеющих непосредственное влияние на трудовое правоотношение и социально-обеспечительные правоотношения, отметим следующие:

1) распространение нетипичных форм занятости (включая платформенную занятость [Головина, Лютов, 2022: 246–251]), что приводит к сужению сферы применения трудового правоотношения, предусматривающего для работников трудовые права и гарантии и возможность их защиты;

2) автоматизация и роботизация рутинного (шаблонного) труда [Лушников, Лушникова, 2019: 4] и, как следствие, массовое высвобождение людей, занятых таким трудом как в материальном производстве, так и в сфере услуг [Глазьев, 2020: 30]; уничтожение искусственным интеллектом рабочих мест без создания новых, возрастание конкуренции среди оставшихся работников и снижение их оплаты труда [Ли, Цюфань, 2022: 345] (но еще более болезненной будет ситуация, когда, проиграв конкуренцию роботам, люди могут начать сомневаться в человеческой ценности и смысле жизни);

3) алгоритмическое управление [Руз, 2021: 76–81] на рабочих местах (когда человеком руководит искусственный алгоритм);

4) появление нового класса – прекариата, характеризующегося нестабильным положением [Лушников, Лушникова, 2019: 5]; превращение общества в кастовую «социальную пирамиду», состоящую из богатой «верхушки», прослойки работников, обладающих широким спектром навыков и занятых стратегическим планированием; креативного класса и самого большого этажа этой пирамиды – беспомощных масс на грани выживания [Ли, Цюфань, 2022: 345];

5) растущая доля свободного времени вследствие высвобождения людей из трудоемких сфер деятельности [Глазьев, 2022: 113] и проблема предоставления людям, чьи рабочие места исчезли благодаря роботизации и системам искусственного интеллекта, «гарантированного минимума» (безусловного базового дохода) [Лушников, Лушникова, 2018: 61; Ли, Цюфань, 2022: 345–346] и (или) возможности переобучения;

6) усложнение структуры и качественного содержания человеческого капитала [Глазьев и др., 2020: 141], предъявление новых требований к человеческому потенциалу для формирования человеческого капитала в условиях интегрального мирохозяйственного уклада [Глазьев и др., 2020: 147];

7) размывание социальных групп, основанных на физическом ощущении солидарности [Глазьев, 2020: 30] из-за разобщения людей, предпочитающих виртуальное пространство реальному миру, в силу алгоритмического контроля и других причин; необходимость выстраивания новых моделей и способов коммуникации для защиты коллективных трудовых прав в условиях платформенной экономики;

8) эрозия ценностей труда и снижение социальной сплоченности, значительные риски материальной необеспеченности по ряду причин: в связи с утратой рабочего места, трудоспособности из-за болезней, инвалидности, старости, безработицы [Роик, 2018: 107].

По мере разворачивания целостной картины преобразований, обусловленных четвертой НТР и новым технологическим укладом, вызовы будут видоизменяться, появятся новые, но их значимость для сторон трудового правоотношения и социально-обеспечительных отношений никогда не будет одинакова.

Риски утраты работы и стабильного заработка, ухудшение качества трудовой жизни [Кучина, 2025], перспектива пополнить ряды прекариата напрямую затрагивают интересы работников. Бизнес-сообщество может считать ключевыми проблемы отсутствия достаточного количества квалифицированных кадров, требовать либерализации трудового и социально-обеспечительного законодательства для снижения фискальной нагрузки, беспрепятственной автоматизации производства, в том числе посредством систем искусственного интеллекта.

Задача государства в этих условиях кратно усложняется: не допустить дисбаланса, поддерживать хрупкое динамическое равновесие производственной и социальной функций трудового права для достижения и сохранения технологического лидерства, особенно во время перехода к новому технологическому укладу.

Указанная проблематика, особенно в контексте цифровизации, активно обсуждается учеными и практиками на протяжении двух десятков лет (как минимум). Обзор ключевых на данный момент направлений трансформации трудового и социально-обеспечительных отношений, а также контуры намечающихся регуляторных траекторий – в следующих разделах.

Трансформация трудового правоотношения: в поисках компромисса социальной и производственной функций трудового права для обеспечения технологического лидерства

Сквозные технологии и их синтез дают резкий рост инноваций не только в сфере информационных технологий, но и во многих других отраслях: промышленное производство, медицина, образование, торговля, логистика. Технологическое развитие предопределяет появление новых моделей коммуникации, в том числе в бизнесе. Отмечается переход от вертикально-интегрированных транснациональных корпораций к сетевым структурам организации бизнеса, в частности цифровым платформам.

Цифровые платформы определяются в документах Международной организации труда (МОТ), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) прежде всего как посредники, цифровые интерфейсы или компании-операторы, которые связывают между собой поставщиков соответствующих товаров или услуг и их заказчиков[2]. Находясь в центре их взаимодействия, платформы получили возможность эффективно монополизировать, извлекать, анализировать и использовать растущие объемы регистрируемых данных [Срничек, 2021: 41].

В числе преимуществ данной модели для бизнеса – сведение практически к нулю транзакционных издержек [Макафи, Бриньолфсон, 2019: 124], снижение роли географических, временных и иных факторов, влияющих на социально-экономические процессы, институты, явления [Гелисханов, Юдина, Бабкин, 2018: 23–24], «сетевой эффект» (чем больше пользователей у платформы, тем более ценной она становится для всех остальных) [Срничек, 2021: 43], использование алгоритмов для сокращения транзакционных издержек, коррекции цен, прогнозирования поведения потребителей и заказчиков с целью направления персонализированных предложений[3] и др.

Для потребителей выгоды цифровых платформ также очевидны: простой доступ к сервисам платформы и максимально «дружелюбный» интерфейс, доступность широкого ассортимента товаров, работ и услуг как внутри страны, так и за рубежом, доставка в любую точку, где присутствует цифровая платформа, в том числе рядом с домом, возможность сравнивать цены и выбирать поставщика по его рей-

[2] Обеспечение достойного труда в платформенной экономике: доклад V (1). Международная конференция труда, 113-я сессия, 2005 г. С. 13.

[3] Там же. С. 16.

тингу и иным параметрам, мультипликационный эффект от нескольких сервисов, которые одновременно может предоставить пользователю одна платформа, и т. д.

Среди цифровых платформ в контексте настоящего исследования представляют интерес цифровые трудовые платформы (*digital labor platforms*), количество которых стремительно выросло со 193 в 2010 г. до 1070 в 2023 г.[4]

В типологии цифровых трудовых платформ получила распространение классификация в зависимости от локализации труда: платформы локального труда (платформы с привязкой к местности) и платформы удаленного труда (онлайн-платформы)[5].

По критерию трудовой автономии (границ, в пределах которых работник может самостоятельно определять содержание и процесс своего труда) А. В. Шевчук конструирует два идеальных типа платформ: «маркетплейс» и «теневая корпорация». Первый тип отличается большей свободой контрагентов коммуницировать, выбирать друг друга, обсуждать цены, выстраивать личный бренд, конкурировать между собой. Тем не менее платформа-«маркетплейс» остается структурированным пространством, в котором взаимодействие происходит в рамках установленных правил. Системы управленческого контроля на таких платформах завуалированы под рыночные сделки; контрагенты, взаимодействующие на платформе – «теневой корпорации», утрачивают контроль над ключевыми параметрами взаимодействия [Шевчук, 2020: 41–42]. Платформами локального труда, организованными по типу «теневой корпорации», являются, например, агрегаторы такси, платформы, предоставляющие услуги доставки еды (или их гибриды); по принципу цифровых платформ удаленного труда – «маркетплейсов» организованы биржи для фрилансеров и др.

Таким образом, существенные различия в «архитектуре» указанных типов цифровых трудовых платформ позволяют поддержать тезис О. В. Чесалиной о том, что использование унифицированного подхода ко всем типам платформенного труда невозможно [Chesalina, 2020: 153].

Поскольку феномен платформенной занятости, ее правовая природа, а также законодательные инициативы зарубежных стран уже были предметом фундаментальных исследований [Головина, Лютов, 2022: 246–271], сделаем лишь несколько общих «штрихов к регуляторному портрету» российских цифровых трудовых платформ на современном этапе.

Приходится констатировать, что российский законодатель воспринял цивилистическую модель регулирования платформенного труда, что подтверждается следующими примерами.

В ст. 12 Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» в числе требований к водителю легкового такси указаны: заключение трудового договора с перевозчиком, либо наличие статуса индивидуального предпринимателя, либо наличие разрешения. Такая инвариантная формулировка свидетельствует о возможном, но совершенно необязательном наличии трудового правоотношения с водителем легкового такси.

Данный подход законодателя, а также сама процедура обсуждения законопроекта без привлечения профсоюза и профильного комитета Государственной Думы, подвергается критике в научной литературе [Лютов, Черных, 2023: 138].

Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», регламентирую-

[4] Обеспечение достойного труда в платформенной экономике. С. 18.

[5] Там же. С. 18.

щий работу маркетплейсов, агрегаторов, соединяющих продавцов с покупателями, и владельцев пунктов выдачи заказов (вступает в силу с 1 октября 2026 г., далее – Федеральный закон № 289-ФЗ), в ст. 15 прямо ориентирует на заключение с партнерами-исполнителями (индивидуальными предпринимателями (ИП) или самозанятыми) гражданско-правовых договоров при условии соответствия определенным требованиям, в частности:

выполнение заказа (конкретной работы / оказание услуги) осуществляется за вознаграждение в рамках каждого заказа отдельно, при этом исключается признак соблюдения исполнителем правил внутреннего трудового распорядка оператора или пользователя-заказчика;

не допускается выполнение дополнительных работ, оказание дополнительных услуг, не указанных в заказе;

выполнение работ не предусматривает привлечения третьих лиц, а также предоставления исполнителю дополнительных социальных гарантий за счет оператора и (или) пользователя-заказчика, если иное не предусмотрено Федеральным законом № 289-ФЗ, а также исключает предоставление исполнителю еженедельных выходных дней и отпуска, предусмотренных трудовым законодательством, хотя и не ограничивает исполнителя в использовании перерывов в работе и времени для отдыха. Возникает стойкое убеждение: данные критерии конструировались «от обратного», чтобы формально не допустить ни малейшего намека на трудовое правоотношение.

Таким образом, в складывающейся регуляторной парадигме цифровые трудовые платформы (прежде всего, платформы локального труда) «ускользают» от работодательской ответственности и связанного с ней налогового бремени, перекладывая социальные риски и на контрагента – физическое лицо, и опосредованно на государство. Труд граждан на таких платформах *de facto* может быть неотличим от выполнения работником трудовой функции. Однако, зарегистрировавшись как ИП или самозанятые на платформах, *de jure* они работниками признаны не будут.

Отметим еще один нюанс: переквалификация гражданско-правового договора на трудовой договор в соответствии со ст. 19.1 ТК РФ, которая достаточно активно применяется государственными органами при выявлении случаев фиктивной самозанятости[6], «угрожает» в первую очередь «стандартным» организациям-работодателям.

В связи с этим законодательные инициативы, имеющие целью внесение изменений в ст. 15 ТК РФ для дополнения ее новыми признаками трудового правоотношения[7], на наш взгляд, не будут иметь ожидаемого эффекта, как минимум, по двум причинам:

цифровые трудовые платформы, наращивающие использование труда, от рисков переквалификации будут защищены;

расширенный перечень критериев для разграничения гражданско-правового отношения и трудового правоотношения уже применяется судами (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 18 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям»).

В отличие от платформ локального труда, правовое регулирование дистанционной занятости на онлайн-платформах еще предстоит разработать [Мингалева,

[6] См., например: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 апреля 2024 г. по делу № А71-2407/2023; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 марта 2024 г. по делу № А53-18339/2023.

[7] Минтруд намерен ужесточить контроль за подменой трудовых отношений договорами ГПХ. URL: https://iossro37.ru/news/mintrud-nameren-uzhestochit-kontrol-za-podmenoy-trudovykh-otnosheniy-dogovorami-gpkh/ (дата обращения: 01.04.2026).

Шуралева 2021: 112]. Заключение гражданско-правовых договоров далеко не всегда отражает фактически зависимое положение исполнителей, выполняющих работу с помощью платформ. Эксперты полагают возможным применить к этим отношениям Конвенцию МОТ № 177 о надомном труде и отмечают сходство надомного труда и работы на цифровой платформе (разделение задач на небольшие части, работа в помещениях, не подконтрольных работодателю, стирание границ между рабочим временем и временем отдыха, вознаграждение и др.)[8]. Ситуация осложняется трансграничным характером деятельности платформ. Оптимальным вариантом гармонизации правового регулирования в текущих условиях противостояния на международной арене может быть разработка договоров и соглашений на уровне межгосударственных объединений.

Отечественное трудовое законодательство на данный момент не используется для регулирования труда на онлайн-платформах несмотря на то, что система норм о дистанционной (удаленной) работе успешно развивается. Однако тенденция дальнейшей платформизации может подорвать их эффективность.

Внедрение онлайн-платформами отдельных практик взаимодействия в отношении исполнителей (отбор и предварительная оценка деловых качеств исполнителей, рейтингование, алгоритмы распределения заказов и др.) могут свидетельствовать о постепенном сближении этих функций с полномочиями работодателя в трудовых отношениях; следовательно, возможность распространения на исполнителей хотя бы отдельных блоков прав и гарантий, которыми наделены дистанционные работники, не противоречит существу данных отношений.

Таким образом, экспериментальный статус плательщика налога на профессиональный доход открывает возможности легального привлечения дешевого труда для работы на цифровых трудовых платформах (напрашивается историческая аналогия с притоком на фабрики безземельных крестьян в результате отмены крепостного права в 1861 г.), но оставляет открытым «платформенный вопрос»: какое будущее ожидает людей, лишенных доступа не только к трудовым, но и к социально-обеспечительным правам и гарантиям?

Вопрос отнюдь не праздный, поскольку платформизация экономики [Андрущук, Длусская, Мальсагова, 2023] охватывает все новые сферы, включая научные исследования. Так, существуют специализированные платформы для размещения (поиска) заказов на проведение НИОКР, создания портфолио научных работников и более эффективного формирования научных коллективов (Science-ID, CoLab.ws), для продвижения отечественного оборудования и материалов для научных исследований (НАША ЛАБА), а также решения ряда иных задач. Их использование отличается тем, что вся инфраструктура формируется на базе платформы-посредника. Не отрицая важности различных форм привлечения научных и педагогических работников к НИОКР, отметим, что трудовое правоотношение должно все же оставаться основной формой привлечения к труду, а получение заказов посредством платформ – хоть и значимым, но дополнительным источником финансирования научных проектов.

Помимо рисков сужения сферы применения трудового правоотношения и разрастания прекарной занятости, переход к новому технологическому укладу влияет на трансформацию трудового правоотношения «изнутри». Обозначим некоторые ее направления.

Происходит изменение пространственных параметров выполнения трудовой функции: барьер государственных границ и расстояний успешно преодолевается

[8] Promoting employment and decent work in a changing landscape. Report of the Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations (articles 19, 22 and 35 of the Constitution). Report III (Part B). 2020. P. 234.

с помощью внедрения дистанционной (удаленной) работы, на очереди – взаимопроникновение реального и виртуального миров. По мнению И. А. Филиповой, прогнозируемое развитие метавселенных повлечет их экспансию в сфере труда [Филипова, 2023: 64].

Использование технологий искусственного интеллекта в процессе организации труда, а также коллаборации работника-человека с роботами, ИИ-агентами приводит к новому представлению о содержании и сущности труда, трудовой функции, субъектном составе правоотношения. К. Л. Томашевский и И. А. Филипова, обосновывая концепцию цифрового трудового правоотношения, полагают что его субъектами смогут выступать не только традиционные работник и работодатель, но и цифровой работник либо цифровой работодатель [Томашевский, Филипова, 2025: 134–136]. Признавая оригинальность высказанных суждений, думаем все же, что наделение правосубъектностью цифрового двойника (какой-либо иной имитации работника / работодателя в виртуальной среде), а равно ИИ-агента требует серьезного обоснования. Полагаем, что на данном этапе развития информационных технологий программы подобного рода являются инструментами, но не самостоятельными субъектами правоотношений.

Представляет интерес выделяемая Н. В. Черных и Д. И. Воронцовым концепция технотруда как формы трудовой деятельности, в которой работник выполняет задачи в тесном взаимодействии с цифровыми и автономными технологиями [Черных, Воронцов, 2025: 99]. Одним из проблемных аспектов является вопрос распределения ответственности за действия, совершенные с помощью указанных технологий.

Алгоритмический контроль на основе сбора и анализа данных о деятельности работника (производительность сотрудника, его перемещение в пространстве, рабочая активность, биометрические данные и т. д.) не просто является инструментом повышения эффективности управления трудом, но порождает комплекс правовых и этических проблем, включая новый уровень дискриминации, риски непрозрачности кадровых решений («black box»), когда работник или соискатель не обладает информацией об установленных критериях оценки своей деятельности, а работодатель не всегда может предсказать логику принятия ИИ решений.

Возможность организации постоянного наблюдения за работником, который находится с работодателем на связи в рабочее время и даже вне его, ставит вопрос об обеспечении права на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении [Шуралева, 2022; Серова, Щербакова, 2023]. Следует согласиться с тезисом С. Ю. Головиной об отставании трудового законодательства от сегодняшних потребностей в части регламентации использования ИИ при цифровом профилировании работников [Головина, 2025: 109]. Видится правильной постановка вопроса о цифровом суверенитете работника, который сейчас во многом лишен возможности контролировать массив данных, аккумулируемых и формируемых работодателем о работнике в период трудового правоотношения.

В области безопасности и охраны труда намечается трансформация подхода к правовому регулированию охраны труда [Головина, Щербакова, 2022], в том числе с учетом влияния психоэмоциальных факторов, а в конечном счете – ориентации на обеспечение качества трудовой жизни.

Полагаем, что это далеко не полный перечень вопросов, актуальных не только в национальном, но и в мировом масштабе, для государств, находящихся на разных этапах перехода к новому технологическому укладу. Принимаемые на уровне трудового законодательства и правоприменительной практики решения не всегда отвечают критерию системности, имеют точечный характер. Кризисные явления,

нарастание правовой энтропии позволяют ученым говорить о необходимости смены парадигмы трудового права [Иванчина, 2023: 20]. В связи с этим исследование направлений трансформации трудового правоотношения, ее тенденций, закономерностей и взаимосвязей с иными процессами будет сохранять актуальность.

Трансформация социально-обеспечительных отношений в целях сохранения социальной солидарности и достижения социальной сплоченности общества

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу, изменение технологического уклада влияют не только на сферу занятости, но и на систему социального обеспечения. Массовое замещение работников самозанятыми (от 0,8 % самозанятых в соотношении с наемными работниками в 2020 г. до 24,2 % в 2026 г. [Соловьев, 2025: 31–32]) лишает устойчивости материальную основу системы обязательного социального страхования. Результатом этого станет отсутствие защиты от важнейших социальных рисков у тех, кто в данных системах не застрахован. Отказ от солидарности в пользу индивидуализма может привести к ослаблению и самих систем, увеличению дефицита их финансирования. В результате даже тот работник, на которого работодатель производит необходимые отчисления, не сможет получить адекватного возмещения в старости.

Еще одно важнейшее изменение в сфере занятости, происходящее под влиянием инноваций, заключается в уменьшении доли «простых» рабочих мест в пользу новых, более сложных и технологичных. Однако это нельзя считать замещением в полном смысле слова, поскольку количество «новых» рабочих мест априори меньше. Новые рабочие места требуют от работника более высокой квалификации, гибкости в организации труда, готовности постоянно повышать профессиональный уровень, нередко сопряжены с частой сменой работы и периодами незанятости, такие рабочие места не могут быть массовыми. Какие сложности это создает для системы социального обеспечения? Во-первых, существенная часть населения, оказавшаяся вследствие развития новых технологий и искусственного интеллекта без работы (постоянно или временно), будет нуждаться в социальной поддержке. Во-вторых, между этим населением и работниками, занятыми в технологичном секторе, будет усиливаться разрыв по ряду важных параметров: заработная плата и доходы в целом, длительность трудовой деятельности, специфика ее организации, удовлетворенность полнотой социальной реализации. В. Д. Роик справедливо писал по этому поводу, что усредненные вероятностные характеристики социальных рисков, применимые к массовым индустриальным видам профессиональной деятельности, к новым формам организации труда не подходят. Узкоспециализированный труд требует более точного учета специфики рисков профессиональной деятельности и, как следствие, индивидуализации форм социальной защиты. Постепенно это может привести к отказу от «культуры солидарности», традиционной для системы социального обеспечения [Роик, 2019: 286–287].

Нет сомнений, что обозначенные перемены повлекут значительное увеличение бюджетных расходов на социальное обеспечение, но приведут ли они к повышению уровня социальной защиты граждан? Многие государства сейчас ищут пути трансформации своих систем социального обеспечения с тем, чтобы ответ на этот вопрос был положительным.

Российская система социального обеспечения также сталкивается с вызовами, обусловленными трансформацией структуры занятости и внедрением современных технологий, она меняется. Необходимо, чтобы эти изменения опирались на

четкий ориентир в виде конституционного положения о социальности российского государства, и очень важно, чтобы происходящий отход от всеобщего участия работников в единой системе обязательного социального страхования не привел к отказу от принципа социальной солидарности вообще.

Социальное страхование, основанное на социальной солидарности, продолжает оставаться одним из выдающихся достижений человечества, его потенциал далеко не исчерпан. Ю. В. Воронин справедливо отмечает, что национальные системы социального обеспечения должны базироваться на механизмах социального перераспределения средств. В этом и заключается идеология социальной солидарности, противоположная идеологии индивидуального эгоизма. На этом основана концепция социального мира, исключающая социальные потрясения в обществе [Габов, Путило, 2015].

Думается, что независимо от вида договора о труде и от налогового статуса, каждому работающему россиянину должно быть предоставлено право участия в системе обязательного социального страхования, в особенности пенсионного. Работники вправе сами решать, получать им в старости социальную или страховую пенсию. Надо дать им возможность самостоятельно определять размер платежа, но взамен установить порядок, при котором страховая пенсия им будет устанавливаться в размере, эквивалентном перечисленным взносам. Пенсионная система от такого решения только выиграет [Захаров, Воронин, 2017: 56; авторы параграфа – Ю. В. Воронин, А. Л. Сафонов].

Наряду с укреплением системы обязательного социального страхования, нельзя упускать из внимания и другую тенденцию – рост числа незанятых либо эпизодически занятых трудовой деятельностью лиц ввиду изменения технологического уклада, получившую название «технологическая безработица» [Жаворонков, 2019: 109]. Возможно, пока эта тенденция проявлена в России в меньшей степени, чем в технологически развитых странах. Например, к середине 2025 г. плотность роботизации в России была в 2,5–3 раза ниже мирового среднего уровня и в 15–20 раз ниже Южной Кореи – мирового лидера по количеству роботов на 10 000 работников[9]. Тем не менее перспективы дальнейшего движения в этом направлении очевидны, они угрожают отсутствием работы и доступа к социальному страхованию для все большего числа россиян.

Чем можно ответить на этот вызов, имеющий глобальный характер? На рубеже XX–XXI столетий в странах Европы, а затем и за ее пределами получила развитие концепция безусловного базового дохода (ББД, также: универсальный базовый доход (UBI)), основанная на целесообразности выплаты определенной суммы каждому члену общества вне зависимости от уровня дохода и наличия трудовой деятельности. В 1986 г. появилась Европейская сеть базового дохода, позднее преобразованная во Всемирную сеть базового дохода (*Basic Income Earth Network – BIEN*). Эта международная сеть координирует исследования и эксперименты в области базового дохода[10].

Отношение к концепции ББД среди исследователей различается от абсолютной ее поддержки до признания утопической [Parijs, 2013]. Неоднозначные оценки высказывают и российские ученые [Бобков, 2023; Филипова, Стешина, 2024], при этом юридическая наука – скорее осторожные. В частности, ученые отмечают такие ри-

[9] Progress is underway: how has Russia progressed in the field of industrial robotics // Известия. 2025. 15 июня. URL: https://en.iz.ru/en/1903790/maksim-bazanov/progress-underway-how-has-russia-progressed-field-industrial-robotic (дата обращения: 25.03.2026).

[10] Сайт BIEN. URL: https://basicincome.org/ (дата обращения: 27.03.2026).

ски от введения ББД, как: невозможность реализовать принцип дифференциации социального обеспечения в зависимости от трудового вклада, причин нуждаемости и иных социально значимых обстоятельств; отрицательное влияние на мотивацию к труду, поскольку ББД не связан с результатами труда и не решает задачу наиболее полной компенсации утраченного заработка; невыполнение минимальных стандартов социального обеспечения, установленных конвенциями МОТ и гарантирующих определенный размер пенсий и пособий по отношению к утраченному заработку [Жаворонков, 2019: 114].

В российской системе социального обеспечения есть нечто похожее на базовый доход (хотя он и не в полной мере безусловный) – это система детских пособий, которая является базовым доходом для родителей и иных законных представителей детей. Перспективы более широкого использования данной концепции в России пока представляются нереалистичными. И причина не только в ее высокой затратности, но и в негативных культурологических последствиях, поскольку она превращает трудящихся в рантье и влечет риски концептуального изменения мышления человека [Саввина, Степанова, 2018; Шипилов, 2018]. Возможно, именно поэтому МОТ не продвигает идею безусловного базового дохода как таковую, а оценивает ее через призму существующих стандартов социального обеспечения.

Рекомендация МОТ № 202 (2012) о минимальных уровнях социальной защиты закрепляет положение о том, что такой минимальный уровень должен включать, по меньшей мере, следующие основные гарантии социального обеспечения: важнейшие медицинские услуги, гарантии дохода для детей, для трудоспособных лиц, не способных зарабатывать достаточный доход, а также для пожилых людей, позволяющие им жить с достоинством. На первый взгляд, это положение перекликается с идеей ББД, но по сути оно говорит о другом: соблюдение минимальных уровней социальной защиты – это стратегия расширения сферы охвата социального обеспечения, которая последовательно гарантирует более высокие уровни социального обеспечения для максимально широких слоев населения с учетом существующих норм, в частности Конвенции МОТ № 102[11].

В завершение необходимо упомянуть о еще одном очень серьезном факторе, который определяет социальную политику экономически развитых стран, как минимум, последние 30 лет. Он связан с ростом продолжительности жизни и, как следствие, с увеличением доли лиц старшего возраста, нуждающихся в дорогостоящих лекарствах и длительном уходе. Пусть неочевидно, но данная тенденция также связана с переходом к постиндустриальному обществу и НТР. В значительной мере именно развитие технологий, вследствие которого произошло замещение массового физического труда умственным, улучшение техники безопасности и охраны труда позволяют людям сохранять здоровье и жить дольше. Но эта, безусловно положительная тенденция имеет побочный эффект в виде «старения населения». Как известно, данный феномен выражается в увеличении доли лиц старших возрастов в общей структуре населения.

В последние десятилетия XX в. старение населения оказалось вызовом для экономически развитых государств, а позднее – и для большинства других стран. В сфере труда старение населения потребовало пересмотра политики занятости в отношении лиц пожилого возраста, поиска баланса между занятостью старших возрастных групп и молодежи. В сфере права социального обеспечения возникли гораздо

[11] Социальное обеспечение для всех: стратегия Международной организации труда; создание минимальных уровней социальной защиты и всеобщих систем социального обеспечения. Краткое описание / Международная организация труда; Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МБТ, 2013. С. 76.

более серьезные вопросы, в первую очередь связанные с обеспечением пожилым людям эффективного долговременного ухода и повышением уровня их материального обеспечения, позволяющего вести достойный образ жизни.

На важность создания системы долговременного ухода в отечественной науке одним из первых обратил внимание В. Д. Роик. Уважаемый ученый более 15 лет назад писал о важности развития этого направления как альтернативы традиционному социальному обслуживанию [Роик, 2012; Роик, 2013]. Среди прочего, для развития системы долговременного ухода В. Д. Роик предлагал ввести специальное страхование на случай старости (гериатрическое страхование как часть комплексной модели с медицинским и пенсионным) и системы гериатрического ухода для оценки рисков и планирования жизни в старости [Роик, 2015; Роик, 2014]. Финансовую основу данного вида страхования ученый определял как смешанную, с участием не только государства и работодателей, но и работников. Перспективы введения такого вида страхования в России пока не обсуждаются, но понятие «долговременный уход» уже уверенно вошло в научный и практический дискурс.

Главным законодательным толчком к этому стала задача увеличения ожидаемой продолжительности жизни россиян и увеличение ожидаемой здоровой жизни как одна из национальных целей развития Российской Федерации[12]. Достижение этой цели требует комплексных мер, которые вначале были апробированы в ряде субъектов РФ в качестве пилотного проекта, а позднее воплотились в типовой модели долговременного ухода[13], распространив действие на всю территорию страны.

В работах на эту тему говорится, что в 2024 г. в субъектах РФ практически были созданы системы долговременного ухода, которые предоставляют социальные и медицинские услуги в стационарной, полустационарной форме и на дому, с привлечением патронажных служб и сиделок, а также иные услуги [Сергеева, Максимова, 2025]. В связи с этим возникает важный для права социального обеспечения вопрос о том, следует ли рассматривать систему долговременного ухода как новый вид услуг в рамках социального обслуживания или это самостоятельное правовое явление.

Однозначного ответа на этот вопрос нет. Однако специалисты в сфере права социального обеспечения отмечают не только понятийную близость данной категории к традиционному для отрасли понятию «постоянный посторонний уход», но и делают выводы о том, что данные правовые явления совпадают по своей сути, модель долговременного ухода отражает недочеты, свойственные действующим правоотношениям в сфере социального обслуживания [Маматказин, 2025]. Уверены, что максимально точное определение сущности правового явления обеспечивает эффективность правового регулирования и целесообразное использование финансовых средств. Ведь уже в ближайшее время расходы бюджета на социальное обеспечение пожилых граждан, включая пенсионное, медицинское и по уходу, могут стать крайне высокими.

Выводы

Воспроизводство человеческого и интеллектуального капитала с точки зрения системного подхода выступает подсистемой технологического уклада, поэтому при смене укладов меняется не только количественная оценка человеческого капитала,

[12] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (утратил силу).

[13] О реализации в Российской Федерации в 2025 г. Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе: приказ Минтруда России от 27 декабря 2024 г. № 732.

но и его качественное содержание, усложняется структура [Глазьев и др., 2020: 141]. Следовательно, смена технологических укладов, происходящая в настоящее время, не может обойти стороной правовое регулирование труда, занятости и социального обеспечения, функционально взаимоувязанных между собой.

Учитывая сохраняющуюся многоукладность отечественной экономики, а также протяженный характер перехода от одного экономического уклада к другому (не «в одночасье»), полагаем, что многие институты «классического» трудового права индустриальной эпохи определенное время будут существовать параллельно с новыми явлениями.

Однако верно и то, что нельзя «вливать новое вино в старые меха», а значит, поиск новых регуляторных моделей необходим. Для трудового правоотношения новыми вызовами являются, прежде всего, технологические факторы (технологии искусственного интеллекта, коллаборации человека и робота, конвергенция виртуальной среды и физического мира, возможность тотального «погружения» и длительного пребывания в виртуальном мире с перспективой переноса туда своих интересов, ценностей, приоритетов), а также социальные факторы (прекаризация общества за счет исключения значительного числа людей из сферы трудового права и права социального обеспечения без предоставления какого-либо эквивалента).

Так, в вопросе правового регулирования труда, используемого цифровыми трудовыми платформами, пока торжествует либеральный подход: гражданско-правовые договоры с исполнителями в статусе самозанятых или ИП, отсутствие социальных гарантий за счет оператора и (или) пользователя-заказчика, если иное не предусмотрено Федеральным законом № 289-ФЗ, и т. д.

Не нужно обладать даром предвидения, чтобы понять: такая модель правового регулирования, помноженная на «экспериментальный» (неопределенный) статус самозанятых в сфере социального обеспечения, приведет массу людей в разряд прекариев.

Баланс между гибкостью рынка труда, которую дают цифровые платформы, и социальной защищенностью человека, которую обязано гарантировать государство, является ключевым вопросом, от которого зависит в том числе безопасность и технологическое лидерство страны. Важен антропоцентрический подход, при котором алгоритмы служат человеку, а не порабощают его, социальные гарантии не зависят от юридической формы договора. Подчеркнем эту мысль: достижение технологического лидерства плохо сочетается с бесправным и второсортным положением человека труда.

В заключение важно отметить, что вопросы старения населения имеют глобальный характер и высокую социальную значимость. Поиск решения не должен ограничиваться только сферой экономики и права, хотя и зависит от них в первую очередь. Государству нельзя забывать и про гуманистическую сторону проблемы: необходимость изменения отношения к пожилым людям в обществе, формирование концепции «общества для всех возрастов», воспитание толерантности. Если эти ориентиры станут приоритетными для российского социума и власти, то достижение высокого качества трудовой жизни и социальная сплоченность общества станут реальностью.

Библиографический список

Chesalina O. Platform Work as a New Form of Employment: Implications for Labor and Social Law // New Forms of Employment: Current Problems and Future Challenges. – Wiesbaden: Springer, 2020. – P. 153–167.

Parijs Ph. Van. The Universal Basic Income: Why Utopian Thinking Matters, and How Sociologists Can Contribute to It // Politics & Society. – 2013. – Vol. 41 (2). – P. 171–182. – DOI: 10.1177/0032329213483106. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0032329213483106 (дата обращения: 21.03.2026).

Авербух В. М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 71. – С. 159–166.

Аверина И. С. Промышленная революция и технологический уклад: сущностные характеристики, сходства и отличительные черты // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2021. – Т. 23. – № 1. – С. 52–63.

Андрущук В. В., Длусская В. В., Мальсагова Р. Г. Платформизация как неизбежный процесс становления цифровой экономики России // Экономика строительства. – 2023. – № 4. – С. 56–62.

Бобков В. Н. Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14. – №4. – С. 18–37.

Воронцов С. Г. Роль трудового права в обеспечении прогресса научного творчества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Пермь, 2007. – 20 с.

Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2018. – Т. 11. – № 6. – С. 22–36.

Глазьев С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 93–115.

Глазьев С. Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2 (64). – С. 15–32.

Глущенко В. В. Научная теория технологических укладов и ее применение в управлении социально-экономическим развитием // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 2. – URL: http://web.snauka.ru/issues/2020/02/91454 (дата обращения: 30.03.2026).

Головина С. Ю. Применение технологии искусственного интеллекта при формировании цифрового профиля работника // Бизнес, менеджмент и право. – 2025. – № 4 (68). – С. 104–109.

Головина С. Ю., Щербакова О. В. Новая эра в охране труда работников: безопасная и здоровая среда как одна из целей устойчивого развития // Медицина труда и промышленная экология. – 2022. – Т. 62. – № 5. – С. 344–352.

Жаворонков Р. Н. Безусловный основной доход – будущее социального обеспечения? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 11. – С. 106–116.

Иванчина Ю. В. Эволюция парадигмы трудового права и факторы, ее опосредующие // Ежегодник трудового права. – 2023. – Вып. 13. – С. 7–25.

Кудрин С. М. Обеспечение прогресса технического творчества средствами трудового права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Пермь, 1998. – 24 с.

Кучина Ю. А. Влияние технологических факторов на качество трудовой жизни российских граждан // European and Asian Law Review. – 2025. – Т. 8. – № 4. – С. 25–34.

Ли К., Цюфань Ч. ИИ-2041. Десять образов будущего. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 432 с.

Лушников А. М., Лушникова М. В. О будущем трудового права в эпоху перемен // Herald of The Euro-Asian Law Congress. – 2018. – № 1. – С. 55–65.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Четвертая научно-техническая революция и трудовое право: реальные вызовы // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 2. – С. 3–6.

Лютов Н. Л., Черных Н. В. Трудовое право в условиях больших вызовов. – М.: Проспект, 2023. – 176 с.

Макафи М., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 368 с.

Маматказин И. Р. Постоянный посторонний уход: вопросы становления, развития и модели реализации // Социальное и пенсионное право. – 2025. – № 4. – С. 13–21.

Мингалева Ж. А., Шуралева С. В. Дистанционная занятость на онлайн интернет-платформах: современное состояние и проблемы правового регулирования в России // Ex Jure. – 2021. – № 2. – С. 102–117.

Негру Ф. П. Научно-технический прогресс и трудовой договор (некоторые вопросы): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1972. – 26 с.

О формировании человеческого капитала на разных этапах социально-экономического развития / С. Ю. Глазьев [и др.] // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – Вып. 82. – С. 140–170.

Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: моногр. / отв. ред. А. В. Габов, Н. В. Путило. – М.: Инфра-М, 2015. – 272 с.

Родионов П. В. Дискретность развития инновационной экономики: автореф. дис. … канд. экон. наук. – М., 2012. – 27 с.

Роик В. Д. Архитектура пенсионных институтов России // Журнал НЭА. – 2015. – № 3 (27). – С. 184–189.

Роик В. Д. Пенсионная система России: вызовы и пути модернизации. – СПб.: Питер, 2012. – 256 с.

Роик В. Д. Страхование рисков старости. Медицинское, гериатрическое и пенсионное. – СПб.: Питер, 2014. – 400 с.

Роик В. Д. Труд, его эволюция и перспективы // Народонаселение. – 2018. – Т. 21. – № 1. – С. 97–108. – DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-08.

Роик В. Д. Экономика развития: неравенство, бедность и развитие: учеб. пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2019. – 474 с.

Роик В. Д. Экономика, финансы и право социального страхования: институты и страховые механизмы. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 257 с.

Руз К. Устойчивы к будущему. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 256 с.

Рязанцева М. В. Новые вызовы «четвертой индустриальной революции»: навстречу гендерному равенству // Стратегии бизнеса. – 2017. – № 9 (41). – С. 3–7.

Саввина О. В., Степанова Д. И. Эффекты реализации концепции безусловного базового дохода // Устойчивое развитие науки и образования. – 2018. – № 9. – С. 10–14.

Сергеева А. В., Максимова М. Н. Специфика системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 10 (160). – DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.62.

Серова А. В., Щербакова О. В. Концепция права на неприкосновенность частной жизни в сфере труда в свете развития цифровой экономики // Государство и право. – 2023. – № 10. – С. 90–99.

Сойфер В. Г. Правовое регулирование хозяйственных и трудовых отношений, связанных с созданием и внедрением новой техники: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1966. – 21 с.

Соловьев А. К. Проблемы развития государственной пенсионной системы для достижения национальных целей // Социальное и пенсионное право. – 2025. – № 4. – С. 22–35.

Социальное обеспечение: настоящее и будущее: моногр. / отв. ред. М. Л. Захаров, Ю. В. Воронин. – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Юрид. фирма «Контракт», 2017. – 284 с.

Срничек Н. Капитализм платформ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. – 128 с.

Томашевский К. Л., Филипова И. А. Концепция цифрового трудового правоотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18. – № 4. – С. 114–142.

Трофимов Г. Когда и почему наука становится производительной силой // Монокль. – 2025. – № 43. – С. 36–40.

Трудовое право и научно-технический прогресс: моногр. / под ред. С. А. Иванова. – М.: Наука, 1974. – 562 с.

Трудовое право: национальное и международное измерение / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. – М.: Норма, 2022. – Т. 2: Трансформация трудовых отношений и проблемы отдельных институтов права. Нетипичная занятость. – 568 с.

Филипова И. А., Стешина О. М. Введение безусловного базового дохода как вероятное следствие интеллектуальной автоматизации сферы труда // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – № 18 (3). – С. 824–841. – URL: https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.824-841.

Филипова И. А. Метавселенные: как их развитие повлияет на работников и работодателей // Ежегодник трудового права. – 2023. – № 13. – С. 45–64.

Черных Н. В., Воронцов Д. И. Технотруд: к постановке вопроса о направлениях развития трудовых отношений в условиях развития систем искусственного интеллекта и роботизации производства // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – № 12 (181). – С. 90–101.

Шалито Н. Б. Правовые вопросы участия рабочих и служащих в рационализации производства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Л., 1967. – 23 с.

Шваб Ч. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2017. – 208 с.

Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. – 2020. – № 32 (1). – С. 30–54.

Шептулина Н. Н. Технический прогресс и вопросы правового регулирования труда женщин в СССР: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1972. – 25 с.

Шипилов А. В. Будущее постсовременного общества: вперед в прошлое? // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – Т. 21. – № 1. – С. 7–26.

Шуралева С. В. Право на неприкосновенность частной жизни в трудовом правоотношении: теоретические проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 57. – С. 527–551.

References

Andrushchuk, V. V. & Dlusskaya, V. V. & Mal`sagova, R. G. (2023) Platformizatsiya kak neizbezhnyi protsess stanovleniya tsifrovoi ekonomiki Rossii [Platformization as an inevitable process of the formation of Russia’s digital economy]. *Ekonomika stroitel`stva,* (4), 56–62.

Averbukh, V. M. (2010) Shestoi tekhnologicheskii uklad i perspektivy Rossii (kratkii obzor) [The sixth technological order and prospects of Russia (a brief overview)]. *Vestnik Stavropol`skogo gosudarstvennogo universiteta,* (71), 159–166.

Averina, I. S. (2021) Promyshlennaya revolyutsiya i tekhnologicheskii uklad: sushchnostnye kharakteristiki, skhodstva i otlichitel`nye cherty [Industrial revolution and technological order: essential characteristics, similarities and distinctive features]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 23 (1), 52–63.

Bobkov, V. N. (2023) Paradigma bazovogo dokhoda i ee vliyanie na vozmozhnosti razvitiya chelovecheskogo potentsiala [The basic income paradigm and its impact on human development opportunities]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 14 (4), 18–37.

Chernykh, N. V. & Vorontsov, D. I. (2025) Tekhnotrud: k postanovke voprosa o napravleniyakh razvitiya trudovykh otnoshenii v usloviyakh razvitiya sistem iskusstvennogo intellekta i robotizatsii proizvodstva [Techno-labor: on the question of the development directions of labor relations in the context of the development of artificial intelligence systems and robotization of production]. *Aktual`nye problemy rossiiskogo prava*, 20 (12:181), 90–101.

Chesalina, O. (2020) Platform Work as a New Form of Employment: Implications for Labor and Social Law. *New Forms of Employment: Current Problems and Future Challenges*. Wiesbaden, Springer, 153–167.

Filippova, I. A. & Steshina, O. M. (2024) Vvedenie bezuslovnogo bazovogo dokhoda kak veroyatnoe sledstvie intellectual`noi avtomatizatsii sfery truda [Introduction of unconditional basic income as a probable consequence of intellectual automation of the labor sphere]. *Russian Journal of Economics and Law*, 18 (3), 824–841, DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.824-841.

Filippova, I. A. (2023) Metavselennye: kak ikh razvitie povliyaet na rabotnikov i rabotodatelei [Metaverses: how their development will affect employees and employers]. *Ezhegodnik trudovogo prava*, (13), 45–64.

Gabov, A. V. & Putilo, N. V. (eds.) (2015) *Pravo i sotsial`noe razvitie: novaya gumanisticheskaya ierarkhiya tsennostei* [Law and social development: a new humanistic hierarchy of values]: monography. Moscow, Infra-M, 272.

Geliskhanov, I. Z. & Yudina, T. N. & Babkin, A. V. (2018) Tsifrovye platformy v ekonomike: sushchnost`, modeli, tendentsii razvitiya [Digital platforms in the economy: essence, models, development trends]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU*, 11 (6), 22–36.

Glaz`ev, S. Yu. (2020) Noonomika kak sterzhen` formirovaniya novogo tekhnologicheskogo i mirokhozyaistvennogo ukladov [Noonomics as the core of the formation of a new technological and world economic order]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, (2:64), 15–32.

Glaz`ev, S. Yu. (2022) Global`naya transformatsiya cherez prizmu smeny tekhnologicheskikh i mirokhozyaistvennykh ukladov [Global transformation through the prism of changing technological and world economic orders]. *AlterEconomics*, 19 (1), 93–115.

Glaz`ev, S. Yu., et al. (2020) O formirovanii chelovecheskogo kapitala na raznykh etapakh sotsial`no-ekonomicheskogo razvitiya [On the formation of human capital at different stages of socio-economic development]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, (82), 140–170.

Glushchenko, V. V. (2020) Nauchnaya teoriya tekhnologicheskikh ukladov i ee primenenie v upravlenii sotsial`no-ekonomicheskim razvitiem [Scientific theory of technological orders and its application in the management of socio-economic development]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, (2), available at: http://web.snauka.ru/issues/2020/02/91454 (accessed: 30.03.2026).

Golovina, S. Yu. & Lyutov, N. L. (eds.) (2022) *Trudovoe pravo: national`noe i mezhdunarodnoe izmerenie* [Labor law: national and international dimension]: monography. Moscow, Norma, (2), 568.

Golovina, S. Yu. & Shcherbakova, O. V. (2022) Novaya era v okhrane truda rabotnikov: bezopasnaya i zdorovaya sreda kak odna iz tselei ustoichivogo razvitiya [A new era in occupational safety and health: a safe and healthy environment as one of the sustainable development goals]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya*, 62 (5), 344–352.

Golovina, S. Yu. (2025) Primenenie tekhnologii iskusstvennogo intellekta pri formirovanii tsifrovogo profilya rabotnika [Application of artificial intelligence technology in the formation of a digital profile of an employee]. *Biznes, menedzhment i pravo*, (4:68), 104–109.

Ivanchina, Yu. V. (2023) Evolyutsiya paradigmy trudovogo prava i faktory, ee oposreduyushchie [Evolution of the labor law paradigm and the factors mediating it]. *Ezhegodnik trudovogo prava*, (13), 7–25.

Ivanov, S. A. (ed.) (1974) *Trudovoe pravo i nauchno-tekhnicheskii progress* [Labor law and scientific and technological progress]: monography. Moscow, Nauka, 562.

Kuchina, Yu. A. (2025) Vliyanie tekhnologicheskikh faktorov na kachestvo trudovoi zhizni rossiiskikh grazhdan [The Impact of Technological Factors on the Quality of Working Life of Russian Citizens]. *European and Asian Law Review*, 8 (4), 25–34.

Kudrin, S. M. (1998) Obespechenie progressa tekhnicheskogo tvorchestva sredstvami trudovogo prava [Ensuring the progress of technical creativity by means of labor law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Perm`, 24.

Lee, K. & Qiufan, C. (2022) II-2041. Desyat` obrazov budushchego [AI-2041. Ten images of the future]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 432.

Lushnikov, A. M. & Lushnikova, M. V. (2018) O budushchem trudovogo prava v epokhu peremen [On the future of labor law in an era of change]. *Herald of The Euro-Asian Law Congress*, (1), 55–65.

Lushnikov, A. M. & Lushnikova, M. V. (2019) Chetvertaya nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i trudovoe pravo: real`nye vyzovy [The fourth scientific and technological revolution and labor law: real challenges]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, (2), 3–6.

Lyutov, N. L. & Chernykh, N. V. (2023) *Trudovoe pravo v usloviyakh bol`shikh vyzovov* [Labor law in the context of great challenges]. Moscow, Prospekt, 176.

Makafi, M. & Brin'olfson, E. (2019) *Mashina, platforma, tolpa. Nashe tsifrovoe budushchee* [Machine, platform, crowd. Our digital future]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 368.

Mamatkazin, I. R. (2025) Postoyannyi postoronnii ukhod: voprosy stanovleniya, razvitiya i modeli realizatsii [Permanent extraneous care: issues of formation, development and implementation models]. *Sotsial`noe i pensionnoe pravo*, (4), 13–21.

Mingaleva, Zh. A. & Shuraleva, S. V. (2021) Distantsionnaya zanyatost` na onlain internet-platformakh: sovremennoe sostoyanie i problemy pravovogo regulirovaniya v Rossii [Remote employment on online internet platforms: current state and problems of legal regulation in Russia]. *Ex Jure*, (2), 102–117.

Negru, F. P. (1972) *Nauchno-tekhnicheskii progress i trudovoi dogovor (nekotorye voprosy)* [Scientific and technological progress and the employment contract (some issues)]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 26.

Parijs, Ph. Van (2013) The Universal Basic Income: Why Utopian Thinking Matters, and How Sociologists Can Contribute to It. *Politics & Society*, 41 (2), 171–182, DOI: 10.1177/0032329213483106.

Rodionov, P. V. (2012) *Diskretnost` razvitiya innovatsionnoi ekonomiki* [Discreteness of innovative economy development]: autoabstr. of cand. ekon. sc. thesis. Moscow, 27.

Roik, V. D. (2012) Pensionnaya sistema Rossii: vyzovy i puti modernizatsii [The pension system of Russia: challenges and ways of modernization]. Saint-Petersburg, Piter, 256.

Roik, V. D. (2013) *Ekonomika, finansy i pravo sotsial`nogo strakhovaniya: instituty i strakhovye mekhanizmy* [Economics, finance and law of social insurance: institutions and insurance mechanisms]. Moscow, Al`pina Pablisher, 257.

Roik, V. D. (2014) *Strakhovanie riskov starosti. Meditsinskoe, geriatricheskoe i pensionnoe* [Insurance of old age risks. Medical, geriatric and pension]. Saint-Petersburg, Piter, 400.

Roik, V. D. (2015) Arkhitektura pensionnykh institutov Rossii [The architecture of pension institutions in Russia]. *Zhurnal NEA*, (3:27), 184–189.

Roik, V. D. (2018) Trud, ego evolyutsiya i perspektivy [Labor, its evolution and prospects]. *Narodonaselenie*, 21 (1), 97–108, DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-08.

Roik, V. D. (2019) *Ekonomika razvitiya: neravenstvo, bednost` i razvitie* [Development economics: inequality, poverty and development]: textbook for universities. Moscow, Yurait, 474.

Rouz, K. (2021) *Ustoichivy k budushchemu* [Future proof]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 256.

Ryazantseva, M. V. (2017) Novye vyzovy «chetvertoi industrial`noi revolyutsii»: navstrechu gendernomu ravenstvu [New challenges of the 'fourth industrial revolution': towards gender equality]. *Strategii biznesa*, (9:41), 3–7.

Savvina, O. V. & Stepanova, D. I. (2018) Effekty realizatsii kontseptsii bezuslovnogo bazovogo dokhoda [Effects of implementing the concept of unconditional basic income]. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, (9), 10–14.

Schwab, K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow, Eksmo, 208.

Sergeeva, A. V. & Maksimova, M. N. (2025) Spetsifika sistemy dolgovremennogo ukhoda za grazhdanami pozhilogo vozrasta i invalidami [Specifics of the long-term care system for elderly citizens and disabled people]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel`skii zhurnal*, (10:160), DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.62.

Serova, A. V. & Shcherbakova, O. V. (2023) Kontseptsiya prava na neprikosnovennost` chastnoi zhizni v sfere truda v svete razvitiya tsifrovoi ekonomiki [The concept of the right to privacy in the sphere of labor in the light of the development of the digital economy]. *Gosudarstvo i pravo*, (10), 90–99.

Shalito, N. B. (1967) *Pravovye voprosy uchastiya rabochikh i sluzhashchikh v ratsionalizatsii proizvodstva* [Legal issues of workers' and employees' participation in production rationalization]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Leningrad, 23.

Sheptulina, N. N. (1972) *Tekhnicheskii progress i voprosy pravovogo regulirovaniya truda zhenshchin v SSSR* [Technological progress and issues of legal regulation of women's labor in the USSR]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 25.

Shevchuk, A. V. (2020) Ot fabriki k platforme: avtonomiya i control` v tsifrovoi ekonomike [From factory to platform: autonomy and control in the digital economy]. *Sotsiologiya vlasti*, 32 (1), 30–54.

Shipilov, A. V. (2018) Budushchee postsovremennogo obshchestva: vpered v proshloe? [The future of post-modern society: back to the past?]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial`noi antropologii*, 21 (1), 7–26.

Shuraleva, S. V. (2022) Pravo na neprikosnovennost` chastnoi zhizni v trudovom pravootnoshenii: teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya [The right to privacy in labor relations: theoretical problems of legal regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (57), 527–551.

Soifer, V. G. (1966) *Pravovoe regulirovanie khozyaistvennykh i trudovykh otnoshenii, svyazannykh s sozdaniem i vnedreniem novoi tekhniki* [Legal regulation of economic and

labor relations related to the creation and introduction of new technology]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 21.

Solov`ev, A. K. (2025) Problemy razvitiya gosudarstvennoi pensionnoi sistemy dlya dostizheniya national`nykh tselei [Problems of development of the state pension system for achieving national goals]. *Sotsial`noe i pensionnoe pravo*, (4), 22–35.

Srnicek, N. (2021) *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. Moscow, Izdatel`skii dom VSHE, 128.

Tomashevskii, K. L. & Filipova, I. A. (2025) Kontseptsiya tsifrovogo trudovogo pravootnosheniya [The concept of digital labor relationship]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 18 (4), 114–142.

Trofimov, G. (2025) Kogda i pochemu nauka stanovitsya proizvoditel`noi siloi [When and why science becomes a productive force]. *Monokl`*, (43), 36–40.

Vorontsov, S. G. (2007) *Rol` trudovogo prava v obespechenii progressa nauchnogo tvorchestva* [The role of labor law in ensuring the progress of scientific creativity]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Perm`, 20.

Zakharov, M. L. & Voronin, Yu. V. (eds.) (2017) Sotsial`noe obespechenie: nastoyashchee i budushchee [Social security: present and future]: monography. Moscow, Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossiiskoi Federatsii, Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 282.

Zhavoronkov, R. N. (2019) Bezuslovnyi osnovnoi dokhod – budushchee sotsial`nogo obespecheniya? [Unconditional basic income – the future of social security?]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina,* (11), 106–116.

Информация об авторах

Юлия Валерьевна Васильева – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: vasilev95@list.ru).

Светлана Владимировна Шуралева – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: shura_leva@mail.ru).

Information about the authors

Yulia V. Vasilyeva – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law of the Perm State National Research University (e-mail: vasilev95@list.ru).

Svetlana V. Shuraleva – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Labor and International Law of the Perm State National Research University (e-mail: shura_leva@mail.ru).

© Ю. В. Васильева, 2026
© С. В. Шуралева, 2026

Дата поступления в редакцию / Received: 30.03.2026
Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2026

Научное издание
European and Asian Law Review

2026

Том 9. Выпуск 2

Адрес учредителя, издателя и распространителя:
620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Адрес редакции журнала:
620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, оф. 114
Телефон: +7 (343) 375-06-70; e-mail: ealawreview@uslu.su
https://ealawreview.usla.ru/

Редактор *О. Ю. Петрова*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*
Дизайн обложки *А. Н. Ковшова*

Распространение бесплатное

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11 Федерального закона
от 29.12.2020 № 436-ФЗ маркировке не подлежит

Подписано в печать 08.05.2026. Выход в свет 31.05.2026
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,20. Уч.-изд. л. 13,59. Тираж 500 экз.
Заказ №

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Отпечатано в ООО «Принт»
426035, Удмуртская Республика,
г. о. город Ижевск, г. Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, помещ. 5

Scientific Periodical

European and Asian Law Review

2026

Volume 9. Issue 2

Address of the founder, publisher and distributor:
21 Komsomolskaya Str., of. 114, Yekaterinburg, Russia 620066

Address of the editorial staff office:
21 Komsomolskaya Str., of. 114, Yekaterinburg, Russia 620066
Phone: +7 (343) 375-06-70; e-mail: ealawreview@uslu.su
https://ealawreview.usla.ru/

Proofreader *O. Yu. Petrova*
Computer make-up *I. V. Yatsuk*
Cover designer *A. N. Kovshova*
Free distribution

In accordance with item 1 section 2 article 1,
item 1 section 4 article 11 of the Federal Law of
December, 29 2020 No. 436-FZ the journal is not subject to identification.

Signed for publishing 08.05.2026. Publication 31.05.2026
Layout 60x84/8. Reg. pr. sh. 17,20. Reg. ed.sh. 13,59. Circulation 500 copies
Order No.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya Str., of. 114, Yekaterinburg, Russia 620066

Printed by 'Print' LLC
426035, Udmurt Republic, Izhevsk, Timiryazeva str., 5, room 5